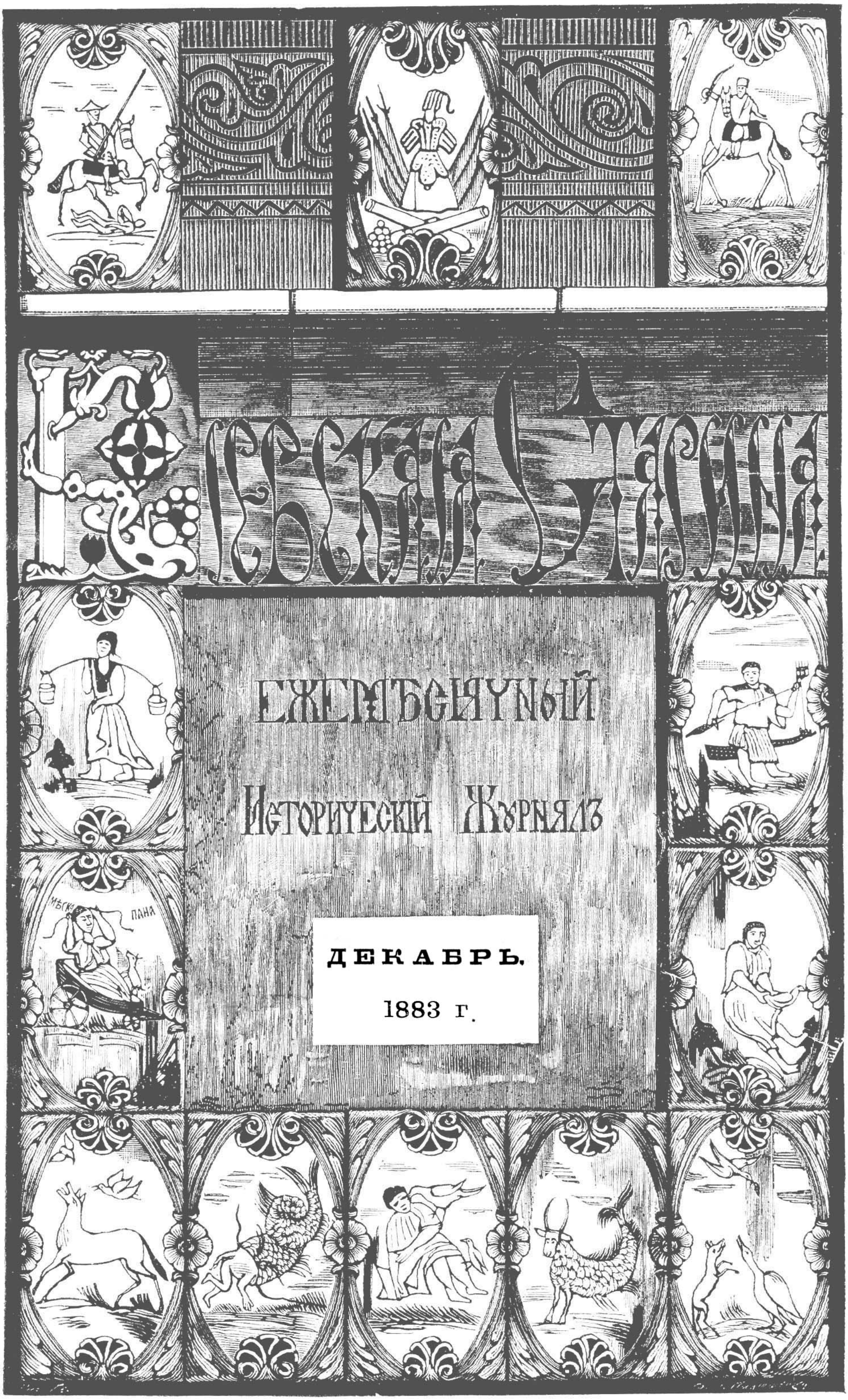

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

ДЕКАВРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го декабря 1883 года.

Апостола и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго.* Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* **„Кіевской Старины“**, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Фото Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ.

Кн. Софія Острожская, ур. гр. Тарновская.

1534—1570 г.

КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

По времени колонизаціи нынѣшнюю Кубанскую область можно раздѣлить на четыре района. Колонизація началась съ сѣверныхъ частей области и распространялась потомъ на югъ. Предварительно были заняты двѣ мѣстности, изъ которыхъ, какъ изъ исходныхъ пунктовъ, продолжалось затѣмъ дальнѣйшее заселеніе края. Такими основыми районами оказываются Черноморія и Старая Линія, занятыя козаками почти одновременно, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и обнимающіе собою въ настоящую пору всю сѣверную, равнинную часть нынѣшней кубанской области, по правую сторону р. Кубани, начиная отъ ея верховьевъ и оканчивая устьями. Позже, спустя почти полъ-вѣка, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, была заселена Новая Линія, занявшая большую часть мѣстности между Кубанью и Лабою, до сліянія этихъ рѣкъ. Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, была колонизована остальная часть кубанской области—Закубанскій край. Этотъ послѣдній районъ занялъ собою длинное пространство закубанскихъ предгорій и ущелій отъ элборусскихъ отроговъ и до береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшую въ колонизаціонномъ отношеніи мѣстность представляетъ Черноморія. Черноморія—прамая наслѣдница Запорожья. Въ составъ ея первочачальныхъ поселенцевъ вошли частію запорожцы, а частію лица имѣвшія тѣ или другія отношенія къ Запорожской Сѣчи. Вообще же этими поселенцами были малороссы.

Какъ извѣстно, въ 1775 году была разрушена, по приказанію Екатерины II, послѣдняя Запорожская Сѣчь великорусскими войсками подъ командою генерала Текелія. Двѣнадцать лѣтъ спустя, изъ разсѣянныхъ запорожцевъ снова было образовано козачье войско.

получившее сначала названіе: „Войско вѣрныхъ козаковъ“ въ отличіе отъ войска тѣхъ запорожцевъ, которые, не захотѣвъ мириться съ великорусскими порядками и нововведеніями, бѣжали въ Турцію. Впослѣдствіи къ названію „вѣрныхъ козаковъ“ было прибавлено названіе „Черноморскіе“, данное козакамъ въ память тѣхъ подвиговъ, которыми они ознаменовали себя на Черномъ морѣ въ бывшую въ то время русско-турецкую войну. И вотъ эти то черноморскіе козаки и были поселены въ 1792 году въ Черноморіи, т. е. въ западной половинѣ прикубанской полосы нынѣшней кубанской области.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. в., Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоего пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло частію изъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ и на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто козачьи, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сѣчь; но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Послѣдняя Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, состояла изъ бездомнаго, безсемейнаго „товариства“, а принадлежащія ей земли были раздѣлены на „паланки“, населенныя преимущественно семейнымъ казачествомъ или „подданствомъ“. Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товариства, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное козачество, въ составъ котораго входили и безсемейные козаки, „сирома“, какъ часть отличнаго по своему личному составу отъ запорожской общины цѣлаго. Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ воз-

никли совершенно другіе порядки и пріемы для заселенія края, какіе ужъ были разъ примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ. Екатеринодаръ, основанный 1793 г., былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ козачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточивалось главное войсковое начальство; здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены курени, казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирома и служилые козаки. Затѣмъ остальное козачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлью весною 1794 г. кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній. Брошенный затѣмъ, по обычаю стараго сѣчеваго козачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ „куренныхъ селеній", получившихъ тѣже самыя названія, подъ которыми были извѣстны 38 куреней въ Запорожской Сѣчи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Екатерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости Березани, взятой черноморцами у турокъ въ предшествовавшую предъ тѣмъ русско-турецкую войну. Самое названіе: „куренное селеніе", очевидно, указывало какъ на преемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ—„куреней", такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ—„селеній", принаровленныхъ къ семейному общежитію. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово „курень" безъ всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и изрѣдка слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовники и коши, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отоношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у

поселенцевъ составлялъ скотъ, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошемъ.

И такъ, двѣ собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ. Необходимость существованія перваго вызывалась коллективными требованіями козачества, необходимость существованія второго вытекала изъ хозяйственныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то козачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступить наружу требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію, искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ внѣшнихъ враговъ государства, какимъ издавна считалось козачество. Этою-то двойственною ролью козачества, какъ военнаго сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обусловливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у Черноморцевъ—кордоны или посты, т. е. небольшія козачьи крѣпости и пикеты („бикеты“), т. е. еще менѣе значительные сторожевые пункты.

Для исторіи колонизаціи Черноморіи существенно важны, конечно, только перваго рода формы козачьихъ поселеній—курени и хутора. Кордоны и пикеты, разъ возникнувъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, такъ и остались потомъ, претерпѣвая временами незначительныя измѣненія, военными укрѣпленіями, исчезнувшими безвозвратно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ исключительныхъ военныхъ условій. Развитіе гражданской и экономической жизни козачества

шло рука объ руку съ историческимъ ростомъ куреня и хутора. Здѣсь, въ предѣлахъ территоріальныхъ границъ, тяготѣвшихъ къ этимъ формамъ, и шло собствено заселеніе Черноморіи въ теченіи послѣдующихъ затѣмъ десятилѣтій. Сюда былъ направленъ притокъ колонизаціонныхъ элементовъ извнѣ и тутъ же совершалось постоянная замѣна, возникновеніе и видоизмѣненіе колонизаціонныхъ формъ путемъ внутренняго самостоятельнаго развитія.

Строго говоря, на ходъ колонизаціи Черноморіи имѣли вліяніе различныя обстоятельства, но въ общемъ всѣ эти вліянія носили двойственный характеръ: въ однихъ случаяхъ возникновеніе поселочныхъ формъ вызывалось мѣстными причинами, требованіями самой жизни, въ другихъ—дѣятельную роль играли въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія.

Населяя новый, малоизвѣстный до того край, черноморцы не могли, понятно, сразу же ознакомиться съ его естественными особенностями. Поэтому, частію вслѣдствіе незнанія этихъ особенностей, а частію по винѣ администраціи, на первыхъ же шагахъ колонизаціи явилась надобность въ нѣкоторыхъ передвиженіяхъ и перераспредѣленіи поселенцевъ. Уже въ концѣ 1799 г. наказный атаманъ Котляревскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ о Черноморскомъ войскѣ прямо указываетъ на то, что однихъ поселенцевъ прежнее начальство селило „противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ“. Впослѣдствіи стѣсненія въ этомъ родѣ, благодаря вольному пользованію войсковыми землями и угодьями, должны были выступить наружу въ жизни козака еще рѣзче. И козачество, по понятнымъ причинамъ, старалось обійти и парализовать такія стѣсненія. Съ этою цѣлію имъ переносились съ мѣста на мѣсто хутора и даже передвигались цѣлые курени [1]), какъ это случилось съ Ивановскимъ куренемъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постоянный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи [2]). Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постанов-

[1]) Короленко, «Черноморцы», стр. 62.

[2]) См. статью «Бѣглые въ Черноморіи», въ 5 кн. «Кіевск. Стар.» 1883 г.

леніяхъ и распоряженіяхъ самаго войска находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для „пресѣченія зла“, а съ другой козачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія видимо отдѣлывалось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполнѣ понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелецъ былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглецъ, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться, тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старыя.

Но главную массу переселенческаго люда давало Черноморіи все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три пріема—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоего пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужескаго и 19,328 душъ женскаго пола, съ 1820—1825 г. вновь прибыло изъ тѣхъ-же губерній 25,627 душъ мужескаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 года изъ тѣхъ-же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерній харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужескаго и до 7,000 душъ женскаго пола [1]). Кромѣ того, въ 1808 г. правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи [2]). Стало быть, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее

---

[1]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45. Бентковскій, «Заселеніе Черноморіи», стр. 69 и 104.

[2]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45.

изъ 25,000 душъ обоего пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ.

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣчательнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлить изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 г., т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ заселенія края, вмѣсто 40 куреней, было ихъ 43, въ 1821 г. считалось 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 г.—3 города, 61 станица и 2 поселка[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 г. ихъ было 66, въ 1821 г.—1766, въ 1825—2262 и въ 1850 г.—2548[2]). А въ общей сложности къ концу шестидесятыхъ годовъ[3]), по словамъ Ивана Даниловича Попка, въ Черноморіи было „3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 поселковъ и до 3000 хуторовъ“, съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоего пола[4]).

Нѣсколько иначе производилась колонизація Старой Линіи.

Старая Линія, какъ показываетъ и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть куреней примыкала къ военной границѣ, именно три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическимъ пунктахъ. Такимъ образомъ, линейныя станицы были бо-

---

[1]) Неизданые матеріалы изъ войсковаго архива, Ев. Д. Фелицына.

[2]) Ibid.

[3]) Книга г. Попка, издана въ 1858 г.

[4]) Попка «Черн. козаки», стр. 49 и 50.

лѣе военными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказкихъ горцевъ поселеніями, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренями въ 1794 г. Въ этомъ году было основано по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмутившимися донскими козаками. Двѣ изъ нихъ были поселены при кавказской и усть-лабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориполисскомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣсскомъ ретраншементѣ и одна при Воровсколѣсскомъ редутѣ[1]), при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 г., по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ Слободской Украйны четыре станицы—Телишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того-же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 г. населена тѣми-же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе кавказскаго полка[2]). Впослѣдствіи, преимущественно въ 1825 г., было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ для усиленія линейнаго козачества, по распоряженію правительства, въ два пріема было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, именно: 13 въ 1833 г. и 4 въ 1848 г., и присоединены къ бывшему кавказскому линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, параллельно съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ Дебу, станица Телишбекская завела свои хутора на сѣверъ

---

[1]) Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. 11-й, стр. 245, Дебу, «О кавказской линіи и черноморскомъ войскѣ», стр. 68.

[2]) Бутковъ, «Матеріалы» и пр., т. 11-й, стр. 256 и 257. Дебу, «О кавказ. линіи» и пр., стр. 70. Въ 1812 г. Телишбекская станица была перечислена въ кубанскій полкъ, а усть-лабинская въ кавказскій.

отъ Кубани по р. Рашеваткѣ [1]); казаки кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани на разстояніи 20 и 40 верстъ хутора при болотныхъ рѣчкахъ [2]). Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ военныхъ условіяхъ, а съ другой болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это-же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество, сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны своего этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось козачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Къ 1829 году состоялось даже Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ кавказскую область, въ работники поселеннымъ на кавказской линіи козакамъ. [3]) Мѣра общая по тому времени для всей кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразные элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и козаки бывшаго екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорусскіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣе экономическая жизнь, вылившись въ козачьи формы, получила яркую

---

[1]) Дебу, «О кавказской линіи», стр. 69.

[2]) Тамъ-же, стр. 76.

[3]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кав. линейнаго войска», стр. 28.

великорусскую окраску, съ сильнымъ общиннымъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи началось съ 1841 года. Проэктъ объ этомъ, возникнувшій по мыслѣ генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розеномъ [1]), былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 г. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства потомъ раздвинули значительно шире предположеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіи двадцати лѣтъ, пополняясь черезъ извѣстные промежутки все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 г. было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ-бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и наконецъ въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы. Итого, слѣдовательно, въ теченіи двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ и почти единственнымъ колонизующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили козаки старыхъ станицъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго терскаго войска и селъ ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семейттвъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе въ владикавказскомъ полку нынѣшняго терскаго войска, да въ разное потомъ время нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ сюда-же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ колонизація Новой Линіи была почти исключительнымъ дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселен-

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска», стр. 21.

цевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 р. на семью. Мѣра эта и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго лабинскаго края[1]).

Отличительная черта колонизаціи Новой Линіи заключается въ полнѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Линія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря безпрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, принуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, „чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ[2])". Оно-же совѣтовало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ сѣна и давало наставленіе, какъ косить его, складывать въ стога и т. п., „чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ", „отъ ихъ зажигательства".

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда козакъ и пахалъ, и косилъ, и убиралъ хлѣбъ, и возилъ дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Линіи являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать, или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 г., т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Линіи начинаютъ особенно быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Послѣдній актъ заселенія Кубанской области является самою крупною мѣрою по отношенію къ насажденію вынужденной, правительственной колонизаціи въ этомъ краѣ. Въ короткое время, среди самыхъ неблагопріятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлой сѣтью козачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ

---

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска, стр. 21—42

[2]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской.

заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ козаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и козакамъ оно не легко досталось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженныя, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборнмыхъ трудностей, другимъ суждено полечь костьми прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько нибудь прочною ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ сложившій наконецъ оружіе горецъ.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіи 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями солдатскихъ и козачьихъ колоннъ и отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ поселеній. Колонизація началась съ восточной стороны кубанскихъ предгорій и, попавъ въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ-же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ чисто военною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и разсчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить за Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ кубанскаго козачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проэкту, шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ своего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожительствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіи года! Понятно, что такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить козаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ не большія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожительствѣ. Застигнутые врасплохъ козаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ

на приведеніи въ исполненіе проэктированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Въ концѣ концевъ графу Евдокимову пришлось самому-же исправлять собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи закубанскаго края цѣлыми станицами была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, новыя мѣры дали и новые результаты. Въ 1861-же году было поселено въ два пріема 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 г. колонизація приняла еще болѣе широкіе размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ-же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось козакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ закубанскомъ краѣ, какъ изъ среды кубанскаго войска, такъ и изъ войска донскаго, азовскаго, оренбургскаго, уральскаго и терскаго. Такимъ образомъ въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семействъ, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ [2]). Въ теченіе-же всего четырехъ лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ козачьихъ поселеній и въ нихъ поселено 14,081 семействъ.

Самое расположеніе станицъ находилось, конечно, въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубанскую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и неприступныхъ уголковъ ихъ мѣстожительства. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣчен-

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 7—73.

[2]) Тамъ-же, стр. 75—78.

ская, Ново-Дмитріевская, Абинская и пр. возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и разсчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ все тѣмъ-же военнымъ цѣлямъ. Козаки и вообще служило—военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходится на долю кубанскихъ козаковъ, 25,3% на долю козаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и людей другихъ сословій [1]). Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежала печать военнаго Молоха, въ жертву которому искони приносилось козачество, служившее, по выраженію г. Попка, „живою изгородью на рубежахъ отечественной земли". Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбѣжны. И дѣйствительно нѣкоторыя станицы, какъ Псеменская, впослѣдствіи были совсѣмъ снесены и разселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя экономическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслѣ расширенія границъ козачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе черкесовъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Козаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и козачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ разселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 76 и 77. Взятыя у г. Бентковскаго цифры для опредѣленія процентныхъ отношеній состава закубанскихъ переселенцевъ значительно разнятся отъ цифръ, приведенныхъ г. Бентковскимъ-же при населеніи станицъ.

область по прежнему продолжался извнѣ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Козачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общихъ административныхъ мѣропріятій еще даютъ себя чувствовать козаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предначертанію и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 г. были основаны Славянская, Георгіе-Афинская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курченская станицы, въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже козачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возрасло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго разселенія теряется въ козачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ инициативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрація только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широчанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это-же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другого рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ или, по выраженію черноморцевъ, „городовиковъ", т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо козачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ кубанскихъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки на-

чинаютъ принимать болѣе общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Резенфельдская и Эйнфельдская въ кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Козьминское, Ольгинское и Успенское въ баталпашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти не козачьи поселенія дали относительно незначительную цифру пересленцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю „иногороднихъ" или „городовиковъ". Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь козачества болѣе сильную экономическую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени измѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иногороднихъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 г. закона, дозволившаго лицамъ не войсковаго сословія пріобрѣтать въ собственность усадебныя строенія на козачьихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области, крестьяне преимущественно южно-русскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возрасло до 250,000 душъ, что составитъ 25% казеннаго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись большею частью по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ, кромѣ того, была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжаетъ приниматься и по сію пору.

Таковъ въ общихъ чертахъ историческій ходъ колонизаціи въ Кубанской области. Съ самаго начала колонизаціи и до половины шестидесятыхъ годовъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ, военныя причины и обстоятельства имѣли чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе и характеръ поселочныхъ формъ. Только Черноморія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Въ обычаѣ

вообще козачества селиться крупными селеніями, и этотъ обычай осложнялся потомъ все новыми и новыми требованіями въ каждомъ новомъ случаѣ. Козаки селились скученными поселеніями, „по плану“, кварталами, съ прямыми улицами, даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, они навѣрное придали-бы селенію болѣе разбросанный видъ. Затѣмъ для хозяйственныхъ нуждъ они прибѣгали къ устройству зимовниковъ, кошей и хуторовъ. 1864 годъ, годъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, завершивъ поступательный ходъ козачьей колонизаціи, принесъ съ собою новыя условія для дальнѣйшаго заселенія Кубанской области. Требованія въ этомъ отношеніи военной жизни, завоевательныя задачи и интересы борьбы съ черкесами сходятъ со сцены окончательно и безповоротно. Наступаетъ иная, мирная, гражданская жизнь, начинается внутренняя переработка и уравновѣшиваніе колонизаціонныхъ элементовъ и формъ; въ то-же время извнѣ, изъ Россіи, годъ съ годомъ усиливается притокъ пришлаго безземельнаго люда. Все это даетъ сильнѣйшій толчокъ развитію экономической жизни козачества: земельная община становится фокусомъ, около котораго концентрируются самыя разнообразныя экономическія теченія, а внутри котораго идетъ дѣятельная борьба старыхъ общинныхъ порядковъ съ новыми.

Ф. Щербина.

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности *).

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., разбирая пѣсни *о взятіи козаками Азова* и сообщая записанные на Украйнѣ варіанты пѣсни о *сынѣ Стеньки Разина*, мы подошли къ вопросу о необходимости сравнительнаго изслѣдованія украинской народной словесности и въ частности пѣсенъ. Такое изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, составляетъ теперь настоятельную необходимость. Сравненіе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ нѣсколькихъ кругахъ разной величины радіусовъ: въ кругѣ русскомъ (велико-бѣло-мало-русскомъ), въ кругѣ славянскомъ, въ кругѣ арійскомъ, въ кругѣ культурно-человѣческомъ, наконецъ въ кругахъ болѣе тѣсныхъ и, такъ сказать, случайныхъ,—въ кругу области народовъ разнаго племени и разной степени культуры, которые соприкасались съ нашимъ народомъ и передали ему, или отъ него заимствовали извѣстную часть матеріала народной словесности. Обстоятельное сравненіе этого матеріала у разныхъ народовъ, сравненіе какъ основныхъ темъ, такъ и ихъ развитія въ подробностяхъ, опредѣлило-бы какъ *отличіе* нашей словесности, такъ и *сходство* ея съ другими, а въ послѣднемъ случаѣ опредѣлило-бы, происходитъ-ли это сходство отъ *совпаденія* или отъ *унаслѣдованія* изъ общаго когда-то, племеннаго достоянія, или-же (какъ это чаще всего бываетъ) отъ *заимствованія* при взаимномъ культурномъ вліяніи. Только тогда, когда подобнымъ образомъ будетъ изслѣдована наша народная словесность посредствомъ метода *интернаціональнаго* сравненія, можно будетъ говорить съ основательностію о ея *національномъ* элементѣ.

---

*) См. «Кіевская Старина» 1882 г., кн. XI.

Само собою разумѣется, что такая разработка нашей богатой народной словесности можетъ быть дѣломъ только совокупныхъ усилій цѣлаго ряда ученыхъ. Не имѣя претензій на что либо цѣльное и исчерпывающее даже какую-бы то нибыло отдѣльную область предмета, мы предполагали въ нашихъ замѣткахъ по крайней мѣрѣ представить хоть по одному примѣру, взятому изъ каждаго круга изъ числа тѣхъ намѣченныхъ выше круговъ, въ какихъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы производить сравненіе нашей народной словесности съ словесностью другихъ народовъ. Но чтеніе текущихъ работъ и замѣтокъ по интересующему насъ предмету, появляющихся въ Кіевѣ, ставшемъ въ послѣднее время центромъ нашего родиновѣдѣнія, заставляетъ насъ обратиться сначала къ этимъ работамъ и замѣткамъ и постараться отвѣтить съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія на вопросы, уже возбуждаемые этими работами и замѣтками.—Таковы поводы и цѣль нижеслѣдующихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

III [1]).

Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ.

Въ IV книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ помѣщена замѣтка—г. О. Пч. подъ заглавіемъ: *„Отживающая или начальная форма „вертепной драмы?“* Главное содержаніе замѣтки этой заключается въ сообщеніи о томъ, какъ не очень давно автору пришлось видѣть въ г. Луцкѣ странствующаго „мазура“ съ кукольнымъ театромъ, на которомъ мазуръ этотъ представлялъ рождественскую комедію съ прибавленіемъ бытовыхъ сценокъ, на которыхъ выводились пары цыганъ, жидовъ, мазуровъ и русиновъ. Заглавіе замѣтки, составленное въ видѣ вопроса, вызываетъ читателей „Кіевской Старины“ къ отвѣтамъ, одинъ изъ каковыхъ смѣемъ предложить и мы.

Прежде всего замѣтимъ, что образцы польско вертепной рождественской комедіи, въ родѣ той, которую видѣлъ г. О. Пч. въ Луцкѣ, извѣстны уже въ печати со времени изданія Конопки:

---

[1]) I и II замѣтки см. «Кіевск. Стар.» 1882 г., кн. XI, стр. 229—250.

Pieśni ludu Krakowskiego (1840; стр. 84 и слѣд.). Не очень давно, въ V-мъ томѣ извѣстнаго собранія Кольберга: *Lud*, (Kraków 1871) напечатано два варіанта рождественской комедіи, исполняемой въ польскихъ вертепахъ, называемыхъ *Szopka* или *Iasełka* (стр. 197—226).

Что касается собственно вопроса, отживающая или начальная формя „вертепной драмы"—есть эта *Szopka*, то вопросъ этотъ уже разрѣшенъ исторіей подобныхъ драмъ на Западѣ, гдѣ онѣ и возникали. Исторія эта вкратцѣ разсказана, хотя и далеко не обстоятельно, и на русскомъ языкѣ, въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ" (Москва. 1870). По множеству публикованныхъ въ послѣднее десятилѣтіе текстовъ западно-европейскихъ, старинныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ драмъ, комедій, фарсовъ и т. п., —твердо устанавливается такой ходъ развитія пьесъ въ родѣ польскихъ и украинскихъ рождественскихъ комедій: *начальная форма ихъ появляется въ церквяхъ* въ видѣ драматизаціи богослуженія, достигаемой раздѣленіемъ чтенія литургическихъ текстовъ между разными лицами и хоромъ, установкою статуй и декорацій. Это *драма литургическая*. За тѣмъ уже достаточно развившіяся изъ литургическихъ *религіозныя* драмы (рождественскіе, страстные, воскресенскіе, на праздникъ Божьяго тѣла и т. п.) исполнялись самостоятельно, но все еще долго въ церквяхъ, изъ которыхъ постепенно стали выходить на площади и въ частные дома, причемъ драмы эти стали и сжиматься въ *кукольныя* представленія, и разбиваться на отрывки въ видѣ *діалоговъ* и *виршей*. Діаволъ, Иродъ, пастухи, жиды, солдаты (у гроба Христова), женщины-мvроносицы и т. п. постепенно принесли съ собою въ религіозную драму бытовой и комическій элементъ, который со временемъ сталъ занимать въ этой драмѣ совсѣмъ почти самостоятельное положеніе въ видѣ тѣхъ *интерлюдій*, какіе извѣстны и въ украинской литературѣ XVIII в.

На основаніи всего, что до сихъ поръ извѣстно, театръ въ Польшѣ и на Украйнѣ появился прямо перенесеннымъ съ запада, причемъ, кажется, у насъ, на Украйнѣ почти не было формы литургической драмы, кромѣ развѣ зародыша ея въ видѣ чтенія *Пассій*. Театръ на Украйнѣ, кажется, начался прямо съ вторичной драмы, религіозной или мистеріи, исполняемой въ школахъ и на

площадяхъ. Что драма эта на Украйнѣ прямо западнаго происхожденія, вначалѣ *чисто-переводная,* въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія послѣ сравненія, напримѣръ, текста Рождественской драмы, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, и переработокъ подобныхъ ей текстовъ въ спискахъ вертепной комедіи Маркевича и Галагана, съ западными текстами, напечатанными напримѣръ у *Parfait* въ Histoire du thâtre français и др. Говоря это, мы разумѣемъ особенно серьезную, собственно рождественскую сторону нашей вертепной комедіи, такъ какъ ея комическая сторона, дивертисментъ, гораздо болѣе самостоятельна.

Вопросъ, интересный для изслѣдованія, теперь только въ слѣдующемъ: съ какого собственно текста сдѣланъ былъ переводъ нашей рождественской комедіи и какимъ путемъ явился къ намъ оригиналъ этого перевода? Былъ-ли это оригиналъ латинскій и пришелъ ли онъ къ намъ черезъ поляковъ, или черезъ нѣмцевъ,—или наши переводчики рождественской комедіи передѣлывали свой тексть съ перевода польскаго, или нѣмецкаго? Отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ будетъ интересенъ для исторіи общенія нашихъ предковъ съ западомъ вообще и въ частности для уясненія вопроса о томъ, были-ли поляки единственными посредниками въ этомъ общеніи, какъ обыкновенно принято думать? Что посредниками этими могли быть и нѣмцы, это дѣлаетъ вѣроятнымъ и то обстоятельство, что напримѣръ въ Львовѣ издавна была нѣмецкая колонія, которая, конечно, жила своею культурною жизнію и должна была имѣть непосредственное вліяніе на украинское населеніе этого важнѣйшаго въ XVI в. культурнаго центра на Украйнѣ. Кромѣ того нѣмецкое вліяніе должно было проходить на Украйну черезъ Литву и Бѣлоруссію изъ Пруссіи и Риги.

По отношенію къ старинному театру точный отвѣтъ на всѣ затронутые выше вопросы сильно затрудняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что украинскіе тексты рождественской комедіи мы имѣемъ въ редакціяхъ слишкомъ позднихъ, не раньше XVIII или во всякомъ случаѣ не раньше $^1/_2$ XVII в.[1]). Списокъ-же бо-

[1]) Это мнѣніе мы основываемъ на текстѣ пѣсенки запорожца въ рождественской комедіи:

Та не буде лучше,
Та не буде кращче,

лѣе торжественной, болѣе клерикальной редакціи рождественской драмы мы имѣемъ до сихъ поръ только въ редакціи несомнѣнно украинской, но перешедшей черезъ Великороссію: разумѣемъ драму, приписываемую Димитрію Ростовскому, напечатанную въ I т. изданія: „Русскія Драматическія Произведенія 1672—1725 г.“, Н. Тихонравова (339—399). За тѣмъ препятствіемъ къ изслѣдованію источниковъ даже этихъ образцевъ украинской рождественской комедіи служитъ недостаточное изслѣдованіе соотвѣтственнаго матеріала польскаго. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны изданія польскихъ текстовъ старинныхъ драмъ съ церковными сюжетами, ни даже монографій о нихъ позднѣйшихъ, чѣмъ сочиненіе Войцицкаго: „Teatr starożytny w Polsce“ (W. 1841), крайне недостаточное по отношенію именно къ нашему предмету. Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ Бѣлоруссіи.

Вотъ почему прежде всего надо желать тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще, рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на Западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣст-

---

Якъ у насъ та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде *измiни*.

Пѣсенку эту «Исторія Руссовъ» относитъ ко времени Черной Рады въ Нѣжинѣ и къ избіенію тогдашнихъ «дуковъ» чернью (Ист. Р., 120) и приводитъ конецъ ея такъ:

Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й *измiни*.

И въ данномъ случаѣ предположеніе автора «Исторіи Руссовъ» совершенно вѣрно, такъ какъ случай *измiни* не можетъ быть отнесенъ ни къ настоящимъ ляхамъ-полякамъ, ни къ другому времени, ранѣе Виговскаго.

ныхъ уже списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими (хоть по Кольбергу) и западными, а между последними, конечно, прежде всего съ латинскими и французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими. Кстати теперь уже существуютъ прекрасныя изданія послѣднихъ, наприм., кромѣ старыхъ изданій *Mohne,—Karl Weinhold*-Weihnacht—Spiele und Lieder aus Süddeutschland un Schlesien (2 изд. Wien, 1875), *K. Iul. Schröer*—Deutsche Weihnachtspiele aus Ungarn (2 изд. Wien, 1862), *Aug. Hartmann*—Volksschauspiele in Bayern und Oesterreich—Ungarn desammelt (Leipzig. 1880). Особенно послѣднее изданіе, съ обильными музыкальными примѣрами, желательно было-бы видѣть сравненнымъ со стороны компетентныхъ людей съ одной стороны съ изданіемъ Куссемакера (Coussemaker) Des drames liturgiques du moyen âge (1861, съ музыкой), съ другой—съ нашими текстами и музыкой у Тихонравова, Маркевича и Галагана. Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ. Въ этихъ послѣднихъ напр. наши украинскіе тексты сильно рознятся отъ польскихъ, напечатанныхъ у Кольберга, но сомнительно, чтобы даже нашъ вертепный запорожецъ не нашелъ себѣ родственниковъ въ разныхъ буйныхъ воинахъ въ западныхъ интерлюдіяхъ и комедіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще играются и людьми, и куклами въ святочныхъ балаганахъ самыхъ передовыхъ странъ Запада.

Даже тѣ намеки, какіе до сихъ поръ случайно проскакивали въ печати о слѣдахъ существованія старинпаго религіозно-бытоваго театра въ Западной Россіи, даютъ надежды на то, что пожива изслѣдователей по этой части была-бы совсѣмъ не малая, если-бъ за дѣло изслѣдованія принялись сколько нибудь систематически. Такъ напр. въ одной изъ статей „Кіевлянина", вышедшихъ къ книжкѣ В. Шульгина (теперь очень рѣдкой): „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе", наталкиваемся на слѣдующія строки: „друзья польскаго дѣла (въ 1861 г.), стараясь сами оттолкнуть крестьянъ отъ правительства и сдѣлать ихъ солидарными своимъ замысламъ, въ то-же время указывали начальству пальцемъ *на сцены изъ исторіи козацкихъ войнъ, дававшіеся въ святочныхъ балаганахъ Кіева*" (Юго-западный край и пр., стр. 213—214).

Тутъ очевидно дѣло идетъ о сценѣ побіенія запорожцемъ ляха, въ родѣ той, какая находится въ извѣстныхъ печатныхъ варіантахъ вертепной драмы. И такъ еще недавно ее представляли въ Кіевѣ, пока съ польской стороны не было обращено на нее вниманія бдительной полиціи!

А вотъ указаніе еще болѣе новое. Въ № 3 кіевской газеты „Трудъ" за 1882 г. читаемъ извѣстіе о проявившемся въ предмѣстьи Соломенка простонародномъ малярѣ національно-реалистическаго направленія и за тѣмъ такіе строки: „конечно, прежде чѣмъ желать соломенскому маляру пріобрѣтенія дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ живописи, надо пожелать ему, чтобы онъ не попалъ въ то положеніе, въ которомъ очутился участникъ „народнаго театра", попавшій изъ святочнаго персонажа, Мельхиседека, въ кутузку.

Изъ словъ этихъ слѣдуетъ заключить, что въ Кіевѣ еще въ 1881 г. какіе-то люди изъ „народа" покушались играть или играли религіозную драму, въ родѣ тѣхъ *Passionspiel*, которые еще остались въ гористыхъ мѣстахъ южной Германіи (напр. въ Ober-Ammergau, гдѣ такая драма играется крестьянами разъ въ 10 лѣтъ и гдѣ послѣдній разъ играли именно въ 1881 г.). Конечно, въ извѣстіи „Труда" поучительно уже и то, что въ то время, когда въ Ober-Ammergau собирались любители со всей Европы и даже Америки посмотрѣть, какъ „народъ" играетъ старинную религіозную драму, у насъ отвели „святочнаго персонажа въ кутузку", но нельзя не пожелать и того, чтобы репортеръ „Труда" сообщилъ подробнѣе и о самомъ народномъ театрѣ, актеровъ котораго постигло оригинальное поощреніе нашихъ меценатовъ. Неужели нельзя довѣдаться, по какому тексту играли въ Кіевѣ еще такъ недавно народный театръ съ Мельхиседекомъ и, конечно, съ другими персонажами изъ библейской исторіи?

Что касается Бѣлоруссіи, то о ея религіозно-бытовомъ театрѣ мы встрѣтили недавно отрывочное, но чрезвычайно любопытное извѣстіе въ газетѣ „Новости", 1883 г., № 102, въ одномъ изъ ряда „бѣлорусскихъ писемъ" [1]). Въ виду важности сравненія бѣлорусскаго народнаго театра съ украинскимъ, мы воспроизводимъ здѣсь весь отрывокъ письма г. Ос—цкаго, относящійся къ театру:

[1]) Подписаны Вл. Ос—цкій.

„Сценой для представленій служитъ небольшой подвижной балаганъ, который можетъ переноситься съ помощью двухъ человѣкъ. Полъ ящика устланъ мѣхомъ кошки или зайца съ сквозными дорожками, по которымъ на проволокахъ двигаются куклы; свѣтъ падаетъ на сцену сверху. Подобный балаганчикъ называется Вертепомъ или Батлейкой (отъ слова Bathleem—Виѳлеемъ). Путешествуетъ онъ по обывательскимъ домамъ, сопровождаемый оркестромъ изъ нѣсколькихъ скрипокъ или волынки, довольствуясь весьма незначительнымъ гонораромъ за свой артистическій трудъ.

Первая часть представленія по-прежнему посвящается переработанному народной фантазіей изображенію эпизодовъ изъ первыхъ дней жизни Іисуса Христа, вторая—бытовымъ сценамъ изъ жизни различныхъ классовъ бѣлорусскаго народа. Первое явленіе представляетъ собою поклоненіе волхвовъ, причемъ на сценѣ устроены и ясли, на которыхъ возлежалъ младенецъ. Хозяинъ вертепа въ это время объясняетъ публикѣ событіе: „возсіявый надъ солнце въ вертепѣ нынѣ, Іисусъ мой возлежитъ въ ясляхъ на сѣнѣ, и холодъ терпитъ, Сотворитель дрожитъ, который въ рукахъ свѣтъ держитъ. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ, горы, холмы и моря радостно играютъ, поля и дубровы чтутъ Царя славы, бо вся суть Его державы". Появляются на сценѣ волхвы, и хозяинъ продолжаетъ: „днесь звѣзда на востокѣ возсіяла, тремъ царямъ путь показала; три царя шли, злато, ливанъ и смирну несли".

Послѣ небольшаго антракта, на сценѣ появляется картонный престолъ, на которомъ возсѣдаетъ какое-то чудовище и безобразно жестикулируетъ: это—„Иродъ съ того засмутился, что Господь Христосъ народился; казалъ его искати, по всей землѣ пытати". Но Іосифу „ангелъ во снѣ сказуетъ, что царь Иродъ гатуетъ". Поэтому, вслѣдъ затѣмъ, по сценѣ движется на какомъ-то четвероногомъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, а сзади идетъ старичекъ, что вѣроятно изображаетъ собою бѣгство въ Египетъ. Начинается избіеніе младенцевъ, стоны и плачъ матерей; сцена покрывается грудами окровавленныхъ малютокъ. Но вскорѣ Иродъ получаетъ достойное возмездіе за свой звѣрскій поступокъ: на сцену выбѣжала безобразная „смерть" съ косою и обнаженными челюстями; Иродъ умоляетъ о пощадѣ, трясется, но „смерть" безпощадна, и отъ взмаха ея косы голова Ирода покатилась по полу; „отъ

смерти, приговариваетъ она, не утекти". Появляющіеся изъ-за кулисъ бѣсы—съ хвостами, рогами, когтями и прочими бѣсовскими аттрибутами—тащатъ крючьями трупъ Ирода прямо въ адъ.

Этимъ потрясающимъ невзыскательныхъ зрителей драматическимъ эффектомъ и заканчивается первая часть представленія. Затѣмъ переходятъ уже къ бытовымъ сценамъ, въ которыхъ фигурируютъ представители многочисленныхъ національностей, населяющихъ Бѣлоруссію, съ ихъ характерными особенностями: кичливый и падкій на прекрасный полъ панъ, цыгане и евреи, надувающіе мужика, уланъ, соблазняющій барынь и, наконецъ, крѣпкій заднимъ умомъ добродушный бѣлорусскій мужичекъ, служащій вообще объектомъ для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ представителей всѣхъ остальныхъ національностей.

Вотъ для образчика одна изъ такихъ сценъ.

Бѣлорусскій мужикъ выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ и жалуется на свой разстроенный праздничными яствами желудокъ: „авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои панночки, былъ я у пана Барановскаго на кути, да якъ подъѣлъ кути—такъ не могу сойти! Что моя Ульяна не робила—и горщокъ на пупѣ становила—да и тое не помогло, да еще горшъ прилягло! Порадили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнаго квасу, моху. чертополоху и еще нечего троху, усе это зелье сколотить—да и выпить. Зробилъ я и гэто: не помогло, яще горшъ прилягло. Вотъ кабъ-бы нашолся дохторочекъ и полечилъ-бы мой животочекъ—отдалъ-бы я ему и торбочку, и мѣшочекъ".

Къ его услугамъ является и докторъ.

— Что съ тобой мужикъ?

— А вотъ, паночекъ, неисправность, бурченья, рѣзачка, обенбенило, якъ Антонову козу!

— Ложись, мужикъ! Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Матвѣй!

Докторъ начинаетъ колотить палкой лежащаго Матвѣя. „Ну потѣй, пане Матей!"

Послѣ этого докторъ стремительно убѣгаетъ, забравши „торбочку и мѣшочекъ", а опомнившійся Матвѣй подымается на ноги. „А лихо твоей матери, выругался онъ; напотѣлъ, намотѣлъ—да и самъ къ чорту полетѣлъ!"

Изъ всего этого разсказа очевидно, что записать полный текстъ бѣлорусской рождественской драмы еще и теперь не составляетъ большой трудности. Спѣшить-бы!..

IV.

Песиголовцы въ украинской народной словесности.

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій сборникъ „Рада", этнографическій отдѣлъ котораго представленъ коротенькимъ очеркомъ: „Песиголовці, демологичный образъ, Грицька Десятина". Маленькій очеркъ этотъ отрицательными своими сторонами еще разъ свидѣтельствуетъ въ пользу необходимости перенесенія въ наши этнографическія работы пріемовъ и идей, выработанныхъ западноевропейской наукой, а между прочимъ для положенія предѣловъ субъективной поспѣшности, съ какою наши этнографы дѣлаютъ свои выводы о собранномъ среди нашего народа словесномъ матеріалѣ.

Г. Десятинъ, взявъ нѣсколько сказаній о песиголовцахъ-людоѣдахъ изъ сборниковъ сказокъ гг. Рудченка и Драгоманова, предлагаетъ имъ свое объясненіе, которое сводится къ тому, что подъ видомъ песиголовцевъ-людоѣдовъ народъ нашъ олицетворилъ историческихъ хищниковъ, нападавшихъ на его землю еще не очень давно, напр. татаръ.

При видѣ такого объясненія, прежде всего является слѣдующее соображеніе: вѣдь о татарахъ существуетъ у нашего народа масса сказаній и пѣсенъ, въ которыхъ этотъ близко извѣстный нашимъ землякамъ народъ рисуется вовсе не фантастическими, а вполнѣ реальными образами? Зачѣмъ-же послѣ такихъ образовъ понадобилось-бы нашимъ предкамъ, встрѣчавшимъ татаръ чуть не каждый день, еще рисовать ихъ песиголовцами и одноглазыми? Но кромѣ того, зачѣмъ прибѣгать къ какимъ-бы то ни было гипотезамъ, не провѣривъ прежде простыхъ объясненій? Г. Десятинъ напр. говоритъ, что украинцамъ не было ни возможности, ни надобности заимствовать образовъ (о песиголовцахъ и циклопахъ-людоѣдахъ) у грековъ (у которыхъ впрочемъ, по его мнѣнію, эти образы возникли тоже по аналогическимъ мотивамъ). Но, оставя въ сторонѣ

вопросъ о томъ, какъ сложились у грековъ образы кинокефаловъ и циклоповъ (замѣтимъ, у грековъ—отличные), есть слишкомъ много доказательствъ на то, что именно греческіе (и латинскіе) образы песиголовцевъ и людоѣдовъ издавна проникали на Украйну черезъ книги, изъ которыхъ и осѣдали въ глубь народныхъ массъ вмѣстѣ съ другими идеями и образами старинной культуры.

Такъ при самомъ началѣ письменности на Украйнѣ уже были здѣсь въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдокалисѳена. А въ этой Александреидѣ есть и сказаніе о песиголовцахъ, равно какъ и о циклопахъ и т. п. (см. между прочимъ и у Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 29). Эта-же Александреида распространялась и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ находится и теперь въ Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Кромѣ Александреиды, которая кружила по Европѣ въ переводахъ на всякіе языки, въ средніе вѣка греко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людоѣдахъ и т. п. разносились по Европѣ спеціальными космографіями и даже съ картами [2]). Такія космографіи и карты за-

---

[1]) Какъ глубоко пустила свои корни Александреида даже въ Россіи, объ этомъ можно судить по факту, правда, изъ Великороссіи, разсказанному нѣмецкимъ путешественникомъ 30-хъ годовъ, Колемъ (Kohl). Этому говорилъ одинъ нѣмецъ, что въ Поволжьи крестьяне начетчики библіи, когда встрѣтятъ въ ней имя Гогъ и Магогъ, то говорятъ, что это два народа великаны, которые прежде опустошали всю землю, но которыхъ Александръ Македонскій заперъ въ ущелья Кавказа и поставилъ на горахъ трубы, чтобъ вѣтеръ, дуя въ нихъ, поддерживалъ въ великанахъ мысль, что и до сихъ поръ еще Александръ ихъ сторожитъ. Со временемъ трубы падаютъ и когда всѣ падутъ, великаны выйдутъ изъ своихъ убѣжищъ на горе всему міру (Kohl. Reisen in Südrussland. 1841. I, 291—293). Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ напомнить объ этомъ преумноиъ наблюдателѣ Россіи вообще и Украйны въ частности. Особенно характеристика этнографическихъ признаковъ украинскаго населенія, сравнительно съ великорусскимъ и отчасти съ польскимъ, сдѣланная въ другомъ сочиненіи Коля—Reisen im Inneren von Russland und Polca (2 тома, 1841 г.) заслуживаетъ вниманія.

[2]) Источниками этихъ свѣдѣній о чудовищныхъ людяхъ, какъ песиголовцахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ, служили древніе писатели (преимущественно Плиній, Ацилъ Геллій, Солинъ Полцгистеръ, Филостратъ) которые сами заимствовали значительную часть своихъ разсказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ старой христіанской литературѣ эти разсказы свелъ Августинъ Блаженный (De Civitate Dei, VI, I) разсуждая о томъ, какъ произошли эти чудища отъ Адама и Ноя.

ходили издавна и въ русскія области. У насъ нѣтъ теперь подъ рукою отрывка изъ подобной космографіи въ западно-русскомъ переводѣ, а потому мы ограничимся приведеніемъ подходящаго отрывка транскрипціи сѣверно-русской, напечатанной въ сочиненіи г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки", т. II, 267—268: (30) островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвовы велїцы ї страшны зело воудивление. (32) Островъ пусътъ живутъ на немъ змиї лице девичье до пупа человекъ а отпупа у нихъ и хоботъ змиевъ крылати а зовомы василиски. (33) Островъ и живутъ на немъ люди человѣкоятцы былъ въ немъ съвяты апостолъ андреи первозванныи и вера у нихъ кумирская"... Помѣщаетъ всѣ эти острова эта „книга глаголемая Козмографія переведена сримскаго языка", какъ разъ тамъ, гдѣ помѣщали кинокефаловъ и т. п. фантастическихъ народовъ басни классическія, т. е. на южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Вѣра въ дѣйствительное существованіе подобныхъ народовъ была въ старину всеобщею у грамотныхъ людей и распространялась, кромѣ книгъ, еще и рисунками, въ томъ числѣ и иконами. Такъ напр. и въ названномъ изданіи г. Ровинскаго есть описаніе страшнаго суда по Клинцовскому подлиннику съ такими словами: „на сторонѣ Мойсей показываетъ жидомъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) синіе аравляне, 4) индіяне, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) нѣмцы, 9) ляхи, 10) русь... (Op. cit. IV, 644).

Изображеніе человѣка съ собачьей или волчьей головой, и при томъ великана, наши предки видѣли въ церквяхъ и на иконахъ еще по одному поводу, а именно въ представленіи св. Христофора, великана, обрекшаго себя на вѣрное служеніе Христу (S. Christophoros—famulus Dei), котораго онъ разъ и перенесъ черезъ Іорданъ, изнемогая подъ тяжестію этого ребенка, сосредоточившаго въ себѣ всю тяготу земли (ср. Микулу Селяниновича и Сумочку). Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но въ формѣ, напоминающей египетскаго шакалоголоваго Анубиса, слугу Гороса, сына Озирисова. Насъ далеко повело-бы, если-бъ мы занялись здѣсь

объясненіемъ состава легенды о св. Христофорѣ (см. о ней Alfr. Maury—Essai sur les légendes pieuses du moyen âge (P. 1848) и Sinemus—Die Legende v. Heil. Christophorus und die plastik und Malerei (Han. 1868). Мы считаемъ для нашей цѣли достаточнымъ простое напоминаніе факта изображеній св. Христофора съ головой волка или собаки, а также того, что святой этотъ, именно по греческимъ легендамъ, и выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ и, по этимъ легендамъ, началъ говорить по человѣчески только тогда, когда ангелъ коснулся его губъ (см. Acta Sanctorum, изд. Болландистовъ, 25 іюля).

У г. Ровинскаго находимъ два рисунка св. Христофора съ волчьей головою, сдѣланные въ Россіи еще въ XVIII в. (см. III, 674, IV, 772), а потому желательно было-бы, чтобъ лица, имѣющія къ тому возможность, поискали по украинскимъ закоулкамъ иконъ и гравюръ съ изображеніемъ какъ св. Христофора въ видѣ Анубиса, такъ и изображенія песьихъ-головъ на страшномъ судѣ.

Мы потому между прочимъ остановились на этомъ предметѣ, что это только одинъ изъ многихъ примѣровъ распространенія въ нашихъ областяхъ образовъ, порожденныхъ въ такъ называемомъ *языческомъ* мірѣ, распространенія при посредствѣ средневѣковой христіанской церкви. Уясненіе-же этого обстоятельства чрезвычайно важно для пониманія такъ называемой народной словесности и народныхъ идей вообще. Наши собиратели этихъ вещей и даже изслѣдователи постоянно игнорируютъ это обстоятельство, производя всѣ образы, какіе они ни встрѣтятъ въ умѣ „народа“, въ его собственныя изобрѣтенія, а рядомъ съ тѣмъ признавая все то, что имъ покажется не схожимъ съ *ихъ* христіанскимъ или раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, продуктомъ древней языческой мысли нашего-же народа. А между тѣмъ современное религіозное міровоззрѣніе образованныхъ людей болѣе или менѣе часто деистическое, проникнутое своего рода раціонализмомъ и сгармонированное съ теперешнимъ естествознаніемъ, есть вещь очень новая, ведущая свое начало отъ великаго умственнаго движенія XVI—XVII в. Средневѣковая-же религіозность сама была своего рода язычествомъ, политеизмомъ, и заключала въ себѣ массу фантазій не только міра классическаго, но и древне-азіатскаго и африканскаго. Эти фантазіи средневѣковая религіозность греко-италійская привнесла и въ нашу

славянскую, сравнительно бѣдную миѳологіей, область и распространила ихъ проповѣдью, книгою, живописью.

Иначе говоря, и высказывая мысль, которая пусть будетъ заключеніемъ какъ настоящей, такъ и предъидущей замѣтки,—*весьма многое, что мы находимъ теперь въ нашей области и даже въ сферѣ ея неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не „народный“, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, и продуктъ культурный*. Мысль эта уже признана изслѣдователями такъ называемой народной словесности и быта въ западной Европѣ и здѣсь привела къ новымъ и болѣе строгимъ научнымъ объясненіямъ этихъ предметовъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали во времена прежняго субъективнаго народничества, какое еще крѣпко у нашихъ этнографовъ. Почему-же послѣдніе остаются въ сторонѣ отъ идей и пріемовъ европейской научной школы?.. На этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать.

М. Т—овъ.

Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.

I.

Лѣвобережская Украйна, представлявшая въ княжеское время одну изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ областей, послѣ татарскаго нашествія значительно опустѣла. Прежніе центры ея—Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ потеряли всякое политическое значеніе. Историческая жизнь переходитъ изъ поднѣпровья на сѣверъ—въ Брянское княжество. Но въ половинѣ XIV ст. прекращается и политическое существованіе Брянска: онъ подпадаетъ подъ власть Литвы, а вмѣстѣ съ нимъ и почти вся бывшая Черниговo-Сѣверская земля. Относительно Переясловскаго княжества, т. е. нынѣшней Полтавшины нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя можно думать, что здѣсь вовсе не сохранилось того населенія, которое жило въ княжескій періодъ. Объясняется это географическими условіями мѣстности. Въ то время, какъ Черниговщина представляла изъ себя *полѣсье*, Полтавшина съ такимъ-же правомъ можетъ быть названа (и называлась) *полемъ*. Въ лѣсахъ удержались остатки прежняго населенія; сюда-же вскорѣ стали являться жители сосѣднихъ, болѣе густо населенныхъ мѣстностей. Въ поземельныхъ актахъ XV в. мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о *селищахъ*, т. е. о разоренныхъ селахъ. Въ 1489 г. Казиміръ пожаловалъ пустынно-николаевскому монастырю „селище пустое" Княжичи [1]). Нужно припомнить, что главными предметами тогдашняго хозяйства было лѣсоводство, рыболовство, пчеловодство и за тѣмъ уже хлѣбопашество. Такъ было въ Литвѣ и правобережной Украйнѣ; такъ было и въ Черниговщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ поземельные акты, приложен-

[1]) Акты Западной Россіи, томъ I, 98.

ные къ Румянцевской описи и восходящіе иногда до XVI и даже XV вѣка; въ нихъ угодья обыкновенно опредѣляются словами: „съ деревомъ бортнымъ, лѣсами, борами, сѣножатми, озерами, рѣками, рѣчками рыбными и звѣрпными ловлями, и бобровыми гонами“; указываетъ на это и цѣлый рядъ селеній съ именемъ „Буды“, „Гуты“, „Рудни“. Но количество населенія сравнительно съ территоріей (особенно раньше) было незначительно. Въ древнихъ актахъ мы никогда не находимъ точнаго опредѣленія границъ. Великій князь литовскій Александръ подтверждаетъ князю Глинскому его права на четыре человѣка со всѣми ихъ землями, пахатными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами и со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ землямъ относилось, равнымъ образомъ со всѣми ихъ „входами [2])“.

Въ другой грамотѣ того-же Александра, данной Можайскому князю Симеону Ивановичу въ 1496 году, нѣтъ тоже никакихъ указаній на границы пожалованной территоріи. „Билъ намъ челомъ, говорится тамъ, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій и просилъ насъ пожаловать его какимъ нибудь имѣніемъ; и мы съ ласки нашей пожаловали его и дали ему городъ Черниговъ, *со всимъ, што къ нему слушаетъ*, исключая своихъ собственныхъ бояръ (числомъ восемь); остальные-же бояре должны ему служить съ своихъ имѣній. Дали-же ему Черниговъ съ слугами путными, людьми данными и тяглыми, со всѣми платами и доходами, съ землями и водами, со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ Чернигову тянетъ“. На такомъ-же основаніи и такимъ-же порядкомъ были подтверждены права Можайскому на Стародубъ и Гомель [1]). Врядъ-ли потерпѣла значительныя перемѣны Черниговщина подъ Московскимъ владычествомъ въ продолженіи XVI и начала XVII вѣка. Положеніе сѣверской Украйны въ смутное время было очень печальное; должнымъ спокойствіемъ и безопасностью населеніе далеко не пользовалось. Въ началѣ XVII вѣка начинается усиленное нашествіе туда польскихъ пановъ. Вмѣстѣ съ мелкою шляхтой, устраивавшей буды, гуты и рудни, владѣвшей звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами и т. д. явились и такіе крупные собственники,

---

[1]) Ibid., страница 151.

[2]) Ibid., страница 163 и 192.

какъ, напримѣръ, Песочинскій, Кисель и др., которымъ принадлежали громадныя территоріи. Вообще шляхта ко второй половинѣ XVII вѣка, т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ. Земля принадлежала юридически этой шляхтѣ, которая отдавала ее въ пользованіе поспольству и получала за это извѣтныя дани. Владѣнія были двоякаго рода: на ленномъ и на вѣчномъ правѣ. Феодальные порядки въ староствахъ, особенно украинныхъ, господствовали тогда еще всецѣло. За коннаго воина давалось четыре уволоки земли [1]). Условія крестьянскаго пользованія землею были весьма разнообразны и вообще не легки. Изъ интересныхъ люстрацій украинныхъ староствъ, изданныхъ г. Яблоновскимъ, видно, что въ двухъ черниговскихъ староствахъ — любецкомъ и остерскомъ повинности крестьянъ были довольно тяжелыя; въ любецкомъ старостве они давали разные чинши, поворотне и медъ; въ остерскомъ—мѣстами чиншъ, овесъ, сѣно и куничную дань, мѣстами-же только медъ, овесъ и сѣно. Болѣе подробно повинности опредѣлены въ люстраціи 1628 г. Размѣръ ихъ для остерскихъ мѣщанъ и высидѣвшихъ свой срокъ жителей слободы Омельянова былъ таковъ: съ пары воловъ по одному злотому чинша, четверть овса, осмачокъ жита, полъ осмачка пшеницы, полъ осьмачка ячменя; съ дыма—по двѣ курицы, по десять яицъ, по одному возу сѣна, по одному возу соломы, по два воза дровъ; съ двухъ паръ воловъ—гусь; съ двадцати пяти паръ воловъ—яловая корова, кабанъ, четыре барана, кадка меду, полубочка соленой рыбы. Если кто не имѣлъ воловъ и пахалъ лошадьми, то конь считался за пару воловъ. Купцы, плававшіе судами, должны давать два злотыхъ чинша, четверть овса, возъ сѣна, гуся и пару курей, плававшіе-же лодками половину этихъ продуктовъ; кромѣ того какъ тѣ, такъ и другіе обязаны были складываться вмѣстѣ съ другими на яловую корову, кабана, барановъ, медъ и рыбу. Тѣ-же, которые не занимались ни земледѣліемъ, ни торговлей, а жили съ однихъ заработковъ, обязаны платить по полъ злота чинша, по осьмачку овса, по возу сѣна и по одной курицѣ; этиже повинности обязаны были нести и тѣ, которые живутъ со скоп-

[1]) Lustracye królewszczyzn. Al. Iabłonowski W. 1877 г., стр. 84—100; Обозр. Рум. оп. Малорос., Константиновича, стр. 613, 619.

щины. Кромѣ того всѣ вообще вмѣсто того, чтобы тянуть неводъ, обязаны доставить отъ двора по два дерева для яза (рыбнаго садка). Съ каждаго двора полагается по два гроша литовскихъ—подымнаго, очередная подвода на 12 миль, починка гребель, мостовъ, мельницъ. Сверхъ того имѣющіе бортныя деревья обязаны каждый особо давать по двѣ бочки меду; владѣющіе-же на рр. Трубежѣ и Острѣ рыбными ловлями всѣ вмѣстѣ должны ежегодно давать бочку соленой рыбы [1]). Изъ этого списка видно, что количество повинностей было уже значительно, а главное не было ни малѣйшей гарантіи, что при слѣдующей люстраціи онѣ не будутъ увеличены вдвое. Боярское сословіе, которое впослѣдствіи составило главный контингентъ реестроваго козачества, подвергалось все большему и большему угнетенію. Прежде вольные защитники страны, теперь они начинаютъ чувствовать свою зависимость отъ польской шляхты. Истинные колонизаторы края,—ими основана значительная часть и теперь существующихъ поселеній—они должны были уступить свое мѣсто пришлому польскому дворянству. Не получивъ права дворянства во время люблинской уніи, они должны были войти въ классъ зависимаго посполитаго крестьянства. Пропасть между ними и шляхтою дѣлалась все больше и больше. Король Владиславъ при всемъ своемъ желаніи не могъ обезпечить ихъ положеніе, защитить отъ произвола такихъ, напримѣръ, старостъ, какъ Стефанъ Аксанъ, который отнималъ у нихъ земли, билъ, сажалъ въ тюрмы, требовалъ исполненія всевозможныхъ повинностей. Правда, наѣзжавшія люстраціонныя коммисіи, особенно вслѣдствіе разгоравшихся уже козацкихъ возстаній, издавали распоряженія въ пользу бояръ—постановляли возвратить отнятыя у нихъ земли и кромѣ военной службы не требовать отъ нихъ никакихъ повинностей; но они оказывались мертвою буквою. Въ будущемъ боярамъ предстояло слиться съ крестьянами въ одну безправную массу, и это случилось-бы, не будь возстанія Богдана Хмельницкаго. Какіе результаты имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго, мы увидимъ нѣсколько позже, а теперь обратимся къ южной части лѣвобережной Уркайны—*полямъ*, нынѣшней полтавской губерніи, и прослѣ-

---

[1]) М. Н. Александровичъ, «Остерскій уѣздъ», стр. 98—99.

димъ исторію ея заселенія до второй половины XVII вѣка, т. е. также до времени Богдана Хмельницкаго.

Если сѣверная Малороссія была слабо населена, то южная представляла изъ себя дикую степь. И дѣйствительно въ XVI в. тамъ были *яловыя* (пустыя) *поля*, какъ говорили турецкіе и перекопскіе купцы, подвергшіеся нападенію московскихъ и малороссійскихъ козаковъ [1]). Побережье Ворсклы и Хорола представляло изъ себя *уходы* кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ козаковъ, т. е. тѣ мѣста, гдѣ они занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ [2]); побережье Сулы и Псла составляло *уходы* каневскихъ мѣщанъ [3]); наконецъ, побережье Удая представляло *ухожаи* черниговскихъ жителей [4]). Очевидно, если и были здѣсь постоянныя поселенія до XVI в., то чрезвычайно рѣдкія. Заселялся край въ теченіи XVI, XVII и даже XVIII вѣка.

Роменская волость впрочемъ заселена была уже, кажется, въ концѣ XV вѣка; по крайней мѣрѣ на принадлежность ея Чернигову указывали старинные привилеи Казиміровы [5]). Волость тарговицкая (южная часть нынѣшняго конотопскаго уѣзда) первоначально заселена была въ началѣ XVI вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ. Первое упоминаніе о Гадячѣ относится къ концу XVI вѣка [6]). Тогда-же стали заселяться верховья рр. Удая, Сулы, Хорола и Псла; здѣсь явились города—Варва, Журавка, Куренка, Многой, Снетинъ, Синецъ [7]); въ началѣ XVII в. мы уже здѣсь находимъ—Лубны, Лохвицу, Чернухи, Хомутецъ, Камышенку, Сорочинцы, Лютеньку, Артополоть, Рашевку, Медвѣжье, Липовое, Красный-Колядинъ и Сары [8]).

Первыми крупными поземельными собственниками, успѣвшими захватить себѣ большую территорію, были князья Глинскіе. Родословныя таблицы выводятъ князей Глинскихъ отъ Мамая и начало

---

[1]) Кн. пос. метр. В. К. Литовскаго, т. I, стр. 29—33.
[2]) Ibid, стр. 30.
[3]) Дворц. Разр., II, стр. 803, 902.
[4]) Кн. пос. мет. В. К. Литовск., т. I, стр. 198.
[5]) Дворц. Разр., II, стр. 809.
[6]) Ibid., стр. 884.
[7]) Ibid., стр. 883.
[8]) Чт. Мос. Ист. и Др. 1862 г., кн. 4-я;

ихъ полтавскихъ владѣній относятъ къ XIV вѣку: въ концѣ XV ст. владѣнія ихъ обнимали почти всю восточную часть полтавской губерніи [1]). Въ XVI вѣкѣ часть ихъ имѣній перешла къ Байбузамъ, Проскурамъ и Келбовскимъ [2]). Отъ Байбузъ мѣстность по рѣкѣ Сулѣ перешла къ Вишневецкому, который къ половинѣ XVII вѣка сдѣлался самымъ крупнымъ собственникомъ въ Полтавщинѣ. Изъ списка его его имѣній, изданнаго Пшездзѣцкимъ, видно, что ему принадлежало около 50 селеній, въ томъ числѣ такія, напримѣръ, какъ Лубны, числившіе 2,646 хозяевъ, Хоролъ—1,297, Пирятинъ—1,749, Лохвица—3,325, Ромны—6,000. Количество хозяевъ превышало 30,000 человѣкъ. Каждый изъ нихъ вмѣсто отбыванія панщины платилъ по пяти талярей; владѣвшіе мельницами по два червонца; кромѣ того шинки и фольварки были выдѣлены на владѣтеля [3]). И такъ повинности подданныхъ заключались въ денежной дани; остальные доходы владѣльцевъ поступали отъ разныхъ угодьевъ—мельницъ, селитряныхъ буртъ, рыбныхъ ловель и т. д. Здѣсь-же, въ южной Полтавщинѣ по рр. Ворсклѣ и Орели находились имѣнія извѣстнаго *Юрія Немирича*. Въ 1643 году, какъ видно изъ продажной записи, Юрій Немиричъ купилъ у п. *Кгурскихъ* ихъ имѣнія; одни изъ нихъ лежали по р. *Ворсклѣ,* начавъ отъ *Шанчароваго перевозу* рѣкою Ворсклою до ея устья, а оттуда берегомъ Днѣпра вплоть до р. Орели, съ рѣчками *Полузоремъ, Кобылякомъ* и другими, впадающими въ Ворсклу, съ лѣсами, сѣнокосами и полями; другія были расположены по р. *Орели,* начавъ отъ ея устья, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, вверхъ къ рр. *Ворсклѣ* и *Самарѣ* до *шляховъ Моравскихъ* со всѣми грунтами, угодьями, лѣсами, сѣнокосами [4]).

Изъ судебной претензіи Юрія Немирича (1643 г.) къ панамъ Кгурскимъ (возникшей вслѣдствіе тою, что эти послѣдніе не защищали его противъ вееводича Браславскаго, Станислава Потоцкаго) видно, что земли по Ворсклѣ и Орели были проданы „з людми на тых кгрунтах осажоными, з ловенем рыбы и звѣра, з млынами,

---

[1]) Дворц. разр., II, стр. 900;

[2]) Ibid., стр. 900—902;

[3]) Podole, Wolyń, Ukraina przez Al. Przezdzieckiego, 7. I, W. 1841, p. 41—44.

[4]) Кіев. Центр. Архивъ, акт. кн. за № 2160 и 611.

карчмами, робенемъ салетръ, паленемъ попеловъ, копанемъ крушцовъ" [1]).

Наконецъ изъ донесенія вознаго, посланнаго для разслѣдованія этого дѣла, мы узнаемъ, что Юрій Немиричъ заботился о заведеніи на вновь пріобрѣтенныхъ грунтахъ слободъ. Одну изъ такихъ слободъ—*Биликовъ Бродъ* разогналъ коронный обозный Тлумацкій и черкасскій староста Адамъ Казановскій (въ 1647 г.); онъ наслалъ своихъ казаковъ въ количествѣ около двухъ сотъ человѣкъ, которые побили и пограбили всѣхъ слобожанъ, забрали отъ нихъ лошадей, скотъ, деньги и другое имущество; поводомъ къ такому „квалтовному" нападенію послужило то обстоятельство, будто слобода осѣла на земляхъ Казановскаго. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно, ибо оно было перенесено въ трибуналъ [2]).

Нѣсколько иной характеръ носятъ староститскія владѣнія. Большинство тѣхъ селъ и даже городовъ, которые мы видимъ здѣсь, впослѣдствіи были еще слободами и въ качествѣ таковыхъ не несли никакихъ повинностей; „ratione słobody nic nie czyni"— вотъ постоянное выраженіе, которое намъ попадается въ люстраціяхъ. Въ 1615 г. такими слободами были: Глемязовъ, Быковъ, Яблоновъ, Ирклѣевъ, Голтва, Кропивна. Сроки слободъ здѣсь повидимому были болѣе значительны, чѣмъ въ Черниговщинѣ. Но и по истеченіи срока слободъ единственною повинностью должна была быть военная служба. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ относительно Ирклѣева: „повинностей никакихъ въ качествѣ слободы не несетъ; а по истеченіи срока долженъ будетъ отправлять тѣ-же повинности, что и черкасскіе мѣщане" [3]) (т. е. военную службу). И дѣйствительно, изъ люстраціи 1622 года мы видимъ, что, „послушенство" жителей Ирклѣева заключается только въ томъ, что каждый изъ нихъ конно съ оружіемъ при старостѣ или подстаростѣ своемъ отправляетъ военную службу [4]).

---

[1]) Ibid., акт. кн. за № 3024, и 838—841.

[2]) Ibid., акт. кн. за № 2489, л. 614. За сообщеніе трехъ послѣднихъ актовъ мы приносимъ искреннюю благодарность уважаемому изслѣдователю южнорусской старины Оресту Ивановичу Левицкому.

[3]) Lustr. król. Al. Iablonowski. W. 1877 г., p. 107;

[4]) Ibid., p. 134.

Наиболѣе многочисленный классъ населенія составляли мѣщане и козаки, которые впрочемъ мало чѣмъ отличались тогда другъ отъ друга. Возьмемъ, напримѣръ, опись г. Переяслава 1614 г. „Городъ Переяславъ. Въ немъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 300; всѣ они не даютъ никакихъ податей, кромѣ военной службы, которую каждый изъ нихъ обязанъ отправлять конно съ оружіемъ съ своимъ старостой или его намѣстникомъ. Другихъ доходовъ городъ не приноситъ, кромѣ аренды, которая состоитъ изъ доходовъ съ шинковъ моста, мельницъ (исключая третьей мѣры, которая идетъ мельникамъ): все это вмѣстѣ составляетъ ежегодный доходъ въ размѣрѣ 1500 флориновъ. Селъ, которыя-бы принадлежали старосту, вовсе нѣтъ, а есть хутора, которыми владѣютъ мѣщане, но не несутъ за нихъ никакихъ повинностей, кромѣ военной службы. Впрочемъ большинство хуторовъ заселено козаками" [1]). Изъ люстраціи 1622 г. мы узнаемъ, что переяславскіе мѣщане должны были выставить 200 человѣкъ конныхъ подъ своею хоругвію и имѣть постоянную стражу.

Но еще больше было козаковъ, которыхъ люстраціи противополагаютъ „послушнымъ" мѣщанамъ. Въ Прклѣевѣ дворовъ „послушныхъ" 50, а „непослушныхъ" козацкихъ болѣе 400-хъ; въ м. Голтвѣ „послушныхъ" 20, а „непослушныхъ" козацкихъ 230; въ м. Кропивнѣ „послушныхъ" 60, а „непослушныхъ" козацкихъ болѣе 200 [2]). Въ селахъ и хуторахъ, тянувшихъ къ переяславскому староству (числомъ 25), на 280 дворовъ „послушнаго" населенія приходилось болѣе 1,000 козаковъ, „которые владѣютъ грунтами и всяческими угодьями, но съ нихъ не несутъ никакихъ повинностей" [3]).

Такимъ образомъ восточная Украйна Рѣчи Посполитой—Каневщина, Черкащина и Переяславщина была ядромъ козачества, и осѣдлаго и земледѣльческаго. Это не былъ сбродъ какой-то вольницы, шайка удальцовъ-разбойниковъ, а осѣдлое сельское и хуторянское населеніе, отличавшееся правда воинственнымъ характе-

---

[1]) Lustr. król. Al. Iabłonowski. W. 1877 r., p. 106.

[2]) Ipid., p. 134.

[3]) Ibid., p. 132.

ромъ, но почти въ такой-же степени, какъ и городскіе „крамарі“ — каневскіе, черкасскіе и переяславскіе мѣщане. Къ этому побуждалъ характеръ мѣстности, которая составляла границу съ татарами. Правительство Рѣчи-Посполитой прекрасно понимало всю важность заселенія этихъ юго-восточныхъ степей. Этимъ-то и объясняется, почему жители ихъ не несутъ никакихъ повинностей, кромѣ всенной. Защита границы отъ татаръ имѣла несравненно большее значеніе для правительства, чѣмъ увеличеніе старостинскихъ доходовъ. Потому-то доходы этихъ старостствъ почти вовсе не увеличиваются, и правительство не предпринимаетъ противъ этого особыхъ мѣръ [1]).

Тѣ мѣщане и козаки, о которыхъ мы говорили выше, и являлись истинными колонизаторами края, а не крупные поземельные собственники, въ родѣ Вишневецкихъ, Обалкокскихъ, Жолкевскихъ. Эти послѣдніе получали только права на незаселенныя или малозаселенныя земли, которыя потомъ приносили имъ значительный доходъ. Иногда подъ видомъ пустопорожнихъ выпрашивались уже населенныя земли. Такимъ образомъ фактическими колонизаторами были мѣщане, козаки и крестьяне, юридически-же земля часто оказывалась принадлежащею крупнымъ собственникамъ. Нужно припомнить, что около этого времени произошелъ переломъ въ сельско-хозяйственномъ быту Польши, Литвы и Руси. Прежде главными занятіями были пчеловодство, рыболовство и звѣроловство; теперь большое значеніе получаетъ земледѣліе. Вслѣдствіе этого степныя пространства Украйны начинаютъ привлекать къ себѣ взоры шляхты, которая выпрашиваетъ себѣ на нихъ жалованныя грамоты. Центральное польское правительство не имѣетъ яснаго представленія о размѣрахъ и доходности этихъ „пустынь“ и готово отдавать ихъ всякому желающему. Такова въ переяславскомъ старостствѣ „Ziemia wchodna Siwera, Worskla z rzeczką Poluzorą i Kustowem“, принадлежавшая на ленномъ правѣ какому-то Василію Мѣленину.

Люстраторы 1636 года дѣлаютъ прямое указаніе, что многіе безъ всякаго права осадили новыя слободы и называютъ ихъ своими собственными наслѣдными [2]). Но имѣли-ли эти колонизаторы (какъ

---

[1]) Ibidem. p. 214, 217.

[2]) Ibidem, p. 215.

ихъ называютъ) цивилизаторское вліяніе, были-ли они первыми піонерами, вносившими въ дикія мѣста сѣмена польской культуры, какъ полагаетъ большинство польскихъ писателей и вмѣстѣ съ ними г. Кулишъ, сказать мудрено; по крайней мѣрѣ ни г. Яблоновскій, ни г. Кулишъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи фактическихъ указаній. Мы-же съ своей стороны замѣтимъ, что колонизація народная могла идти независимо отъ шляхетской и эта послѣдняя не приносила ей никакой пользы, часто-же даже вредила. Не нужно забывать, что если на первыхъ порахъ владѣльцы не обременяли своихъ подданныхъ тяжелыми повинностями, то это было на первыхъ порахъ. Съ теченіемъ времени, съ заселеніемъ края, съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ, и Переяславщина должна была приблизиться къ общему типу староствъ Рѣчи-Посполитой. Какъ и въ украинныхъ, любецкомъ и остерскомъ, староствахъ, сюда должна была нагрянуть въ большомъ изобиліи шляхта и захватить лучшія земли, чтобы брать потомъ налоги и дани съ населенія. Впрочемъ этого не случилось—помѣшало этому возстаніе Богдана Хмельницкаго.

II.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ; прежніе распорядки были „скасованы", по выраженію одного акта, саблею козацкою. Земля теперь перестала быть собственностью государства польскаго, а сдѣлалась достояніемъ „товариства"—войска въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Крупное шляхетское землевладѣніе совершенно почти исчезло. Въ документахъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на бѣгство шляхты изъ Украйны; объ этомъ свидѣтельствуютъ и козацкія лѣтописи. Весь народъ стремился окозачиться—и дѣйствительно представлялъ на первыхъ порахъ довольно единообразную массу. Въ Черниговщинѣ, гдѣ вовсе не было до Хмельницкаго козачества, теперь оно получило громадную силу. Образовался рядъ сотенъ въ прежнихъ староствахъ въ частныхъ и бискупскихъ имѣніяхъ, изъ которыхъ были изгнаны владѣльцы-шляхтичи и ихъ арендаторы. Проникла идея козачины и

въ среду монастырскихъ крестьянъ и вызвала противъ себя среди православнаго духовенства, владѣвшаго здѣсь громадными помѣстьями, сильную реакцію. Стремленіе къ окозачиванію было такъ сильно, что составился въ предѣлахъ нынѣшняго остерскаго уѣзда остерскій полкъ, просуществовавшій впрочемъ весьма недолго—всего около 4-хъ лѣтъ. Но и послѣ уничтоженія его входившія въ составъ его сотни не уничтожились, а только отошли къ кіевскому полку. Весьма значительное въ Черниговщинѣ боярское сословіе вписалось въ козацкіе реестры. Но настоящимъ гнѣздомъ козачины была Полтавщина. Здѣсь, какъ мы видѣли, и раньше численность козацкаго сословія была велика, теперь-же все населеніе, можно сказать, обратилось въ реестровыхъ или по крайней мѣрѣ охочекомонныхъ козаковъ. Любопытныя данныя доставляютъ въ этомъ отношеніи реестры, изданные Бодянскимъ. Въ то время какъ въ черниговскомъ полку числится 1007 реестровыхъ козаковъ и въ нѣжинскомъ 991, на долю полтавскихъ полковъ приходится гораздо больше: въ миргородскомъ—2630, полтавскомъ—2441, кропивенскомъ—2010 [1]). Вообще можно сказать, что большая часть козаковъ семи лѣвобережныхъ полковъ относилась къ территоріи нынѣшней Полтавщины. Еще больше было тѣхъ, которые считали себя козаками, участвовали въ войнахъ Хмельницкаго, но не попали въ реестръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтопись Самовидца [2]). „И такъ, народъ посполитый на Украйнѣ, услышавши о пораженіи войскъ коронныхъ и гетмановъ, сейчасъ началъ соединяться въ полки и не только тѣ, которые козаками бывали, но и тѣ, которые никогда козацтва не знали. Видя это, украинскіе державцы, сидѣвшіе по городамъ, принуждены были спасаться бѣгствомъ; въ числѣ ихъ былъ и князь Вишневецкій, который чуть-ли не все лѣвобережье имѣлъ въ своемъ подданствѣ, у котораго были тысячи воиновъ на жалованьи, кромѣ драгуновъ и безчисленнаго гарнизона, набраннаго изъ его собственныхъ подданныхъ [3])... Все, что жило, поднялось въ козацтво; трудно было найти въ селеніи такого

---

[1]) Реестръ изд. по подлиннику О. М. Бодянскимъ, стр. XVII—XXII.

[2]) Приводимъ извѣстіе ея въ русскомъ переводѣ.

[3]) Лѣт. Самовидца. Изд. кіев. вр. ком. Кіевъ, 1878 г стр. 12.

человѣка, который или самъ-бы не шелъ, или не послалъ сына, а не то и слугу-парубка" [1]).

И такъ, возстаніе Хмельницкаго имѣло важные результаты, какъ для сѣверной, такъ и для южной Малороссіи. Впрочемъ въ сѣверной почва для новаго экономическаго строя была расчищена въ меньшей степени, чѣмъ въ южной. Тамъ сохранилась неприкосновенною крупная собственность монастырей, владѣвшихъ громадными имѣніями и большимъ количествомъ посполитыхъ; тамъ удержались въ значительномъ количествѣ крупныя владѣнія, какъ польской, такъ и русской шляхты. Въ Черниговщинѣ мы встрѣчаемъ старинныя малороссійскія фамиліи, имѣвшія жалованныя грамоты еще отъ великихъ князей; таковы Борозды, Рубцы. Между тѣмъ въ Полтавщинѣ старинныхъ родовъ мы не встрѣчаемъ: всѣ они недавняго происхожденія. Наконецъ, не нужно забывать и того обстоятельства, что населена была Черниговщина гораздо гуще, нежели Полтавщина; слѣдовательно свободныхъ, пустыхъ земель и послѣ изгнанія шляхты должно было получиться меньше, чѣмъ въ южныхъ „поляхъ". Тѣмъ не менѣе разница между ними была количественная, а не качественная. И тамъ, и здѣсь заселеніе свободныхъ земель, колонизація края шли на одинаковыхъ основаніяхъ. Какія-же это были основанія?

Земля, какъ мы уже сказали, сдѣлалась собственностью всего „товариства", войска въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всего народа малороссійскаго. Но это было право юридическое—и оно только санкціонировало фактическое завладѣніе, которое носило спеціальное названіе *„займанщины"*. Займанщина—вотъ та типическая форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ экономическихъ оковъ. Какой характеръ носила эта займанщина, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ чрезвычайно интересный актъ, который мы поэтому приводимъ цѣликомъ. Онъ доказываетъ, что самъ народъ объяснялъ происхожденіе поземельной собственности путемъ заимокъ. Это—объясненіе данное козаками села Покошицъ въ ихъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ. „Когда, при помощи Божіей, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмель-

---

1) Ibidem, стр. 20.

ницкимъ кровіею свою освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая—потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра малороссіянамъ *быть властними черезъ займы.* Оніе-жъ займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—концами обносили и рвомъ окопували, клякамп ограничали и что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сади заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]). Здѣсь дѣйствительно, какъ говоритъ г. Лазаревскій, вся исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда мы видимъ, что личнаа поземельная собственность въ Малороссіи возникла путемъ займанщины, по крайней мѣрѣ это можно сказать относительно мелкихъ, а не крупныхъ владѣній. Но этотъ процессъ совершался медленно и постепенно. На первыхъ порахъ, вѣроятно, преобладала *общественная займанщина.* Раньше всего земля была подѣлена подъ полки и сотни. Этимъ-то и объясняется существованіе такихъ общественныхъ земель, которыя принадлежали совмѣстно нѣсколькимъ селеніямъ одной и даже нѣсколькихъ сотенъ.

Такъ еще во время составленія генеральной описи Румянцева (въ 1765—68 г.) мы встрѣчаемъ въ Полтавщинѣ такіе „степки", которые находятся въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ сотнямъ. Такъ бывшій каневскій сотенный писарь извѣщаетъ, что онъ не въ состояніи представить порученной ему вѣдомости о распаханныхъ общественныхъ земляхъ, такъ какъ „оное поле сотнѣ каневской козаки распахали совокупно з козаками сотнѣ ирклѣевской и владѣютъ онимъ безъ подѣлу общественно" [2]). Точно въ такомъ-же совмѣстномъ владѣніи двухъ сотенъ находился и лугъ при р. Днѣпрѣ, которымъ владѣли всѣ

---

[1]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 26.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер.

козаки сотенъ ирклѣевской и каневской. Теперь въ виду генеральной описи козаки сотни каневской просятъ, чтобы онъ былъ записанъ не только за сотнею ирклѣевской, но и каневской. Просьба подписана жителями м. Каневецъ, дер. Ревбинецъ, с. Лихолѣтъ, Мельниковъ и Воротинецъ [1]). Относительно происхожденія этого луга другой документъ говоритъ: „тажъ сѣнокосная земля принадлежитъ онимъ козакамъ *по давней займѣ* и по стародавнему безспорному владѣнію; ползуясь оною сѣнокосною землею, службу козачую одправуютъ, повинности къ ползѣ государевой несли и нинѣ несутъ“ [2]). Сотенное кропивенское правленіе въ отвѣтъ на требованіе отъ коммисіи показать, какія и въ какомъ размѣрѣ къ мѣстечку Кропивнѣ и другимъ селеніямъ принадлежатъ свободныя земли, заявляетъ, что опредѣлить точно эти земли нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онѣ находятся въ совмѣстномъ владѣніи цѣлаго ряда селъ кропивенской сотни: м. Кропивны, Богушевой слободки и Чеховки, села Панскаго, Чернобая, Крупскаго и Богодуховки, дер. Щербиновки и Желѣзокъ, а также всѣхъ хуторовъ, приписанныхъ къ сотнѣ. Здѣсь пашутъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ всѣ обыватели (кромѣ генерала Неплюева, который имѣетъ свое особое отдѣльное владѣніе)—козаки, владѣльцы, ихъ подсусѣдки и посполитые—общественно на перемѣнныхъ мѣстахъ. Этимъ дѣло не кончается: оказывается, что не только нѣтъ возможности опредѣлить количество земель, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ, но даже остаются не размежеванными земли принадлежащія къ разнымъ полкамъ. Тотъ-же атаманъ признаетъ необходимымъ предварительное размежеваніе земель полка переяславскаго отъ полка лубенскаго и затѣмъ внутреннее межеваніе въ полку переяславскомъ и разграниченіе земель сотенъ кропивенской, золотоношской, ирклѣевской, каневской [3]). Получая отовсюду такія неопредѣленныя свѣдѣнія о количествѣ свободныхъ земель, коммисія для составленія генеральной описи дѣлаетъ вторичное напоминаніе о представленіи болѣе обстоятельныхъ извѣстій и при этомъ сознается, что сотенныя правленія называютъ 30 и болѣе селеній одного полка, какъ соучастниковъ зо владѣніи. Но въ той-же Румянцевской описи мы встрѣ-

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер. № 593.

чаемъ общественныя земли, принадлежащія отдѣльнымъ селеніямъ [1]). Такими общеобывательскими землями „користуются“ жители-козаки цѣлаго ряда селеній нынѣшняго золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи. Не нужно забывать, что всѣ приведенные факты относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда составлялась Румянцевская опись. Тѣмъ не менѣе тѣ явленія, на которыя они указываютъ, характеризуютъ собою болѣе раннюю эпоху — вторую половину XVII и первую половину XVIII вѣка. По свидѣтельству приведеннаго нами акта новгородъ-сѣверскаго спасскаго монастыря, именно на первыхъ порахъ послѣ освобожденія отъ „лядской неволи“ вся земля малороссіянамъ „была сполная и общая“. Тогда количество свободныхъ земель сравнительно съ населеніемъ было очень значительно. Тогда только была начата, но далеко еще не кончена займанщина цѣлыхъ сотенъ. Земель было такъ много, что не всегда было сдѣлано разграниченіе между сотнями. За тѣмъ процессъ займанщины продолжался дальше. Происходитъ внутреннее разграниченіе земель одной и той-же сотни. Въ результатѣ являются общественныя земли, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ селеніямъ и которыя нѣкоторыми изслѣдователями называются *вольницами*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что и однѣ, и другія земли старозаимочнаго происхожденія; разница вся только въ количествѣ участниковъ займа.

Но интересно, что такіе-же точно факты мы открываемъ и относительно Черниговщины. Мы уже выше показали, что возстаніе Богдана Хмельницкаго имѣло важные результаты и для сѣверной Малороссіи: если не уничтожило тамъ, какъ на югѣ, крупнаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшило его размѣры. Явились такимъ образомъ и здѣсь свободныя земли, хотя, конечно, сравнительно въ ограниченномъ количествѣ; явилась и здѣсь займанщина; явились и здѣсь общевладѣемыя земли, и при томъ такого-же двоякаго характера, какъ и въ южной Малороссіи. Только, естественно, онѣ не могли здѣсь долго продержаться и исчезли очень рано. Въ то время какъ въ южной Полтавщинѣ они фактически сохранялись еще во второй половинѣ XVIII в., въ

---

[1]) См. объ этомъ ст. И. В. Лучицкаго: Слѣды общ. землевлад. въ лѣвобер. Украйнѣ XVIII в. (Отеч. Зап., 1882 г., ноябрь).

Черниговщинѣ въ это время сохранилась о нихъ только память. Очень характерна въ этомъ отношеніи „сказка семяновскихъ козаковъ (1754 г.) о такъ называемой „конотопской ратушной степи“ [1]).

Оказывается, что, по праву перваго займа, значительнымъ количествомъ свободныхъ войсковыхъ земель воспользовались сосѣдніе владѣльцы: генералъ Салтыковъ, кіево-печерская лавра и бывшій сотникъ Кандыба. Прежде-же всѣ эти земли были вольныя, и на нихъ всякому обывателю конотопской сотни вольно было косить, кто сколько можетъ. Кромѣ-же обывателей конотопской сотни никто бывало не коситъ, кромѣ владѣльца села Семяновки, умершаго генеральнаго войсковаго эсаула Гамалѣя, который это дѣлалъ по вольностямъ козачьимъ. Въ между-гетманство поселенная по сосѣдству Чернечья слободка стала самовольно прихватывать себѣ куски этой вольницы и даже нѣкоторыя личныя козачьи заимки (Костирскаго—сѣнокосъ и Тихоновской—сѣнокосъ и хуторище) и затѣмъ всѣ ихъ заорала и обнесла копцами. Также поступилъ Кандыба относительно другой части степи. Въ этомъ случаѣ фактическимъ владѣтелемъ свободной степи оказываются обыватели всей конотопской сотни. А вотъ другой примѣръ, гдѣ свободныя земли причисляются къ отдѣльному селенію, но оно ими не пользуется и нисколько не протестуетъ противъ того, что ихъ занимаетъ другое селеніе. Здѣсь чрезвычайно рельефно сказывается характеръ малороссійскаго землевладѣнія, не юридическій, а фактическій. Старожилые села Порохни (новгородъ-сѣверскаго уѣзда), жившіе здѣсь еще до Хмельнищины, говорили такъ: „еще до Хмельнищины, когда державцею этой мѣстности былъ Пѣсочинскій, грунта порохонскіе отъ грунтовъ села Знобы отдѣлялись межой. Когда-же Чернацкая слобода (расположенная по сосѣдству) поступила въ подданство черниговскаго архіерейскаго дома, то немедленно завладѣла этими нашими порохонскими грунтами (въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка); мы-же ни тогда, ни теперь (1705 г.) противъ этого не спорили „бо тіе порохонскіе отобранные грунта до слободы Чернацкой, *гулящіе были, а не заживаніе; тилко порохонскими слили*“ [2])...

---

[1]) Села конотопскаго уѣзда. А. Лазаревскаго, въ Зап. Черн. Губ. статист. ком., кн. 2-я, стр. 189—193.

[2]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 23.

Гораздо дольше сохранились въ Черниговщинѣ общественныя угодья. Въ „Отчетѣ о состояніи межеванія въ черниговской губерніи за 1868-й годъ" мы читаемъ: „въ ряду спорныхъ дѣлъ явились, съ открытіемь межевыхъ учрежденій черниговской губерніи, и исключительнаго рода спорныя дѣла по особеннымъ въ этой губерніи сябриннымъ угодьямъ (отъ древняго литовскаго слова сябръ, соучастникъ), состоящимъ въ общемъ владѣніи многихъ соучастниковъ, доля участія коихъ въ пользованіи угодьями опредѣлена особенными документами безъ опредѣленія границъ, что однако составляетъ существенное условіе при разнокачественности спорныхъ угодій. Въ черниговскомъ и городницкомъ уѣздахъ эти сябринныя угодья составляютъ значительныя пространства при большомъ числѣ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Угодья эти были прежде исключительно лѣсныя, потомъ-же постепенно были сдѣланы въ оныхъ вырубки лѣсовъ, самопроизвольныя расчистки и распашки, почему въ угодьяхъ тѣхъ явились новые владѣльцы по праву завладѣнія, отчего условія разборовъ и еще умножились совершенно новыми обстоятельствами" [1]). Инструкція для межеванія отличаетъ такія общіе лѣса—сябринныя отъ въѣзжихъ или вольницъ; первые нужно было межевать или по полюбовному соглашенію, или по документамъ, вторые-же—по наличному числу душъ какъ владѣльческихъ, такъ и прочихъ сословій въ тѣхъ селеніяхъ, которыя имѣютъ право въѣзда въ настоящее время [2]).

Но кромѣ этого мы находимъ прямыя указанія и въ Румянцевской описи. Изъ купчей 1716 г., приложенной къ описи слободы Илькучи (седневской сотни, черниговскаго полка), видно, что тамъ былъ прежде вольный лѣсъ, въ которомъ „хто схоче, на пристойныхъ мѣстцахъ и сѣножать зробить" [3]). Еще подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ говоритъ декретъ 1691 г. по поводу жалобы обывателей Сосницы, Мены, села Черноти чъ, Козляничъ и нѣкоторыхъ другихъ близь лежащихъ селеній на пана Леонтія Полуботка, что онъ не дозволяетъ имъ въѣзда въ вольную пущу и причиняетъ всяческія грабежи, шкоды и обиды. Постановлено было

---

[1]) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1868 г., стр. 21—22;
[2]) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1870-й годъ, прил., стр. 99;
[3]) Обозр. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 89—90.

всѣмъ сосницкимъ, менскимъ и сельскимъ обывателямъ: козакамъ, мѣщанамъ и тяглымъ людямъ имѣть вольный входъ и въѣздъ за всякимъ деревомъ, „такъ якъ и передъ тимъ било", безъ разныхъ грабежей и побоевъ; всѣ окопы должны быть снесены; съ нарушителя этого постановленія долженъ быть взятъ штрафъ въ размѣрѣ 1,000 талярей [1]).

И такъ въ сѣверной Малороссіи мы видимъ такую-же займанщину, какъ и въ южной. Спрашивается теперь, каковъ былъ характеръ пользованія этими общественными землями. Данныя Румянцевской описи даютъ намъ на это краткій, но опредѣленный отвѣтъ. Всякій пахалъ, косилъ сѣно, рубилъ лѣсъ, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Жители мѣстечка Пѣщанаго—козаки и посполитые—заявляютъ, что они „издревле въ свободномъ къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба довольствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по перемѣннымъ местамъ" [2]). Смотритель свободныхъ полковыхъ и ранговыхъ маетностей Козачковскій доводитъ до свѣдѣнія коммисіи, что въ свободномъ степку, принадлежащемъ мѣстечку Голтвѣ, „гдѣ кто схочетъ, тамо и пашетъ и сѣно коситъ, перемѣняя часто мѣста таковимъ образомъ: где на казенной приходъ или на мѣщанина одного году будетъ пахаться или коситься, тамо другого году уже козакъ или чиновникъ пашутъ и косятъ" [3]). Конотопскую ратушную степь, какъ мы знаемъ, косили всѣ обыватели конотопскіе, „кто сколько можетъ". Количество цитатъ можно было бы увеличить до безконечности. Жаль только, что въ Румянцевской описи мы не находимъ болѣе подробныхъ указаній на технику этого дѣла. Впрочемъ наглядное понятіе о ней мы можемъ составить себѣ по тому картинному описанію „косовицы" на общественномъ сѣнокосѣ въ давнія незапамятныя времена, какое мы читаемъ въ разсказѣ нѣкоего Гукова, помѣщенномъ въ изданіи юго-западнаго отдѣла географическаго общества: „Малорусскія народныя преданія и разсказы", подъ заглавіемъ: „Перенесеніе церкви изъ приселка Котлова въ село Москаленки". Разсказъ этотъ списанъ Гу-

[1]) Обозр. Рум. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 132—134.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргород.

ковымъ со словъ котловскаго жителя Якова Саміловича Джогала и передаетъ собственно преданіе о томъ, какъ жители села Москаленокъ тайно разобрали въ поселкѣ Котловѣ церковь и перевезли въ свое селеніе, въ то время, когда котловцы были заняты всѣ поголовно скашиваніемъ общаго сѣнокоса, но каждый для себя. Описаніе косовицы введено разсказчикомъ эпизодически и передается также на основаніи преданія, но мы признаемъ за нимъ полную историческую достовѣрность;—оно носитъ не *былевой*, *а бытовой* характеръ; здѣсь самъ народъ разсказываетъ страничку изъ своей прошлой обыденной жизни. Разсказъ [1]) живо характеризуетъ намъ порядки пользованія общественными сѣнокосами; изъ него мы видимъ, что извѣстія Румянцевской описи: „каждый коситъ“ „гдѣ схочетъ и сколько схочетъ“ нужно понимать буквально; никакого распредѣленія участковъ мы не видимъ; равномѣрнаго распредѣленія собраннаго сѣна также нѣтъ; каждый работаетъ за себя и для себя. Сущность разсказа въ слѣдующемъ: въ одномъ мѣстѣ на Днѣпрѣ, близъ деревень Москаленокъ и Котлова, образовалась коса; на ней стала рости кой-гдѣ лоза, потомъ трава—образовалось пастбище; пастбище обратилось со временемъ въ хорошій сѣнокосъ. Кому-же и могъ онъ принадлежать, какъ не жителямъ сосѣднихъ деревень, но съобща, а не кому либо въ частности? Разсказъ передаетъ, какъ торопились жители этихъ селъ въ день назначенный для косьбы обогнать другъ друга въ выходѣ на сѣнокосъ и самой работѣ. Такихъ общихъ сѣнокосовъ было много въ предѣлахъ нынѣшняго золотоношскаго уѣзда, отъ чего, можетъ быть, и теперь въ немъ такое обиліе общевладѣемыхъ земель; другія мѣстности того-же переяславскаго полка имѣли ихъ гораздо меньше, равно и другіе южные полки. Очевидно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ общихъ условій, дѣйствовали и свои *мѣстныя причины*. Какъ-бы подтвержденіемъ этого можетъ служить любопытное признаніе сотника Добронизскаго. Сообщая документы на свои владѣнія въ сотнѣ Домонтовской, состоящія „въ плецахъ, огородахъ, мельницахъ, рыболовныхъ озерахъ“, онъ прибавляетъ, что не можетъ доставить точныхъ данныхъ, потому что „по старимъ обичаямъ и владѣниямъ *въ грунтахъ степнихъ и лужныхъ сѣнокоснихъ*, до того мѣстечка

---

[1]) Мал. нар. пр. и разск., сводъ М. Драгоманова. К. 1876, стр. 241—245.

Домонтова надлежащихъ, всякому исъ тамошнихъ старинныхъ жителей, какъ козакамъ, такъ и посполитимъ владѣльческимъ подданнимъ, *гдѣ кто ставъ пахать или косить, волность состоитъ* [1])".

Теперь спрашивается, можно-ли назвать общинными подобные порядки владѣнія общественными займанщинами. Мы думаемъ, что впредь до открытія новыхъ фактовъ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. О такой общинѣ, какая была и есть въ Великороссіи, не можетъ быть тутъ и рѣчи: ни періодическихъ передѣловъ, ни равномѣрности участковъ мы не находимъ въ малороссійскихъ займанщинахъ. Факты общинныхъ передѣловъ, приведенные г. Лучицкимъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Устояхъ" за прошлый годъ, относятся къ современнымъ общинамъ полтавскаго побережья (мутишинской и другимъ). Еще вопросъ, на сколько нынѣшній чисто общинный строй въ этихъ селеніяхъ стародревній и типическій; по крайней мѣрѣ въ Румянцевской описи мы не находимъ общинъ съ такимъ точно характеромъ. Вообще мы думаемъ, что лучше сначала уловить и ясно опредѣлить сущность извѣстнаго явленія, а потомъ уже давать ему такое или иное названіе. Мы нисколько не считаемъ малороссовъ народомъ индивидуалистомъ quand même, мы нисколько не противъ аналогіи явленій нашей жизни съ явленіями жизни западно-европейской; но мы думаемъ, что сравниваемыя величины должны быть предварительно болѣе или менѣе опредѣлены. Мы знаемъ, что нѣкоторые изслѣдователи (въ родѣ, напримѣръ, Лавеле) готовы расширить рамки понятія общины до безконечности, но втискивать понятіе малороссійской займанщины въ расплывчатый терминъ „первобытной общины" мы считаемъ безполезнымъ. Можетъ быть впослѣдствіи, когда сущность займанщины опредѣлится для насъ точнѣе, мы и найдемъ такія аналогіи, которыя поставятъ ее въ связь съ общими формами западно-европейскаго землевладѣнія; но теперь, какъ намъ кажется, мы не въ состояніи найти въ ней какихъ либо признаковъ общиннаго быта. Развѣ мы можемъ сказать что-либо опредѣленное относительно роли малороссійской громады въ распредѣленіи общественныхъ земель? Мы не отрицаемъ громадскихъ склонностей

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

въ малороссійскомъ народѣ, потому что сама громада является уже носителемъ ихъ; но едва-ли можно приписать этой громадѣ такія функціи въ отношеніи къ землевладѣнію, какъ великороссійскому „міру". Въ законодательствѣ и вообще юридическихъ памятникахъ мы напрасно стали-бы искать указаній на роль громады въ этомъ отношеніи. „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" знаютъ совмѣстное сябринное владѣніе, но въ основѣ его видятъ личную займанщину. Вотъ какъ читается относящееся сюда мѣсто: „Если-бы кто имѣлъ съ нимъ лѣсъ или степъ совокупній, недѣленій, а одинъ-бы который сябръ или участникъ похотѣлъ тотъ лѣсъ на засѣвъ хлѣбний или для сѣнокоса прочистить и раздроблять, а степъ прооривать, толкожъ такъ, чтобъ другого или другихъ участниковъ своихъ грунтовъ разробомъ тимъ своимъ не изобидилъ, къ своему болше не принималъ, но *столко, сколко на его части того лѣсу или степу принадлежать будетъ*, а другимъ би участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу или степу оставилъ, какъ много на части ихъ противъ его займы принадлежитъ; еслижъ би кто больше надъ свою часть лучшаго грунта прочистилъ, и за то би въ судъ билъ позванъ, таковій по приговору судовомъ долженъ будетъ сябрамъ своимъ на томъ-же грунтѣ или, когда похотятъ обидиміи, на другомъ уступить имъ такъ добраго, годного и пожиточнаго мѣста, чтобъ всѣмъ участникамъ равно било, а за лѣсъ сверхъ части его порубаній тѣмъ-же сябромъ своимъ изъ своей собственной части на иномъ мѣстѣ, гдѣ имъ приличнѣе будетъ, столкожъ и такъ добраго лѣса отвесть, а не будетъ ли у него такого лѣса, то денгами по доказательству заплатить имѣетъ въ половину противъ оцѣнки сего права [1])". Отсутствіе въ мѣстномъ малороссійскомъ правѣ указаній на общинные распорядки невольно намъ бросается въ глаза и говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ за общину; существованіе-же общевладѣемыхъ земель зависѣло, по нашему мнѣнію, отъ слабой населенности территоріи. И въ самомъ дѣлѣ: въ населенной болѣе густо Черниговщинѣ онѣ скорѣе исчезаютъ, чѣмъ въ Полтавщинѣ; въ болѣе слабо заселенномъ полтавскомъ побережьѣ ихъ повидимому больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ того-же переяславскаго полка; на-

[1]) Права, по которымъ судится малорос. народъ, проф. А. О. Кистяковскаго. кп. 1879 г., стр. 515—516.

конецъ, теперь ихъ меньше, чѣмъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ были въ предѣлахъ южной Малороссіи такія мѣста, гдѣ земля цѣнилась ни во что. Владѣльцы, жившіе по рр. Золотоношѣ и Кропивнѣ, жалуются коммисіи для составленія генеральной описи Малороссіи, что многіе козаки, бросивъ свои отеческіе грунта, поселились возлѣ нихъ хуторами; иные, являясь изъ далекихъ мѣстъ и пользуясь неразмежеванностью земель, косятъ недозрѣлую траву и захватываютъ цѣлину и распаханныя земли [1]). Какъ дешево цѣнилась тогда вообще земля, видно изъ купчихъ, приложенныхъ въ безчисленномъ множествѣ къ Румянцевской описи. Козакъ миргородскаго полка Лукьянъ Марченко заявилъ ревизорамъ, что онъ вымѣнялъ вербовый лѣсокъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка за плугъ, который, по его словамъ, стоилъ 1 р. 50 к. Миргородскій козакъ Евфимъ Парасоченко заявилъ, что его отецъ купилъ островокъ съ лозою, дровянымъ ольховымъ лѣсомъ и сѣнокосомъ, на которомъ ставилось 50 копенъ сѣна, за 8 р. [2]). И это еще сравнительно дорого, потому что купленная земля находилась подъ самимъ Миргородомъ. А вотъ обыватель села Сосновки (поповской сотни, нѣжинскаго полка) Пархомъ Кононенко продаетъ свою „батьківщину"—хату съ дворищемъ, садомъ, огородомъ и полемъ въ трехъ рукахъ *за кобылу половую*.

Но постепенно количество земли должно было уменьшаться, какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, о чемъ мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, какъ лѣтописныхъ, такъ и документальныхъ. Въ началѣ XVIII в. и позже народъ малороссійскій толпами переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и, по выраженію Величка, „гдѣ улюбя по разныхъ сегобочныхъ полкахъ украинно-малороссійскихъ для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстца" [3]). Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной поземельной собственности, которая вся въ южной Малороссіи сравнительно недавняго происхожденія и произошла путемъ пожа-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[3]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 300.

лованій, скупли и захватовъ. Рядомъ съ этимъ дѣйствовала еще одна причина. Сплошная и единообразная нѣкогда масса малороссійскаго народа теперь начинаетъ мало по малу раздробляться, выдѣлять изъ среды своей разныя общественныя группы—классы. Жители городовъ—мѣщане, которые когда-то ничѣмъ почти не отличались отъ козаковъ, отбывая вмѣстѣ съ ними воинскую повинность, теперь обособляются въ особую соціальную группу, имѣющую свое самоуправленіе и свои занятія; войско—„товариство" въ свою очередь распадается на двѣ группы—старшину и простыхъ козаковъ; первая всѣ свои усилія употребляетъ на пріобрѣтеніе крупной поземельной собственности, вторые все болѣе и болѣе отдаляются отъ своей старшины и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣшиваются уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, съ посполитыми, потому что козацкое званіе во всякомъ случаѣ гарантируетъ нѣкоторыя существенныя права. Посполитые попадаютъ все въ большую и большую зависимость отъ козацкой старшины. Мы не хотимъ сказать, чтобы сословія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже обозначились; еще и во второй половинѣ XVIII в. русское центральное правительство должно было стараться, чтобы посполитые не попадали въ козаки и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ начало уже было положено—и это должно было отразиться и на характерѣ землевладѣнія. Крупное землевладѣніе козацкой старшины тѣснитъ и захватываетъ себѣ козацкія и посполитскія земли; скупля принимаетъ столь широкіе размѣры, что правительство Анны Іоанновны принуждено издать свой запретительный указъ 1739 г., который впрочемъ мало помогъ горю. Козаки въ свою очередь желаютъ, чтобъ ихъ признавали единственными владѣтелями свободныхъ земель; является на экономической почвѣ сословная рознь, которой прежде не было. Характерные примѣры ея мы находимъ въ Румянцевской описи. Мы приведемъ цѣликомъ одинъ чрезвычайно любопытный и важный въ этомъ отношеніи актъ. „По природѣ нашей будучи мы посполитые и живучи въ мѣстечку Пѣщаномъ под ратушею, равно какъ в давнину и предки наши обще съ козаками и жителями пѣщанскими в свободномъ, къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащомъ, степку сѣнокосомъ и паханемъ хлѣба доволствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по переменнымъ местамъ, гдѣ кто пожелалъ, и единственно съ того нашего вообщѣ ползованія

какъ консистенские дачи, такъ и къ ратуши подлежащіе государевы повинности безнужно несли, когда безпомѣшательное было в прописанномъ наше владѣние; но с недавных годов здешние козаки, одинъ по другому, перво на словахъ выговаривая не уходить общескимъ владѣниемъ нашимъ в тот степокъ, а потом час от часу усиливаясь по безстрашию своему к явнымъ насъ витискамъ, взяли согласие и обратывъ на насъ свою ненависть и вознегодованіе, умислили беззаконними своими поступками и совсѣмъ насъ к оному степку не допустить, к тому-жъ и въ выпустныхъ мѣстахъ утѣснить, объявляя при томъ свои намѣренія, что если де кто с насъ моглъ у прописанное владѣние вступить, то убьютъ де до смерти и пропадетъ за собаку, понеже де козакамъ съ мужикомъ ползы никакой нетъ и мужику козацкими степами владѣть не слѣдуетъ; почему с насъ некоторие, не имѣя собственной землѣ, а в общомъ с козаками на степку ползованіи опасиваясь ихъ козаковъ неуважныхъ похвалокъ, принужденни, оставя свои жилля, удалитись; однако мы малим числомъ оставшіесь, хотя с нуждъ во владѣние того-жъ степу оранемъ и сѣнокосомъ до некоторого времени уходили и роспахали были себѣ землѣ, но напоследокъ, что принадлежитъ до позапрошлаго и сего года, лѣтомъ, когда мы нашѣ, распаханние собственно нами, землѣ орать вийшли, то оніе козаки по завзятости и ненависти ихъ и последныхъ насъ съ плугами согнали и въ косовитное время къ копению сѣна не допустили, и совсѣмъ общаго ползованія лышили, по причинѣ которой нынѣ ми пришли до самокрайнѣйшей обиды и разорения, пачежъ всегда по похвалкамъ ихъ находимся въ немаломъ и опасеніи, а яко комисия генеральной ревизіи нынѣ находится в Пещаномъ, для того вашего благородия покорно просимъ по сему главному случаю у оной коммисіи разсудить и сискать для насъ таково посредство, чтоб ми в томъ степку и в випустахъ имели по прежнему наше безпрепятственное отъ козаковъ владѣние и ползование, з защищениемъ и отъ худыхъ ихъ похвалокъ, за чемъ могли-бы мы в состояніи несть и государеви податѣ, в случаѣ бо инакомъ можемъ мы прійти до такой крайности, что и дневной пищы лишимся“ [1]). И это случай не единственный. Во время генеральной описи происходили по этому поводу частыя пререканія.

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

Требовалось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи прежнихъ ревизій и другихъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ свидѣтельскія показанія козаковъ признавались тенденціозными и недостовѣрными. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается столкновеніе, возникшее въ голтвянской и потоцкой сотняхъ миргородскаго полка между козаками и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей Козачковскимъ. Объ этомъ сохранилась цѣлая большая переписка. Оказывается, по изслѣдованіямъ Козачковскаго, что многія земли распаханы и захвачены владѣльцами и особенно козаками. Первый примѣръ въ этомъ случаѣ подали бывшіе смотрители войсковыхъ земель—сотники, которые дозволили захватъ, потому что и сами принимали въ немъ участіе, между тѣмъ права на землю принадлежали голтвянскимъ и потоцкимъ мѣщанамъ и посполитымъ (свободнымъ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ревизія 1729 года. Теперь-же и тѣ и другія вытѣснены козаками и владѣльцами и принуждены пользоваться чужою землею за деньги или за скопщину. Никакихъ подтвержденій па эти самовольные захваты не послѣдовало ни со стороны центральнаго русскаго правительства, ни со стороны мѣстнаго гетманскаго уряда. Козаки съ своей стороны опирались на письменное дозволеніе, данное имъ съ бывшимъ сотникомъ Остроградскимъ еще въ 1691 г., при этомъ они въ свою очередь жаловались на притѣсненія со стороны мѣщанъ и просили *роздѣла* всей земли между ея фактическими владѣльцами [1]). Въ этомъ спорѣ мы видимъ нѣсколько интересныхъ фактовъ. Не смотря на то, что въ упомянутомъ выше постановленіи 1691 г. прямо сказано, что занимать себѣ землю въ личную собственность нельзя и даже полученными продуктами нужно пользоваться вообще, въ теченіе какихъ нибудь 50—60 лѣтъ свободная нѣкогда земля очутилась въ фактическомъ завладѣніи лицъ разныхъ сословій, преимущественно козаковъ. Теперь эти послѣдніе въ количествѣ 151 человѣка ходатайствуютъ о раздѣлѣ этихъ земель и признаютъ въ качествѣ соучастниковъ раздѣла владѣльческихъ посполитыхъ, которые съ юридической точки зрѣнія смотрителя Козачковскаго не имѣютъ никакого права. Такимъ образомъ юридическое право голтвянскихъ мѣщанъ ставится ни во что сравнительно съ фактическимъ правомъ

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргор.

подданныхъ — посполитыхъ. Здѣсь очевидно дѣйствуетъ сила народнаго міровоззрѣнія, идущаго въ разрѣзъ съ новыми порядками.

Иногда впрочемъ, какъ свидѣтельствуютъ акты, такой раздѣлъ совершался на первыхъ-же порахъ.

Рядомъ съ возникновеніемъ личной собственности путемъ раздѣла общественныхъ земель мы встрѣчаемъ и другой путь—*личную займанщину*. Малороссійское право признаетъ достаточнымъ для юридическаго владѣнія такую личную займанщину. „Кто-би себѣ какіе грунта и угодия нажилъ, а оние прежде никакова владѣлца не имѣли, или-би кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахивалъ, либо лѣсъ расчищалъ,.... таковія недвижимія имѣнія имѣютъ быть того, кто владѣетъ, собственния, какъ-би купленния [1])“. Если кто нибудь владѣлъ извѣстнымъ участкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не было ни съ чьей стороны претензіи, то владѣніе его дѣлалось уже крѣпкимъ; это конечно имѣло мѣсто главнымъ образомъ при расчисткѣ и распашкѣ цѣлины. Мы имѣемъ любопытнѣйшій въ этомъ отношеніи документъ—доношеніе козаковъ сотни золотоношской въ коммисію сочиненія въ полку переяславскомъ генеральной ревизіи. „Мы нижайшие доволно извѣстни нынѣ учинились, что оная ревизиальная комисія какъ о протчіихъ недвижимихъ грунтахъ собственнихъ наслѣднихъ, такъ и о распаханнихъ съ общихъ принадлежащихъ къ обиталищамъ земляхъ, кои нинѣ въ дѣйствительномъ владѣніи кого либо состоятъ, чтоби они без включенія въ нинѣшную генералную опись не оставалысь, требуетъ чрезъ сотенния правленія отъ кожнихъ владѣтелей тѣхъ земель точного показанія; а яко въ насъ сотнѣ золотоноской при рѣчки Кропивной при состоящихъ хуторахъ имѣется въ кождого обивателя распаханной землѣ *не меньше какъ по 195 дней*, коя нинѣ въ дѣйствительном нашемъ владѣніи состоитъ уже *болѣе пятдесяти годъ*, которими землями сначала нашего владенія и поселенія нашихъ жителствъ нѣкто изъ владѣлцовъ не владѣлъ нѣ жадною и не интересовался нѣкто и понинѣ, по причинѣ той, что между жител-

---

[1]) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Пр. А. Ѳ. Кистяковскаго, стр. 48.

ствами нашими (яко тѣ по надъ рѣчкою Кропивною вдолжъ распространились верстъ двѣ) никакихъ владѣлцовъ не имѣется, якая наша распаханная земля по незнаемости нашей подчасъ сочиненія жителствомъ нашимъ генералной описѣ въ опись не включена, и даби тѣ наши роспаханние землѣ втунѣ без включенія в нинѣшную генералную опись не оставались, для того комисѣи сочиненія въ полку переяславскомъ генералной ревизіи нижайше просимъ сие наше доношение и до нашихъ жителствъ с приложениемъ при семъ ведомости означенние землѣ въ белую генералную опись включить и учинить опредѣленіе. Руку приложили козаки сотни золотоноской [1]).

Въ приведенномъ нами случаѣ мы имѣемъ фактъ личнаго завладѣнія; земля состоитъ теперь въ дѣйствительномъ владѣніи каждаго отдѣльнаго лица; размѣръ участковъ очень значителенъ—не менѣе 195 дней на душу, т. е. 146 десятинъ; земля была занята ими свободная, вольная, которою *съ самаго начала поселенія* никто не интересовался; въ дѣйствительномъ владѣніи ихъ она состоитъ болѣе пятидесяти лѣтъ, т. е. по крайней мѣрѣ съ начала XVIII столѣтія.

А вотъ другой актъ не менѣе характерный; въ немъ мы видимъ также общественныя угодья—„чагарныки", но большая часть земли уже занята отдѣльными лицами. „З давнихъ временъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ, начавши отъ села Чарторѣйки ажъ до Воронѣжа, была все пуща волна, въ якой пущи и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичѣ, Землянка и иніе села въ близости найдуючіеся; и всѣмъ было волно въ тую пущу ѣздить—и хати съ оной пущи ставили. А *когда помножилось въ селахъ людей* и вже оную пущу гораздо вырубили, то въ то время воронѣжци и инихъ селъ знатнѣйшіе и старѣйшіе обиватели начали занимать и окоповать займы, *всякъ по возможности своей*, что и невозбранно имъ было. А отъ шляху, идучого отъ Чартериги поузъ села Землянку и Дубовичѣ, по лѣвой сторони, а зъ другой сторони отъ окопу Воронѣжскаго ажъ по шляхъ кролевецкій, по общему всѣхъ селянъ согласію, опредѣлено чагарники убогимъ людямъ и будетъ

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяславскомъ.

онихъ чагарниковъ верстъ на десять; и въ тѣхъ чагарникахъ, безъ вѣдома селянъ, занимать и окопывать займы было запрещено[1]) (1738г.)

Личная займанщина относится къ очень давнему времени: она часто современна займанщинѣ общественной. Иногда такимъ образомъ возникали и селенія. Вотъ разсказъ старожила о заселеніи деревни Быстрика кролевецкой сотни (1703 г.) „Савка Скоробогатко тяглій человѣкъ признаъ, еще мовить до Московщины (1654 г.), якъ сталъ Быстрикъ садитися, пришолъ я зъ Гировки до Быстрика на житье; а напередъ мене зайшолъ тамже, до Быстрика, Сенко зъ Конотопу, въ которого хатѣ черезъ зиму мешкалемъ я; который то Сенко усмотрѣвши сее мѣстце, идѣже теперъ млынъ стоитъ, на заняте греблѣ способное, не знаю, мовить, за чиимъ позволеньемъ и фундушемъ, сталъ займать тую греблю, зъ Фескомъ Веровскимъ человѣкомъ, якой Феско, не совершивши того зачатаго дѣла, уступилъ самому тому Сенку; а онъ Сенко, усыпавши греблю и млынъ на ней построивши, уживалъ съ него пожитковъ, и не знаю того, чи давалъ тотъ Сенко, за своего тимъ млиномъ владѣнія, кому зъ его достойную повинность, чи ли нѣтъ; бо я, мовить, тилко чтири года въ Быстрику промешкавши, пошолъ зъ небожчикомъ отцемъ своимъ на тую сторону Днѣпра, подъ Коростешовъ, до Вѣлья, где пять годъ поживши, шестого року, якъ попустошилъ тамъ, на за-Днѣпрю, Децикъ небожчикъ, такъ я вже по королевщинѣ пришолъ зъ-за Днѣпра знову до Быстрика мешкати; але южъ Сенка, первого того млына фундатора, не засталъ живого, котораго во время облеженья Конотопу отъ Москвы въ Конотопѣ забито: а по его Сенковой смерти нѣякійсь Коломіецъ жону его понялъ себѣ въ малженство, которому по женѣ и млынъ зостался“ [2]).

Неизвѣстно, по какому праву Сенко завладѣлъ мѣстомъ для млына. Очевидно достаточно было одного фактическаго завладѣнія. Подтвердительные документы рѣдко когда брались. Изъ одного акта—универсала Скоропадскаго 1719 г.[3]) ясно видно, что и малороссійскіе гетманы стояли на такой-же точкѣ зрѣнія.

---

[1]) Мал. посп. крест. А. М. Лазаревскаго, стр. 24—25.

[2]) Обоз. Рум. оп. Мал. Ал. Лазаревскаго, стр. 349—350.

[3]) Тамъ-же, стр. 244—245.

Впрочемъ и самыя подтвержденія давались безъ труда и являлись только формальностью, которая служила гарантіей правъ въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями. Вотъ въ этомъ отношеніи характерный документъ. „Ознаймовалъ передо мною Яремѣемъ Андрѣевичемъ, сотникомъ батуринскимъ, Пархомъ Перека, обыватель въѣзду нашего въ Митченокъ батуринского, ижъ закопалъ сѣножать, на Тютчи прозиваемой лежачую, подлѣ Гаджели, на которую то сѣножать упросилъ насъ урядове, абы нихто ему жадною перешкодою не билъ въ кошеню з обивателей митченскихъ, такъ и иншихъ людей бы жадной нихто не мѣлъ утиски до тоей сѣножати; а ежели-бы хто малъ отдаляти Пархома Переку вышепомененнаго, на таковаго за руки покладаемъ до шкатули войсковой талерей 40“ [1])...

Много подтвердительныхъ грамотъ мы имѣемъ на хутора, возникавшіе путемъ личной займанщины. Вотъ прямое подтвержденіе этому. „Мы Ѳедоръ Яковлевичъ сотникъ короповскій, Ѳедоръ Шухъ, атаманъ городовій, Адамъ Русакевичъ чинимъ вѣдомо симъ писаниемъ нашимъ, кому-бы о томъ вѣдать було належало, ижъ позволили пану Алексѣю Мелнику, козакови и обывателеви нехаевскому, занять мѣстце з лѣсною рощею за Сохачами надъ речкою Крупкою лежачое, з одной сторони отъ той речки по займу Логвинову, а съ другой сторони по займу сохацкаго пана отца Матѳея, на которомъ мѣстцу, яко уже на своемъ власномъ волно поменонному Олексѣ хуторецъ устроити и на якій колвекъ обертати пожитокъ, безъ жаднаго нарушенія и турбаціи, вѣчними часи въ посесіи своей держати повиненъ, на що для лучшого потверженія и сее писаніе наше при печати мѣской короповской далисмо“ [2]). (1676 г.).

А вотъ и другой аналогическій документъ, заключающій въ себѣ нѣкоторые общія указанія; это—доношеніе козачьяго сына Филиппа Велички. „Назадъ тому будетъ лѣтъ болѣе шестидесяти, какъ дѣдъ мене нижайшаго, Иванъ Величко, по свободѣ бившой, между селами Замѣшева и Тростанѣ, въ грунтахъ козатчихъ тростанскихъ разробилъ лесъ, а въ вершинѣ речкы Корны занялъ млы-

---

[1]) Мал. посп. кр. Ал. Лазаревскаго, стр. 25.

[2]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 373—374.

нокъ и при томъ млынку устроилъ футорецъ, якимъ футоромъ и млынкомъ якъ дѣдъ мой Иванъ Величко спокойно чрезъ тридцать летъ по жизнь свою владѣлъ, и козатчую службу съ протчими козаками въ сотнѣ топольской отбувалъ, и по смерти дѣда моего Ивана Велички оставшися его два сины, Иванъ и Никита Велички, въ малыхъ летахъ (съ коихъ еденъ Никита умре, а Иванъ нынѣ въ живихъ имѣется) тѣмъ футоромъ, млынкомъ и розробленими грунтами владѣли и козатчую службу отправляли". Но чаще всего, конечно, занимала себѣ хутора козацкая старшина. Мы имѣемъ на это прямое указаніе въ актѣ о переясловскомъ сотникѣ Иванѣ Добронѣзскомъ. „Всѣмъ кому толко вѣдати надлежатиметь з полчанъ переяславскихъ, а особливо пану полковнику Яготинскому, атаману и всему товариству моей сотнѣ, симъ нашимъ объявляемъ писаниемъ, ижъ панъ Иванъ Добронѣзскій, сотникъ полковій переяславскій, подалъ писменное свое прошение въ полковую переяславскую канцелярію, виражаючи, что многие з пановъ старшины полковой переяславской и значковихъ того полку товаришей, за позволенемъ бившихъ пановъ полковниковъ, *позанимали себѣ хутора в степу переяславскомъ*, въ сотнѣ яготинской, над Чумгакомъ, при самомъ устьѣ, мѣсто волное и способное на строение хутора, толко не смѣетъ самъ занимати, того ради проситъ на писмѣ позволение, якое прошение пана сотника Добронѣзкого принявши за слушное, а послѣдуючи давнему обикновенію, что бивало панове полковники з старшиною полковою даютъ з решпекту войскового годнимъ оного фундуши и позволителние писма на занимание гребелiокъ в степу и на построение хуторовъ, обще усовѣтовавши, даемъ и мы сие з полковой канцеляріи переяславской показанному пану Івану Добронѣзкому, сотникови полковому переяславскому, письмо, щобъ и онъ моглъ решпектомъ войсковимъ щитится, позволяючи ему на устѣ оном Чумгацкомъ, нижей гребелiокъ покойнаго асаула переяславскаго Івана Даниловича, въ самомъ кутѣ гребелку чрезъ оноюпересипать и хуторъ построитъ для содержния ставку и всякого своего пожитку, о томъ всякъ вѣдаючи, особливо з сотни Яготинской абы нихто не важился чинити ему кривды и убитку, жадаемъ и приказуемъ [1]" (1731 г.).

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Много другихъ указаній мы находимъ относительно разнаго рода угодій: сѣнокосныхъ займищъ, мельницъ и т. д.,—объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ актовъ; но еще чаще занимали разнаго рода угодья безъ всякихъ подтвердительныхъ документовъ. Козаки села Семяновки подали сказку о конотопской ратушной степи, гдѣ между прочимъ заявляютъ, что за степью, принадлежащею къ селу Подлипному, слѣдуютъ сѣнокосныя займища конотопскихъ и семяновскихъ козаковъ—Тетеры, Бородая, Тихона Кондратовича, Ивана Веремѣенка Костирскаго, попа Семяновскаго, Ефрема Сангерѣ и др.; займища эти относятся еще ко времени первоначальнаго заселенія Конотопа и Семяновки, когда всякому было вольно занимать земли, сколько угодно; о пространствѣ ихъ свидѣтельствуютъ тогдашніе, старинные заоры [1]). Мы не будемъ приводить подтвердительныхъ грамотъ на сѣнокосы, гребельки, млыны и другія угодья, потому что ихъ очень много и всѣ они составлены по одному образцу. Скажемъ только, что въ одномъ черниговскомъ полку въ 1742 году было 315 водяныхъ мельницъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ видѣ личной займанщины, который впрочемъ относится почти исключительно къ козацкой старшинѣ;—мы говоримъ о слободахъ. Въ продолженіи всей второй половины XVII и первой XVIII в. слободскія поселенія играютъ громадную роль въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ. Главнымъ контингентомъ слобожанъ были люди похожіе, иначе лёзные, не имѣвшіе поземельной собственности, но пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода; это были, по выраженію одного акта, „не господари, а люде волные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе“. Слобожане получали льготу на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ повинностей и могли въ это время заводить собственное хозяйство, распахивать и разчищать грунты, вырубать съ этою цѣлью лѣса. Гетманскій урядъ съ своей стороны не ставилъ никакихъ препятствій къ осаживанію слободъ: разрѣшеніе „закликать слободу“ давалось безъ всякихъ затрудненій; иногда такія слободы заводили

---

[1]) Села конотопскаго уѣзда, Ал. Лазаревскаго въ зап. Чер. губ. Ст. ком., кн. 2-я, стр. 252.

съобща всѣ жители одного и даже нѣсколькихъ селеній, иногда-же сама администрація. Вотъ почепскій мѣщанинъ Леонъ Рубецъ подаетъ заявленіе, что въ лѣсу, въ урочищѣ Саколи, съ прилегающими къ нему селищами, на рѣчькѣ Усѣ есть мѣсто удобное для устройства хутора, винокурни, мельницы и слободы. Изъ осмотра, произведеннаго „нарочными" людьми, оказалось, что всѣ упомянутыя мѣста до Хмѣльнищины были во владѣніи шляхтича Дубровскаго, а теперь лежатъ впустѣ и никому не отданы; чужіе сѣнокосы отъ устройства мельницы не пострадаютъ, ближайшее селеніе находится въ разстояніи двухъ верстъ, другія десяти и болѣе; вообще старымъ селамъ отъ устроенія слободы не будетъ никакого „утесненія[1])". А вотъ стародубскій полковникъ Григорій Карповичъ даетъ универсалъ осадцѣ пану Михайлу Сипковичу на закликаніе слобожанъ, при чемъ имъ позволяется „пашнѣ и пожнѣ до рѣчки Дзѣвовково и до лѣса Осова розчиняти и роспаховати, якъ кто тилко можетъ[2])". Конечно, по истеченіи срока, населеніе должно было нести извѣстныя повинности по отношенію къ владѣльцамъ; эти повинности все болѣе и болѣе увеличивались и въ концѣ концовъ слобожане обратились въ крѣпостныхъ. Но во всякомъ случаѣ слободскія поселенія играли существенную роль къ колонизаціи края. Послѣ изгнанія польскихъ пановъ изъ Черниговщины много земель осталось впустѣ; здѣсь-то возникли слободы, которыя съ теченіемъ времени обратились въ селенія и деревни.

Въ силу всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго важную роль играетъ тотъ способъ завладѣнія, который въ устахъ народа и актахъ носитъ спеціальное названіе „займанщины". Его мы открываемъ какъ въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ, такъ и въ южной—Полтавщинѣ; только въ послѣдней онъ сохранился дольше. Это вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ признакомъ, что здѣсь онъ вообще былъ болѣе распространенъ. Займанщина эта носила двоякій характеръ—общественный и личный: иногда извѣстные свободные групы занимали со-

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Мал., Константиновича, стр. 600—602.

[2]) Ibid., стр. 644.

отдѣльныя лица. Общественная займанщина предшествовала личной, но часто шла вмѣстѣ съ нею: это зависило отъ мѣстныхъ условій. Но въ большинствѣ случаевъ личная поземельная собственность утвердилась очень быстро; общинные распорядки не успѣли установиться въ общевладѣемыхъ земляхъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ сумма *извѣстныхъ* доселѣ фактовъ; а этихъ фактовъ до сихъ поръ такъ мало, что сдѣлать широкое обобщеніе, при всемъ желаніи, мы не можемъ.

Димитрій Багалѣй.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Окончаніе) [1].

ГЛАВА VIII.

О поимкѣ Пугачева. Заботы о возвращеніи на родину.

Силы Пугачева очевидно стали ослабѣвать, такъ что онъ не былъ уже въ состояніи сопротивляться отрядамъ войска, между тѣмъ какъ количество послѣдняго все болѣе возрастало, вслѣдствіе того, что постоянно новые отряды возвращались изъ Турціи; они располагались въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были склонны къ бунту, и такимъ образомъ прекращали возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ каждомъ почти селѣ устроены были висѣлицы, которыя наводили страхъ на крестьянъ и заставили ихъ присмирѣть. Пугачевцы въ большомъ числѣ попали въ плѣнъ и были препровождены въ Сибирь впредь до рѣшенія ихъ участи; тобольскій генералъ-губернаторъ приказалъ повѣсить многихъ изъ ихъ числа.

У Пугачева оставалось не болѣе 6,000 человѣкъ; его преслѣдовали генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ; когда они достигли береговъ Хопра, его собственные подчиненные, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, схватили его, привели въ лагерь генерала Суворова и добровольно выдали.

Весь русскій народъ былъ крайне утомленъ продолжительною войною внутреннею и внѣшнею и вздохнулъ свободнѣе, когда обѣ

---

[1]) См. январ., март. и ноябрск. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

прекратились почти одновременно. Войска, утомленныя турецкою кампаніею, нуждались въ отдыхѣ, обыватели-же выжидали съ нетерпѣніемъ, чтобы миновало время постоянной тревоги и опасности, которой они подвергались отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Потому поимка Пугачева возбудила всеобщую радость,—она служила ручательствомъ возстановленія спокойствія.

Пугачева помѣстили въ огромную деревянную клѣтку и въ ней препроводили въ Москву; до Симбирска онъ ѣхалъ подъ конвоемъ кавалеріи, съ этого-же города его сопровождалъ конвой изъ 300 пѣшихъ гренадеръ. Вмѣстѣ съ нимъ препровождалось 6 человѣкъ атамановъ, которые выдали его властямъ; они ѣхали свободно, безъ оковъ, и имъ не только обѣщано было прощеніе, но и значительная награда; въ каждомъ селѣ, черезъ которое приходилось проѣзжать, сгоняли все народонаселеніе смотрѣть на плѣнника. Вторая жена Пугачева, на которой онъ женился во время бунта, была объявлена свободною и сохранила даже часть добычи, данной ей мужемъ. Въ Москвѣ окованнаго заключили въ крѣпкую тюрьму, и сопровождавшіе его атаманы также были окованы и брошены въ темницу; затѣмъ судъ, назначенный особенно по этому случаю, рѣшилъ ихъ судьбу. Въ Москвѣ устроена была нарочитая эстрада для ихъ казни; на ней, какъ самъ Пугачевъ, такъ и его атаманы преданы были мучительной смерти. Ко времени казни приведены были въ Москву: отецъ, братья и первая жена Пугачева, и ихъ выставляли на видъ народу.

Съ нашей арміею соединилась въ то время 2-ая армія, въ составъ которой входилъ гусарскій бахмутскій полкъ; онъ долженъ былъ по положенію состоять изъ 3,000 человѣкъ, но былъ далеко не въ полномъ составѣ, ибо многіе солдаты пали во время войны; вслѣдствіе этого приказано было выбрать изъ нашихъ командъ Сибирскаго корпуса 1,000 человѣкъ поляковъ и зачислить ихъ въ бахмутскій полкъ, распредѣливъ по различнымъ эскадронамъ; такимъ образомъ мы перешли въ новый родъ оружія. Для зимнихъ квартиръ намъ назначена была Башкирская область, жители которой принимали дѣятельное участіе въ бунтѣ; потому намъ разрѣшено было требовать отъ башкиръ всѣхъ удобствъ, безъ всякаго къ нимъ снисхожденія; на тѣхъ-же условіяхъ и другіе полки размѣщены были въ различныхъ слободахъ, принимав-

шихъ участіе въ мятежѣ. Проживъ зиму у башкиръ, мы перешли на квартиры въ другую область, гдѣ живетъ народъ, называемый Мордвою, и здѣсь оставались до половины лѣта.

Уже прошло полтора года съ того времени, какъ наши маршалы и тѣ конфедераты, которые не были зачислены въ военную службу, были отпущены на родину послѣ замиренія Россіи съ Турціею; между тѣмъ о нашемъ увольненіи и о разрѣшеніи намъ возвратиться въ отечество не было и помину, что возбуждало въ насъ безпрерывно скорбь и побуждало насъ къ ропоту. Мы узнали, что въ Казани проживалъ еще въ то время ротмистръ Заблоцкій, ожидавшій отъ Пулавскаго присылки денегъ для уплаты долговъ послѣдняго; воспользовавшись тѣмъ, что въ Казань отправлялся поручикъ нашего полка и при немъ одинъ изъ поляковъ, я переслалъ г. Заблоцкому слѣдующее письмо: „Милостивый государь! Я приношу вамъ просьбу отъ имени всѣхъ поляковъ, которыхъ значительное число находится въ русскихъ войскахъ, о томъ, чтобы вы, возвратясь въ отечество, ходатайствовали о нашемъ освобожденіи. Обязанность эта должна лежать на совѣсти маршаловъ, но очевидно они о ней забыли, и намъ грозитъ вслѣдствіе этого пожизненный плѣнъ. Мы надѣемся, что король нашъ приметъ участіе въ нашемъ освобожденіи, если вы, милостивый государь, искренно захотите похлопотать о насъ. Въ этомъ состоитъ просьба моя и моихъ товарищей, которую и приношу вамъ вмѣстѣ съ должнымъ почтеніемъ. Карлъ Хоецкій".

Въ это именно время въ Россіи находились: генералъ земель подольскихъ, князь Адамъ Чарторыйскій и великій коронный гетманъ Браницкій, къ которымъ господинъ ротмистръ Заблоцкій писалъ, по его словамъ, еще раньше относительно нашего дѣла, Я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь! Горестное положеніе, въ которомъ вы находитесь, возбуждаетъ въ сердцѣ моемъ искреннюю грусть и сожалѣніе; я всѣми средствами старался помочь вашему горю, подавая о васъ заявленія высшимъ властямъ; я не прекращу своихъ усилій, пока не добьюсь осуществленія той цѣли, которая должна удовлетворить равнымъ образомъ меня, какъ и васъ. Несомнѣнно, что паны маршалы должны ходатайствовать о васъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, и они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ, если уклонятся отъ исполненія этой обязанности. Не теряйте надежды и бодритесь, а Го-

сподь ниспошлетъ вамъ утѣшеніе, спомоществовать которому буду всячески стараться".

Получивъ это письмо отъ пана Заблоцкаго, я утѣшалъ его содержаніемъ унылыхъ и огорченныхъ земляковъ своихъ.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась молва о томъ, что три значительныя области перешли отъ Польши во владѣніе государствъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго; мы не могли освоиться съ этимъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; вспоминая бывшія прежде несчастныя войны при Іоаннѣ Казимирѣ и другія, мы приходили въ изумленіе, почему тогда не случилось столь значительнаго ущерба для нашего государства. Но разсужденіе о причинахъ столь несчастнаго исхода я предоставлю другимъ писателямъ, имѣющимъ болѣе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и не сомнѣваюсь, что они опишутъ это достойное вѣчной печали бѣдствіе для памяти потомству.

ГЛАВА IX.

О несчастіи, постигшемъ поляковъ, находившихся въ тобольской области, и о походѣ противъ Ногайцевъ.

Излишняя жестокость судьбы, когда превышаетъ мѣру возможнаго терпѣнія, нерѣдко заставляетъ людей совершать поступки крайне дерзкіе и отчаянные. Въ подобномъ положеніи оказались поляки, находившіеся въ гарнизонахъ тобольской области; они вслѣдствіе отчаянія навлекли на себя гибель и страданія.

Хотя многіе земляки мои, бывшіе въ этихъ гарнизонахъ, погибли во время стычекъ съ Пугачевымъ, однако оставалось ихъ еще болѣе 600 человѣкъ, и всѣ они возвратились обратно въ Тобольскъ послѣ прекращенія смуты. Зная, что миръ съ Турціею былъ заключенъ, что конфедерація въ Польшѣ прекратилась и что другіе плѣнные уже давно отпущены на родину, они возмущались тѣмъ, что на нихъ мѣра эта не была распространена. Согласившись между собою, они троекратно подавали записки генералъ-губернатору, прося отпустить ихъ на родину, но прошенія эти оставлены были безъ послѣдствій. Увидѣвъ это, они выступили изъ квартиръ своихъ съ оружіемъ и со всѣми солдатскими

принадлежностями и явились на дворъ у губернаторскаго дворца; здѣсь они сложили ружья въ кучи, сбросили форменные мундиры и стали требовать, чтобы ихъ отправили на родину. Генералъ-губернаторъ былъ смущенъ этимъ поступкомъ; онъ сталъ ласково уговаривать ихъ, чтобы они взяли оружіе и мундиры и отправились въ свои казармы, утверждая, что въ виду ихъ настойчиваго желанія, на другой день утромъ имъ выданы будутъ паспорты и средства для путевыхъ издержекъ, за полученіемъ которыхъ они должны явиться. Между тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, квартировавшимъ въ Тобольскѣ, собраться до разсвѣта въ свой домъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ; сверхъ того приказано было и городскимъ жителямъ, чтобы всѣ, имѣющіе какое-бы-то ни было оружіе, являлись утромъ къ губернаторскому дому. Приказанія эти были исполнены, и нѣсколько тысячъ солдатъ и вооруженныхъ гражданъ размѣщены были въ губернаторской усадьбѣ въ ожиданіи прихода поляковъ. Когда послѣдніе собрались безоружные, они были окружены, затѣмъ вывезены были пушки и направлены на нихъ. Тогда появился верхомъ генералъ-губернаторъ; онъ долго молча ѣздилъ передъ рядами съ гнѣвнымъ и строгимъ видомъ, обдумывая дальнѣйшія распоряженія; затѣмъ, приблизившись къ полякамъ, спросилъ: кто былъ зачинщикомъ въ вчерашнемъ ихъ поступкѣ? Спрошенные долго молчали, объятые страхомъ; но когда онъ гнѣвно повторилъ вопросъ, нѣсколько человѣкъ отвѣтили, что всѣ единомышленно дали согласіе на этотъ поступокъ. Тотчасъ приказано было отдѣлить семь человѣкъ отвѣтившихъ; ихъ раздѣли, привязали къ приготовленнымъ заблаговременно колодамъ и подвергли наказанію кнутомъ по 600 ударовъ; затѣмъ имъ вырвали ноздри, выжгли на челахъ знаки на подобіе висѣлицъ и, оковавъ въ цѣпи, отправили въ вѣчную каторгу: остальныхъ также заковали и отправили въ Сургутскую провинцію въ тюремное заключеніе на продолжительный срокъ; но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ опять возвратили въ военную службу, распредѣливъ въ различные полки, въ каждый по нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ томъ-же году поляки, поступившіе добровольно въ военную службу въ Казани вмѣстѣ съ паномъ Пулавскимъ, получили паспорты для свободнаго возврата на родину.

Мы между тѣмъ, числившіеся въ бахмутскомъ гусарскомъ полку,

стояли на квартирахъ въ области, населенной мордвою, а затѣмъ, въ началѣ осени, получили приказъ отправиться на квартиры въ городъ Бахмутъ, лежащій на границахъ Новой Сербіи, гдѣ полкъ нашъ долженъ былъ стоять безотлучно. Распоряженіе это обрадовало насъ, ибо, вслѣдствіе этого передвиженія, мы должны были приблизиться къ границамъ Польши, отъ которыхъ мы находились тогда за нѣсколько сотъ миль; мы надѣялись, что изъ той мѣстности намъ легче будетъ найти возможность бѣжать на родину, въ случаѣ, если насъ не пожелаютъ отпустить добровольно. Мы выступили въ сентябрѣ и нигдѣ не останавливаясь на пути, пришли въ саратовскую провинцію, принадлежащую къ астраханской губерніи. Здѣсь мы встрѣтили на пути нѣмецкія колоніи, числомъ 13, расположенныя на берегахъ Волги. Въ каждомъ селѣ находилась католическая церковь, и потому тѣ изъ насъ, которые знали языки нѣмецкій или латинскій, имѣли возможность исповѣдываться, такъ какъ уже болѣе шести лѣтъ намъ не представлялся случай исполнить эту духовную обязанность. Въ селахъ этихъ живутъ духовные, принадлежащіе къ различнымъ монашествующимъ орденамъ, которые каждые шесть лѣтъ смѣняются новыми лицами, по назначенію папы. Въ каждомъ селѣ есть одинъ такой приходской священникъ, получающій изъ государственной казны 100 рублей жалованія, сверхъ доходовъ, которые онъ имѣетъ отъ прихожанъ. Миновавъ эти колоніи, мы продолжали идти въ Бахмутъ, котораго достигли только въ теченіи великаго поста, цѣлую почти зиму употребивъ на переходъ.

Едва мы расположились на квартирахъ, какъ многіе поляки, пользуясь относительною близостью къ границамъ своего отечества, стали дезертировать, не ожидая даже наступленія весны. Впрочемъ на квартирахъ мы оставались только около двухъ мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени полкъ нашъ получилъ приказъ выступать въ походъ противъ ногайскихъ татаръ на берега Азовскаго моря. Мы пошли по направленію къ юго-востоку, переправились черезъ рѣки Донъ и Донецъ и прибыли въ городъ Азовъ, гдѣ нашли уже въ сборѣ нѣсколько полковъ пѣшихъ и карабинерскихъ, а также нѣсколько полковъ гусарскихъ и донскихъ козаковъ. Весь отрядъ, достигавшій числомъ до 13,000 человѣкъ, находился подъ начальствомъ бригадира Бринка. Городъ Азовъ лежитъ въ пустынѣ; онъ окруженъ степью, среди которой на разстояніи

10-20 миль нѣтъ ни одного села. Степь эту населяли татаре, которые кочевали въ кибиткахъ, т. е. въ повозкахъ, покрытыхъ палатками изъ войлока; татаре эти, возмутившись противъ своего начальника Калги-Гирей-султана, признававшаго надъ собою власть Россіи, оставили свои кочевья и ушли изъ нихъ; мы должны были отправиться за ними въ погоню. Въ Азовѣ мы питались запасами муки и сухарей, но сильно страдали отъ недостатка воды; случалось намъ два дня оставаться безъ питья; ибо вода Азовскаго моря и рѣки Танаиса, омывающей городъ Азовъ, вовсе не годится для употребленія; она имѣетъ столь противный вкусъ, что даже человѣкъ, томимый самою сильною жаждою, не въ состояніи пить ее. Хотя въ окрестности Азова находится нѣсколько источниковъ хорошей воды, но мы не могли ими пользоваться, ибо къ нимъ приставленъ былъ караулъ, и вода назначалась исключительно для болѣе знатныхъ офицеровъ; источники-же эти столь скудны, что небольшіе у нихъ водоемы весьма медленно наполнялись водою.

Оставивъ въ Азовѣ всѣ багажи и захвативъ только съ собою запасъ сухарей, выданный на три дня, мы отправились въ погоню за татарами. Три татарина служили намъ проводниками и вели насъ въ теченіи пяти дней по степи, совершенно ровной и пустынной, безъ всякаго признака дороги; провіантъ нашъ совершенно истощился; наконецъ пятаго дня мы настигли татаръ; войско ихъ, числомъ въ 25,000, стояло въ строю на готовѣ, ожидая насъ, и лишь только мы стали наступать, они бросились на донскихъ козаковъ и смяли ихъ; но когда наша артиллерія и пѣхота открыли огонь, то татаре, замѣчая въ рядахъ своихъ большое опустошеніе, обратились въ бѣгство и уходили, сбившись въ густую толпу. Два наши гусарскіе полка: бахмутскій и сербскій отправлены были въ погоню за бѣгущими; мы преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани и истребили большое количество. Когда татаре стали переправляться черезъ Кубань, на выручку имъ появились закубанскіе жители, называемые черкесами; вслѣдствіе этого полки наши отступили и возвратились къ своему корпусу. Въ добычу нашему войску достался весь лагерь татарскій: дѣти ихъ, женщины и множество скота. Гусары наши во время погони также пріобрѣли значительную добычу, но не воспользовались ею, ибо послѣ возврата начальство произвело весьма строгую ревизію и отняло всю захваченную добычу. Одинъ

гусаръ сербскаго полка захватилъ у татарскаго бея 1,000 имперіаловъ, изъ-за которыхъ лишился жизни; ибо, желая скрыть свою добычу, онъ передалъ ее маркитанту, который высыпалъ золото въ бочку, наполненную водкою. Гусара подвергли допросу и, когда онъ отказался указать мѣсто, куда припряталъ деньги, его въ теченіи трехъ дней били батогами; только третьяго дня онъ сознался и указалъ мѣсто, гдѣ хранились деньги, но онъ до того измученъ былъ наказаніемъ, что четыре дня спустя умеръ.

Мы возвратились въ Азовъ, ведя множество плѣнныхъ и угнавъ значительное количество скота, которымъ мы питались на обратномъ пути. Тотчасъ послѣ возврата полкъ нашъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Бахмутъ вслѣдствіе того, что лошади наши были сильно утомлены и искалѣчены, и необходимо было перемѣнить большую часть ихъ.

Городъ Азовъ расположенъ на берегу моря или, правильнѣе, лимана; это небольшая крѣпость, окруженная валомъ и каменною стѣною; самый городъ незначителенъ и въ немъ нѣтъ выдающихся построекъ; такъ какъ онъ лежитъ среди дикой степи, то жителей въ немъ очень мало, и въ немъ живутъ почти исключительно военные. Не далеко отъ Азова есть еще другой городокъ[1]); подходя къ нему, мы замѣтили только земляные окопы, но, вступивъ внутрь укрѣпленій, мы нашли цѣлый городъ, всѣ жилища котораго были вырыты въ землѣ, такъ какъ во всей окружающей мѣстности нѣтъ никакого строеваго матеріала; здѣсь живутъ исключительно татаре, въ числѣ которыхъ много купцевъ, имѣющихъ богатые склады турецкихъ товаровъ, и особенно много предметовъ бакалейной торговли.

Мы шли въ Бахмутъ медленно и, миновавъ этотъ городъ, расположились въ Серебрянкѣ, гдѣ назначена была квартира для нашего штаба; едва мы расположили въ полѣ палатки, разсчитывая отдохнуть въ теченіи мѣсяца, какъ въ тотъ-же вечеръ полученъ былъ приказъ, предписывавшій намъ немедленно отправиться въ новый походъ; намъ

---

[1]) Этотъ, не названный авторомъ, городъ—очевидно Ростовъ на Дону, основанный въ 1761 году и носившій въ то время названіе «Крѣпости св. Димитрія Ростовскаго».

приказано было идти по направленію къ Крыму для соединенія съ арміею князя Прозоровскаго, который долженъ былъ тогда-же подойти съ другой стороны съ корпусомъ въ 13,000 человѣкъ; кажется, имѣлась вновь въ виду кампанія противъ татаръ. Такимъ образомъ, переночевавъ лишь въ Серебрянкѣ [1]) одну ночь и перемѣнивъ нѣкоторыя только, болѣе негодныя, лошади, мы отправились въ новый походъ.

Въ то время многіе поляки уже дезертировали; одни бѣжали пѣшкомъ, другіе съ лошадьми и оружіемъ, пробиваясь храбро по дорогѣ сквозь встрѣчавшіяся имъ препятствія. Нѣкоторые изъ нихъ были пойманы и подверглись жестокому наказанію, проходя сквозь строй; но примѣры эти нисколько не удерживали другихъ отъ предположеннаго бѣгства. Въ это время я состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ волохомъ, служившимъ въ одномъ со мною эскадронѣ; онъ разсказалъ мнѣ обстоятельно всѣ подробности пути къ польскимъ границамъ, утверждая, что мнѣ удобнѣе и ближе всего будетъ бѣжать, когда мы достигнемъ рѣчки, называемой Калміусъ. Затѣмъ онъ мнѣ назвалъ рѣки, черезъ которыя я долженъ буду переходить: Самару, Волчью и наконецъ Днѣпръ, черезъ который необходимо нужно будетъ переправиться; прибавилъ также, что послѣ переправы я попаду въ пустыя запорожскія степи, пройдя которыя, достигну польскихъ границъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ избѣгать по возможности путешествія днемъ и направлять путь днемъ прямо на западъ, ночью-же по направленію созвѣздія, называемаго „Квочка". Я съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ его совѣты и указанія и рѣшился дезертировать тотчасъ послѣ того, какъ мы достигнемъ береговъ Калміуса.

ГЛАВА X.

Бѣгство изъ бахмутскаго полка въ Польшу.

Поляки стали дезертировать безпрерывно; въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ бѣжало болѣе десяти человѣкъ, и на пути въ каж-

[1]) Серебрянка — село на сѣверной границѣ бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, отдѣляющаго эту губернію отъ харьковской.

дое утро не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ; я готовился также къ бѣгству, но, руководясь инструкціями, полученными отъ вышеупомянутаго волоха, я порѣшилъ не пускаться въ путь прежде, чѣмъ не достигнемъ Калміуса. Когда мы стали приближаться къ этой рѣкѣ, я поспѣшилъ окончить сборы къ путешествію: они состояли въ томъ, что я заготовилъ себѣ провіантъ на дорогу; я могъ это сдѣлать удобно, ибо мнѣ была поручена дневная раздача сухарей нашему эскадрону; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я успѣлъ отложить въ сторону 40 фунтовъ сухарей, истолоченныхъ въ порошокъ, и уложилъ этотъ запасъ въ припасенный съ этою цѣлью мѣшокъ.

Вслѣдствіе счастливой для меня случайности мы пришли на берега Калміуса въ сумерки; разсѣдлавъ лошадей, мы отправили ихъ подъ присмотромъ особой стражи на подножный кормъ. Между тѣмъ стали разбивать палатки; лагерная гауптвахта была уже устроена, но часовыхъ кругомъ лагеря не успѣли еще разставить; я схватилъ поспѣшно шинель и мѣшокъ съ сухарями и, пользуясь совершенною темнотою ночи, ускользнулъ изъ лагеря. Миновавъ оный, я сталъ быстрыми шагами удаляться въ степь, направляясь на западъ по звѣздамъ и не отдыхая въ теченіи цѣлой почти ночи; если встрѣчалась мнѣ дорога по принятому мною направленію, то я слѣдовалъ по ней, если-же дорога поворачивала въ сторону, то я оставлялъ ее, предпочитая руководиться указаніями моихъ небесныхъ путеводителей: „Квочки и Воза“ [1]). Въ исходѣ ночи я достигъ береговъ рѣки, покрытыхъ обширными зарослями камыша; я догадывался, что это должна быть рѣка Самара [2]), о которой мнѣ разсказывалъ мой пріятель волохъ. Изнуренный ходьбою, я выбралъ сухое мѣсто среди камыша для отдыха и затѣмъ отправился къ водѣ, захвативъ съ собою мѣшокъ съ сухарями. Усѣвшись на берегу, я смѣшивалъ въ ложкѣ истертые въ порошокъ сухари съ водою и подкрѣпившись этою пищею, возвратился на усмотрѣнное мѣсто, гдѣ

---

[1]) Созвѣздія: Плеяды и Большая Медвѣдица.

[2]) Догадка Хоецкаго очевидно ошибочна. Отправившись отъ Калміуса и пройдя одну ночь по направленію къ западу, онъ не могъ встрѣтить Самары, верховья которой лежатъ въ 70 верстахъ къ сѣверо-западу отъ верховьевъ Калміуса; онъ правдоподобно наткнулся на верхнее теченіе р. Волчьей или на одинъ изъ ея верхнихъ, лѣвыхъ притоковъ: Осиновую, Лозовую, Водяную или Дурную.

и улегся спать, разсчитывая на совершенную безопасность. Но едва сомкнулъ я глаза, какъ меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ, раздававшійся надъ водою. Приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться и изъ долетавшихъ до меня словъ понялъ, что люди, говорившіе вблизи, были солдаты сумскаго гусарскаго полка, который шелъ къ войску князя Прозоровскаго; полкъ этотъ остановился для ночлега на берегу той-же рѣки, у которой я улегся спать, и на разсвѣтѣ солдаты пригнали лошадей къ водопою. Со страхомъ ожидалъ я окончанія этого занятія и лишь только они удалились, я схватился, перебрелъ черезъ рѣку и удалился отъ того мѣста. Я шелъ долго, пока доставало силъ и пока не стало совершенно свѣтло; когда-же ноги совершенно отказали мнѣ въ дальнѣйшей службѣ, находясь среди обширнаго поля, густо покрытаго терновникомъ, я припалъ на колѣни и пробравшись ползкомъ, какъ можно было дальше въ терновникъ, улегся спать и проспалъ, не просыпаясь, цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи, я отправился въ дальнѣйшій путь. Ночь эту и слѣдующій день я шелъ по совершенно пустынной степи и видя, что она въ полномъ смыслѣ слова безлюдна, я смѣло, безъ всякаго опасенія, подвигался впередъ. Степь въ той странѣ представляетъ столь однообразную равнину, что на милю кругомъ можно замѣтить всякаго путника ѣдущаго или даже идущаго пѣшкомъ; притомъ я зналъ, что ни селеній, ни даже отдѣльныхъ хуторовъ тамъ вовсе не существуетъ и потому, оставивъ въ сторонѣ всякія предосторожности, я смѣло шелъ впередъ, какъ ночью, такъ и днемъ. Пятаго дня, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ вдали какое-то войско, двигавшееся сзади по одному направленію со мною; я узналъ по одеждѣ сумскій гусарскій полкъ, тотъ самый, который чуть было не захватилъ меня надъ рѣкою. Я спрятался въ сторонѣ въ высокую траву, покрывавшую степь, и выждалъ, пока полкъ не прошелъ мимо меня. Но зная, что полкъ этотъ отправляется къ войску князя Прозоровскаго, расположенному на берегу Днѣпра, и находясь въ необходимости переправиться черезъ эту рѣку, я рѣшился воспользоваться этою случайною встрѣчею. Когда полкъ прошелъ мимо меня, я отпустилъ его на полъ мили впередъ и послѣдовалъ за нимъ; такимъ образомъ полкъ этотъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Питался я все время сухарями, притомъ, по временамъ, я встрѣчалъ кусты терновника, спѣлые плоды котораго,

нѣсколько уже прибитые морозомъ, доставляли мнѣ весьма вкусную пищу. Иногда среди степи я встрѣчалъ скирды сѣна, въ которыя зарывался на ночь ради теплоты; но даже въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе значительнаго холода и недостаточно теплой одежды, я не могъ спать долѣе одного часа и потому въ теченіе каждой ночи я нѣсколько разъ ложился спать и столько-же разъ подымался и продолжалъ путь, согрѣваясь быстрымъ движеніемъ. Вообще погода не благопріятствовала моему путешествію: осень была уже поздняя и морозы и дожди, смѣняя поперемѣнно другъ друга, причиняли мнѣ большія страданія.

Я приближался уже къ рѣкѣ Волчьей [1]) и издали увидѣлъ, что предшествовавшій мнѣ полкъ остановился для ночлега на берегу рѣки, вслѣдствіе этого я долженъ былъ также остановиться на ночь. Я сталъ спускаться внизъ по теченію рѣки, высматривая мѣсто для ночлега среди густо растущихъ кустовъ лозы; вдругъ я увидѣлъ хижину, первую въ теченіи всего моего путешествія. Это былъ запорожскій хуторъ. Въ большомъ волненіи я вошелъ въ хату, гдѣ засталъ одного только человѣка, занятаго приготовленіемъ муки посредствомъ ручнаго жернова; онъ спросилъ меня: откуда я иду и зачѣмъ зашелъ въ домъ? Я отвѣтилъ, что служу въ томъ полку, который остановился не вдалекѣ оттуда на ночлегъ на берегу рѣки и просилъ его, чтобы онъ меня накормилъ. Онъ вынесъ гречневой каши съ кислымъ молокомъ и сметаною и пригласилъ меня поѣсть; такъ какъ я питался только сухарями съ водою и давно не встрѣчалъ столь роскошнаго блюда, то съ жадностью накинулся на пищу, предложенную мнѣ благодѣтельнымъ хозяиномъ. Замѣтивъ, что я быстро опорожнилъ всю миску, онъ вновь прибавилъ мнѣ каши и молока, сказавъ ласково: „кушай, прошу тебя, я вижу, что ты очень голоденъ“. Наѣвшись до сыта, я возвратилъ ему остатокъ пищи и благодарилъ его искренно отъ всего сердца. Затѣмъ сталъ я его распрашивать: давно-ли онъ живетъ въ этой мѣстности и чѣмъ

---

[1]) Вѣроятно Хоецкій, переправившись черезъ верховья Волчьей рѣки въ бахмутскомъ уѣздѣ, прошелъ степью вдоль сѣвернаго берега этой рѣки и вторично на нее наткнулся въ нынѣшнемъ александровскомъ или павлоградскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ Волчья, повернувъ у села Покровскаго къ сѣверу, течетъ въ этомъ направленіи до Павлограда. Очевидно, что эта нижняя часть рѣки пересѣкала путь, по которому Хоецкій направлялся къ западу.

снискиваетъ себѣ пропитаніе? Онъ отвѣтилъ, что живетъ не одинъ въ домѣ, что кромѣ него есть еще пять братьевъ и отецъ, но что въ настоящее время всѣ они уѣхали въ лѣсъ за хворостомъ; всѣ они были родомъ изъ окрестностей Чигирина и выселились сюда изъ польскихъ предѣловъ. Мы долго бесѣдовали; наконецъ, убѣдившись въ добродушіи своего хозяина и замѣтивъ дружелюбное его отношеніе ко мнѣ, я разсказалъ ему откровенно свое положеніе. Выслушавъ меня, онъ предложилъ мнѣ дождаться возврата его отца, который могъ мнѣ дать подробныя указанія о предстоящемъ пути къ польской границѣ.

Вскорѣ старикъ пріѣхалъ, и сынъ передалъ ему содержаніе нашей бесѣды. Старикъ нѣсколько смутился, боясь навлечь на себя бѣду, ибо, по дѣйствующимъ тамъ распоряженіямъ, онъ обязанъ былъ задержать меня. Между тѣмъ братья изготовили ужинъ и пригласили меня раздѣлить съ ними трапезу; послѣ ужина я обратился къ старику съ просьбою позволить мнѣ переночевать въ его домѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „если-бы узнали, что ты гостилъ и ночевалъ у меня, то я подлежалъ-бы равной съ тобою отвѣтственности, ибо я обязанъ отправить тебя тотчасъ къ ближайшей военной командѣ; но я не хочу обижать тебя; ступай съ Богомъ, куда судьба тебя направитъ, ночлега-же не могу тебѣ предложить ни въ какомъ случаѣ“. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ мнѣ направленіе пути, при чемъ предупредилъ меня, что у переправы чрезъ Днѣпръ, чрезъ который мнѣ необходимо переправиться, расположена лагеремъ вся дивизія князя Прозоровскаго и будетъ стоять тамъ еще цѣлый мѣсяцъ и что въ другомъ мѣстѣ я не найду не только перевоза, но и малѣйшей лодки, а потому предостерегалъ, что у перевоза мнѣ угрожаетъ большая опасность, по причинѣ расположенныхъ тамъ войскъ.

Долго я раздумывалъ о предстоящей опасности, но, наконецъ, рѣшился положиться на судьбу, или точнѣе на Провидѣніе и постановилъ храбро идти къ предположенной цѣли. Поблагодаривъ старика за оказанныя мнѣ благодѣянія, я оставилъ его домъ примѣрно въ одинадцать часовъ ночи и отправился по направленію къ мѣстечку Московкѣ [1]),

---

[1]) Московка—прежнее названіе нынѣшняго уѣзднаго города Александровска (екатеринославской губ.).

лежащему на берегу Днѣпра; до мѣстечка этого я шелъ еще пять дней. Такъ какъ я приблизился къ нему днемъ, то укрылся въ траву и ожидалъ приближенія ночи, притомъ я обращалъ вниманіе на вечерніе сигналы, раздававшіеся по лагерю, стараясь по нимъ опредѣлить расположеніе войска. Съ наступленіемъ ночи я тронулся въ путь и вскорѣ достигъ Московки. Я храбро вошелъ въ лагерь и проходилъ мимо часовыхъ, но послѣдніе или не видѣли меня, благодаря темнотѣ ночи, или-же, видя на мнѣ солдатскіе киверъ и шинель, предполагали, что я принадлежу къ числу солдатъ собравшейся арміи. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно сквозь лагерь и сталъ спускаться по другую его сторону въ долину съ цѣлью отъискать берегъ Днѣпра. Долго я не могъ найти рѣки, путаясь въ темнотѣ среди кустовъ, но, наконецъ, руководясь направленіемъ песчаныхъ розсыпей, достигъ берега и долго бродилъ вдоль него, высматривая мѣсто перевоза или стоянку лодокъ, пока наконецъ не замѣтилъ огонь, пылавшій на берегу рѣки. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ стоящіе рядомъ два парома и болѣе десяти лодокъ; на берегу сидѣли крестьяне, сторожившіе переправу по принятому тамъ обычаю. Я прилегъ къ огню, разсчитывая на то, что когда сторожа уснутъ, мнѣ удастся захватить лодку и переправиться, хотя-бы съ помощью моей дорожной палки, такъ какъ весла сторожа уложили возлѣ себя. Долго лежалъ я, вѣроятно до двухъ часовъ ночи, но ожиданіе мое было напрасно; сильный морозный вѣтеръ не только мнѣ причинялъ страданія, но не дозволялъ также уснуть и перевозчикамъ. Я наконецъ поднялся и, удалившись отъ того мѣста, сталъ быстро бѣгать для того, чтобы согрѣться, посматривая вмѣстѣ съ тѣмъ на берегъ, въ надеждѣ открыть какую-либо лодку, хотя-бы негодную. Я готовъ былъ съ крайнею даже опасностью переправиться, на чемъ попало, лишь-бы не дождаться въ томъ мѣстѣ дневнаго свѣта, ибо я полагалъ, что въ такомъ случаѣ меня непремѣнно задержатъ. Между тѣмъ, бѣгая, я истощилъ окончательно свои силы, упалъ въ кустахъ совершенно инстинктивно и немедленно уснулъ. Проснулся я только въ семь часовъ утра, вслѣдствіе того, что два солдата, пришедшіе къ берегу изъ лагеря, стали возлѣ меня рубить деревья на дрова; они разбудили меня и стали спрашивать, зачѣмъ я сплю въ этомъ мѣстѣ. Я отвѣтилъ, что посланъ былъ ночью къ мѣсту пастбища лошадей своего полка и

сбившись въ темнотѣ, долженъ былъ ночевать въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ они спросили, въ какомъ полку служу. „Въ гусарскомъ сумскомъ, отвѣтилъ я; полкъ этотъ недавно соединился съ дивизіею". „Гдѣ-же расположенъ твой полкъ?"—„На лѣвомъ флангѣ", отвѣтилъ я самоувѣренно, хотя не имѣлъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній и отвѣчалъ на угадъ; но, къ счастью, оказалось, что я угадалъ. Тогда спрашивавшіе меня солдаты сказали; „подымайся-ка скорѣе и ступай, потому что скоро уже пробьетъ восемь часовъ, и ты будешь наказанъ, если не явишься ко времени подачи рапорта". Я поблагодарилъ ихъ за то, что они разбудили меня во время, надѣлъ шинель, прихватилъ мѣшокъ съ сухарями и отправился по тропинкѣ вдоль рѣки, мимо лагеря, занимавшаго обширное пространство на взгорьи. На встрѣчу мнѣ попадались солдаты изъ полковъ пѣхотныхъ и карабинерскихъ, но никто изъ нихъ не остановилъ меня; видя на мнѣ форменную военную одежду, они меня считали товарищемъ; конечно, среди столь численнаго войска, всѣ не могутъ быть лично извѣстны другъ другу. Только тогда, когда приходилось мнѣ проходить за черту лагеря, карабинеры спросили меня, куда и зачѣмъ иду. Я отвѣтилъ, что иду къ своимъ лошадямъ, которыя пасутся въ полѣ въ той сторонѣ; меня пропустили, и такимъ образомъ я благополучно выбрался изъ лагеря, принося Господу хвалу за избавленіе меня отъ грозившей опасности.

Тѣмъ не менѣе я не зналъ, что предпринять дальше, ибо я имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что нигдѣ болѣе не найду перевоза. Въ раздумьи пошелъ я по берегу Днѣпра. Удалившись отъ лагеря болѣе, чѣмъ на полъ-мили, я увидѣлъ на рѣкѣ много плотовъ и при нихъ нѣсколько лодокъ. Я подошелъ къ бывшимъ у плотовъ крестьянамъ и попросилъ у нихъ позволенія согрѣться у огня. На вопросъ: откуда иду? я повторилъ обычное объясненіе, что иду отъ лошадей, находящихся на пастбищѣ; мнѣ повѣрили безъ труда, такъ какъ солдатскія лошади дѣйствительно паслись вблизи того мѣста; крестьяне пустили меня къ огню и пригласили отвѣдать рыбы, которую они сварили въ казанкѣ. Поѣвши рыбы, я просилъ ихъ перевезти меня на другой берегъ подъ предлогомъ, будто мнѣ нужно отправиться въ запорожскій хуторъ раздобыть нѣсколько головокъ капусты, въ которой чувствуется полный недостатокъ въ лагерѣ. Они долго отказывали мнѣ,

утверждая, что занятія ихъ не дозволяютъ имъ отлучаться; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился удовлетворить мою просьбу; тотчасъ-же я усѣлся съ нимъ въ лодку, и онъ высадилъ меня на противоположный берегъ Днѣпра.

Я безмѣрно обрадовался, совершивъ переправу, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ моего спасенія; но отъ того мѣста Днѣпра до границы польской нужно было пройти еще 20 миль. Я пустился въ путь и прошелъ еще семь дней степью. Вообще-же со времени моего бѣгства отъ Калміуса истекло уже три недѣли. Вслѣдствіе постоянной ходьбы ноги мои сильно набрякли, и я почувствовалъ страшную боль, причиняемую сапогами, которыхъ я ни разу не снималъ въ дорогѣ; однако ни снять сапогъ, ни продолжать идти было не возможно. Я сильно пріунылъ, не находя исхода изъ своего положенія, и съ крайнимъ трудомъ продолжалъ тащиться впередъ; вдругъ ночью я замѣтилъ въ степи огонь и направился къ нему. Оказалось, что тамъ устроенъ былъ шалашъ, въ которомъ жилъ старикъ, оберегавшій арбузы на разведенной вблизи бахшѣ. Я разсказалъ старику совершенно откровенно мое горестное положеніе, показалъ ему распухшія ноги, сдавленныя сапогами, и сознался ему, что дальше идти я не въ состояніи. Старикъ отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ: онъ посовѣтовалъ мнѣ распороть сапоги и замѣтивъ, что голенища были довольно мягки, предложилъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ лапти, за что я подарилъ ему головки отъ сапогъ вмѣстѣ со шпорами. Когда лапти были готовы, явилась новая трудность: ни у меня, ни у старика не оказалось портянокъ для того, чтобы предварительно завернуть въ нихъ ноги. Я помогъ этому горю, отрѣзавъ лѣвую полу отъ своей жинели и, раздѣливъ ее на двѣ части, я завернулъ въ нихъ ноги.

Къ счастью оттуда было уже довольно близко къ польской границѣ; слѣдуя указаніямъ старика, я направился къ Крылову, городу, лежащему на берегу рѣки Тясьмина. Отъискавши удобное мѣсто, я переправился въ бродъ черезъ эту рѣку и такимъ образомъ въ исходѣ 1776 года достигъ благополучно границъ своего отечества. Здѣсь, возрадовавшись достиженію своей цѣли, я вскорѣ забылъ грусть и уныніе, угнетавшія меня въ продолженіи восьми лѣтъ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ.

(Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украйною)[1].

Исторія послѣдней эпохи Запорожья только лишній разъ подтверждаетъ то извѣстное общее положеніе, что всякій предъидущій періодъ въ исторіи даннаго общества обусловливаетъ собою его послѣдующую судьбу.

Извѣстно, что послѣ полтавской битвы запорожская община, принявшая сторону Мазепы, избѣгая гнѣва царскаго, должна была переселиться въ предѣлы крымскаго ханства. Въ этой невольной отлучкѣ запорожцы пробыли ровно четверть вѣка, съ 1709 по 1734 г., когда снова возвратились въ подданство Россіи. Во время ихъ отсутствія бывшая ихъ территорія оставалась, можно сказать, въ безхозяйномъ положеніи и потому фактически открыта была для всякихъ заимокъ и колонизаціи, особенно на своихъ окраинахъ. Обстоятельства выхода и возвращенія запорожцевъ были таковы, что ни заинтересованное въ немъ правительство русское не могло налагать на нихъ какихъ либо ограниченій, ни сами запорожцы, чувствовавшіе свою вину, не могли предъявлять особыхъ претензій. Вопросъ о сохраненіи за запорожцами всѣхъ ихъ прежнихъ правъ, въ томъ числѣ и земельныхъ, былъ формулированъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Обратное переселеніе запорожцевъ являлось актомъ добровольнаго раскаянія съ одной и всемилостивѣйшаго

---

[1]) Матеріалами для настоящей статьи послужили намъ подробныя выписки, доставшіяся намъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ одного дѣла въ архивѣ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣло по заголовку названо: «Связка (бумагъ) объ отнятыхъ запорожцами у жителей изюмской провинціи земляхъ. 1773, 74 и 75 годовъ», на 319 л., № 250.—Прим. авт.

прощенія съ другой стороны,—актомъ взаимнаго примиренія, при которомъ обѣ стороны спѣшили, предавъ забвенію случившееся, оставить все statu quo ante. Запорожцы, „зъ препростого козацкого ума“, оставались при томъ убѣжденіи, что ихъ предковскія земли, купленныя кровью и укрѣпленныя за ними королевскими привилегіями, гетманскими универсалами и грамотами русскихъ царей, не могутъ быть ни отняты у нихъ, ни какъ-нибудь ограничены. Въ такомъ именно смыслѣ даны были запорожцамъ положительныя увѣренія барономъ Вейсбахомъ отъ имени русскаго правительства, какъ при самомъ ихъ возвращеніи, такъ и впослѣдствіи при заключеніи мирнаго трактата съ Турціею въ 1741 г., когда запорожцы сами подняли вопросъ о томъ, что принадлежность имъ ихъ территоріи и ея границы недостаточно опредѣлены въ трактатѣ. Иначе судило о земляхъ своихъ подданныхъ само центральное правительство, а также его крупные и мелкіе агенты и частныя лица, жившіе на всемъ протяженіи запорожскихъ границъ. Правительство озабочено было укрѣпленіемъ своихъ границъ со стороны польскихъ и татарскихъ владѣній и строило укрѣпленія, занимая подъ нихъ земли не только вдоль запорожскихъ владѣній, но и въ ихъ центрѣ, такъ какъ сами запорожцы, по учиненной ими однажды измѣнѣ, почитались не надежными. Правительственные агенты отъ генерала до поручика не только расширяли свою ревность въ исполненіи служебнаго долга на счетъ запорожскихъ земель, но одушевлялись нерѣдко колонизаторскими стремленіями, осаживали на пустыхъ запорожскихъ земляхъ слободы, населяли ихъ пришлыми людьми и получали съ нихъ доходы на правахъ помѣщиковъ. Не церемонился и простой пограничный людъ гетманщины и слобожанщины. Правительственныя и частныя заимки запорожскихъ пустошей шли можно сказать со всѣхъ сторонъ—со стороны войска Донскаго, со стороны изюмской провинціи и въ особенности со стороны польско-украинской линіи, гдѣ вслѣдъ за окончаніемъ турецкой войны огромное пространство запорожскихъ земель было занято подъ такъ называемыя новосербскія поселенія. Шли захваты, возникали споры, иногда вооруженныя схватки, сыпались жалобы, назначались коммиссіи, и взаимнымъ притязаніямъ не было конца.

Въ свою очередь Запорожье чувствовало свое крайне стѣсненное положеніе; это стало смутно пониматься и войсковой массой и

было, кажется, одной изъ причинъ необычнаго въ Запорожьи многолѣтняго атаманства П. Калнишевскаго. Подъ его управленіемъ, не смотря на постоянныя почти военныя тревоги, Кошъ обнаружилъ заботливость не только объ опредѣленіи и защитѣ границъ запорожской территоріи, но и о посильномъ, скорѣйшемъ заселеніи ея огромныхъ безлюдныхъ пространствъ. „Съ 1765 г., говоритъ авторъ „исторіи Новой Сѣчи“, начало увеличиваться семейное народонаселеніе въ Запорожьи или такъ называемое *подданство войска*, которое, по обычаю, должно было селиться въ Самарской только и Кодацкой товщахъ... Но, не помѣщаясь въ этихъ мѣстахъ, по проэкту кошеваго Петра Калнишевскаго, утвержденному *общей войсковой радой*, поселялось за Самарою, болѣе къ сѣверу, гдѣ для него отведены были земли по р. Орели до самаго сѣвернаго Донца“ [1]). Эта колонизація, кромѣ населенія почти безлюдныхъ пространствъ, имѣла еще другую, ближайшую цѣль: кошевой Калнишевскій, зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главной причиной той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казной провіанта, употреблялъ всѣ усилія на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь.

На этой разнородности стремленій правительства и хотя подвластнаго ему, но вполнѣ автономнаго Запорожья, на этой противоположности колонизаціонныхъ движеній, шедшихъ извнѣ Запорожья во внутрь его и наоборотъ, наконецъ на примѣси къ нимъ частныхъ стремленій къ захватамъ и наживѣ и возникла та многолѣтняя поземельная борьба Запорожья, которая была одною изъ главныхъ причинъ его быстрой и неожиданной кончины.

Мы хотимъ коснуться одного изъ эпизодовъ этой борьбы — на юго-восточной границѣ Запорожья, въ послѣдніе годы его существованія, и предложить нѣсколько не безъинтересныхъ о немъ свѣдѣній. Лишній разъ они удостовѣрятъ въ томъ, что въ атаманство Калнишевскаго время для добровольной, внутренной реформы запорожскаго быта уже прошло, что для подобной реформы уже не было внѣшнихъ благопріятныхъ условій, что масса препятствій къ этому лежала въ самой организаціи и нравахъ Запорожья, которое внѣ своего военнаго ремесла не хотѣло

[1]) Исторія Нов. Сѣчи. изд. 1846 г., Т. 1, стр. 53.

знать почти ничего, не ясно представляло себѣ свои политическіе идеалы и было связано съ этимъ ремесломъ болѣе органической связью, чѣмъ съ самой территоріей. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ его огибалъ и крѣпко сжималъ общій государственный строй, основанный на общемъ крѣпостномъ положеніи и слѣдовательно на полномъ почти отрицаніи свободы личной, основныя начала запорожской организаціи представляли другую крайность: полное самодержавіе беззаботной, безсемейной и малокультурной толпы, которая, не вынося надъ собой ни постоянныхъ руководителей, ни богатыхъ многолѣтнимъ политическимъ опытомъ вождей, сама была обыкновенно ниже пониманія общаго положенія вещей и поэтому неизбѣжно сдѣлалась жертвой этого непониманія. Тѣмъ не менѣе предлагаемые нами матеріалы содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія и на то, что сыпавшіяся на Запорожье обвиненія со всѣхъ сторонъ были во многомъ несправедливы и не свободны отъ личныхъ, притомъ своекорыстныхъ стремленій, и что не одно Запорожье виновно въ постигшемъ его конечномъ разореніи. Что до новаго соціальнаго строя, замѣнившаго прежніе козацкіе порядки—онъ ждетъ своей оцѣнки въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ тому эпизоду запорожской борьбы, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей на основаніи указанныхъ въ началѣ матеріаловъ.

Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, на юго-восточной границѣ Запорожья съ бывшой слободской Украйной. Споръ идетъ съ администраціей и жителями изюмской провинціи, образованной главнымъ образомъ изъ земель бывшаго изюмскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ между двумя смежными областями не только не было точной границы, но ея видимо не знало ни высшее правительство, ни мѣстная администрація, запорожцы-же утверждали, что эта граница должна проходить невдалекѣ отъ самаго Изюма, по *Касоговъ валъ.* Какъ давно возникли здѣсь земельныя правонарушенія и вызванные ими споры, неизвѣстно, но къ тому времени, котораго касаются имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, они прошли уже много степеней и достигли значительныхъ размѣровъ и взаимнаго раздраженія споривших сторонъ. Когда-то и вся Слободская Украйна была заселена и устроена на такихъ-же началахъ, какъ и Запорожье, за исключеніемъ безсемейности, но теперь отъ

прежней ея жизни не осталось и слѣда. Изъ обширной земельной ея собственности и свободной военно-служилой общины образовались земли казенныя и помѣщичьи съ безправнымъ крестьянствомъ—съ душевымъ надѣломъ и душевою-же податью. Совсѣмъ иной строй жизни былъ въ сосѣднемъ Запорожьѣ: тутъ каждый былъ лично свободенъ, тутъ и земля и житье были вольныя и не было ненавистной подушной подати. Понятно, сюда стремились закабаленные обыватели Слобожанщины, особливо пограничныхъ мѣстъ, пользуясь открытою здѣсь со стороны Запорожья колонизаціею, придвинутою къ самымъ границамъ изюмской провинціи. И такъ, кромѣ пограничныхъ земельныхъ споровъ, тутъ шла еще борьба двухъ соціальныхъ порядковъ, изъ которыхъ на сторонѣ одного была сила и власть, на сторонѣ другого внутренній соблазнъ.

Со стороны изюмской провинціи споръ съ Запорожьемъ былъ веденъ не безправнымъ крестьянствомъ, а крупными землевладѣльцами и поддерживавшею ихъ изюмскою администраціею. Захваты оспариваемыхъ Запорожьемъ земель произведены были ими, можетъ быть, и въ давнее время; но теперь *Вотчинный Департаментъ* замежевалъ эти захваты къ изюмской провинціи, а запорожцы не хотѣли уступить своей „батьківщины“ и отстаивали ее по своему. Вслѣдствіе-ли личныхъ споровъ и столкновеній, или по поводу предпринятаго въ это время *Вотчинымъ Департаментомъ* межеванія земель во всей Слобожанщинѣ, въ 1768 г. на пограничьи изюмской провинціи съ Запорожьемъ собиралась коммисія для полюбовнаго развода ихъ земель, въ которой отъ стороны запорожцевъ были полковникъ Комчакъ и старшина Андрей Порохня; но депутаты обѣихъ сторонъ не сошлись въ самыхъ основахъ „развода“. Изюмская канцелярія брала за основаніе универсалъ короля Стефана Баторія, Порохня, ссылался на универсалы Хмельницкаго и грамоту императрицы Елисаветы. Канцелярія требовала „законныхъ укрѣпленій“, вѣроятно, въ родѣ произведеннаго уже межеванія, знаки котораго были уничтожены запорожцами. Порохня утверждалъ, что самое межеваніе произвели изюмскіе старшины, подкупивъ начальствующихъ генераловъ, и что оно было направлено къ обидѣ ихъ, запорожцевъ. „Если-бы, говорилъ онъ, не межевали отъ нихъ, запорожцевъ, земли, то и они того нахальства не учинили-бы“. Канцелярія возражала, что многія спорныя дачи замежеваны за изюмскими

владѣльцами харьковскимъ межевщикомъ Вотчиннаго Департамента, „безъ всякаго отъ кого-либо спору и челобитья“, и не безъ ехидства замѣтила, что эти земли заняты уже давно, еще въ то время, когда запорожцы измѣняли русскому правительству и соединясь за одно съ татарами, непріятельски дѣйствовали противъ слободскихъ жителей“. Задѣтый за живое Порохня въ свою очередь наговорилъ разныхъ „непристойностей“ и совсѣмъ отказался отъ „полюбовнаго развода“.

Можно думать, что именно эта неудача полюбовнаго соглашенія побудила Запорожскій Кошъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію своей земельной собственности; по крайней мѣрѣ сама слободско-украинская администрація въ донесеніяхъ своихъ правительствующему сенату начало такъ называемыхъ въ семъ отношеніи „запорожскихъ своевольствъ“ относитъ къ 1769 году. Кошъ рѣшилъ не только очистить захваченныя уже у него земли, но и скорѣе населить какъ эти, такъ и другія пограничныя свои мѣста. Дѣятельнымъ выполнителемъ рѣшенія войсковой рады на обоихъ пограничьяхъ, изюмскомъ и ново-сербскомъ былъ запорожскій полковникъ Гараджа. Въ мѣстность между Изюмомъ и Торомъ (нынѣ Славянскъ), по его распоряженію, переселяются жители Запорожья даже съ Орели, а также и новые выходцы изъ Слобожанщины и Гетьманщины. Между прочимъ онъ основалъ такъ называемую *Барвинкову стѣнку* на томъ мѣстѣ, какъ утверждала изюмская канцелярія, гдѣ былъ форпостъ изюмскаго полка, и населялъ слободу Комышеваху; на его зовъ устремлялись какъ сосѣдніе помѣщичьи крестьяне, такъ и казенные войсковые обыватели. Но противъ него дружно возстали изюмская провинціальная канцелярія съ подчиненными ей коммиссарствами, помѣщики-землевладѣльцы и нѣкоторые мѣстные военачальники (напримѣръ, Тора или Славянска и Бахмута), имѣя на своей сторонѣ не только тогдашняго слободско-украинскаго губернатора Щербинина, но скоро и всемогущее вліяніе Потемкина. Гараджа твердо выполнялъ данное ему порученіе, не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Помѣщики слали непрерывныя жалобы, изюмская канцелярія тщательно отмѣчала всѣ „самовольства“ запорожцевъ, составляла имъ подробные экстракты, разсылала промеморіи и представленія, предъявляла энергическія требованія Кошу и въ концѣ концовъ доносила въ Петербургъ. Кошъ, какъ извѣстно,

никогда не отличался развитіемъ канцелярскаго дѣла,—онъ или молчалъ, или былъ крайне малорѣчивъ въ своихъ отпискахъ по этому предмету; притомъ вскорѣ началась турецкая война, въ которой запорожское войско принимало участіе, вслѣдствіе чего и самый административный центръ Запорожья—Кошъ не могъ своевременно и обстоятельно собирать и представлять доводы въ свою защиту. Это раздражало власти и плодило жалобы и нареканія. На Гараджу жаловались, что онъ и его команды „жалованныя къ г. Изюму и къ другимъ сей провинціи мѣстамъ по грамотамъ казенныхъ войсковыхъ обывателей и владѣльцевъ, состоящія за р. Донцомъ отъ крымской стороны въ разныхъ урочищахъ, очищенные здѣшними жителями отъ прежнихъ непріятельскихъ набѣговъ... земли и всякія угодія отымаютъ, къ снятію насѣяннаго на той землѣ хлѣба и къ косьбѣ сѣна не допущаютъ, ѣздя вооруженною рукою, въ немаломъ числѣ людей, обывателей, сгоняя изъ населенныхъ ими въ давнихъ годахъ хуторовъ, бьютъ, грабятъ, и на той ихъ землѣ цѣлыми слободами населяютъ, принимая въ уваженіе бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ и большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, никакого государственнаго дохода не платятъ“.

Эта жалоба изюмскихъ „владѣльцевъ“ и составила сущность того „доношенія“, которое послано было въ правительствующій сенатъ отъ изюмской провинціальной канцеляріи въ декабрѣ 1772 г., за подписью изюмскаго воеводы Бавыкина. Воевода объяснялъ, что поводомъ къ „самовольству“ полковника Гараджи и его „подкомендныхъ“ послужило будто-бы выселеніе въ 1769 г., по распоряженію начальства, вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ, казенныхъ обывателей изюмскихъ, торскихъ, спѣваковскихъ и заводскихъ казенныхъ изъ ихъ хуторовъ въ болѣе прикрытыя отъ непріятеля мѣста, что Гараджа захватилъ оставленныя временно мѣста и сталъ заселять ихъ и не допускать къ пользованію ими ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Воевода отвергалъ теперь тотъ самый универсалъ короля Баторія, на который прежде ссылалась пограничная коммисія 1768 г., утверждалъ, что запорожцы своихъ претензій „никакими своими вымыслами доказать не могутъ“, потому будто-бы, что „отъ Изюма до Коша запорожскаго разстоянія будетъ болѣе 500 верстъ“, обвинялъ ихъ даже въ неисполненіи ими манифеста 19 сентября 1765 г.,

хотя этотъ манифестъ былъ тутъ совсѣмъ ни при чемъ, такъ какъ онъ касался Слободской Украйны, воспрещалъ здѣсь мѣстные захваты въ сферѣ частнаго земельнаго владѣнія и не касался нарушеній какихъ либо областныхъ границъ. Аргументація воеводы была очень слаба, тѣмъ не менѣе онъ настоятельно просилъ у сената, чтобы спорныя земли остались за изюмцами, а бѣжавшіе отъ владѣльцевъ подданные и казенные обыватели, коими запорожцы населяютъ свои слободы, были возвращены на свои прежнія мѣста и впредь отнюдь не были-бы ими принимаемы. Эти послѣднія строки, а равно указаніе воеводы на то, что полковникъ Гараджа сводитъ подданныхъ и даже должниковъ изюмскихъ землевладѣльцевъ въ свои запорожскія слободы, главнымъ образомъ въ Комышеваху, гдѣ нѣтъ *подушнаго оклада*, обличали безсиліе администраціи и язву того соціальнаго строя, который она съ такимъ усердіемъ насаждала и отъ котораго закабаляемый народъ бѣжалъ, куда только могъ, а преимущественно въ Запорожье.

Изъ многочисленныхъ жалобъ на запорожцевъ, которыя изюмская провинціальная канцелярія разсылала прежде сего разнымъ властямъ, видно, что какъ военныя изюмскія власти, такъ и сами землевладѣльцы силою отражали такъ называемыя ими „разбойническія партіи“ запорожцевъ, что для поимки ихъ снаряжались помѣщиками особыя экспедиціи, вступавшія съ запорожцами въ кровопролитныя схватки, и что въ одной изъ нихъ былъ убитъ помѣщикъ Сошальскій.

Губернская слободско-украинская канцелярія, отправляя въ сенатъ упомянутое доношеніе изюмской канцеляріи, вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію онаго сообщила (26 апр. 1773 г.) слободско-украинскому губернатору Е. А. Щербинину особою „меморіею“, прося и его содѣйствія къ защитѣ изюмскихъ обывателей отъ насилій запорожцевъ. Здѣсь она силится стать на почву права историческаго, ссылается на двѣ жалованныя царскія грамоты, изъ которыхъ одною (7190 г. февраля 17) изюмскому полковнику Григорію Донцу повелѣно призывать въ эту мѣстность на вѣчное житье черкасъ... „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть по отводу генерала и воеводы *Касогова*[1]), промежъ собою, по раздѣлу“...,

[1]) Отсюда, вѣроятно, и *Касоговъ валъ*, на который, какъ на границу своихъ земель, указывали запорожцы.

а другою (7194 г. ноября...) предоставлялось „черкасскимъ полковникамъ, полковымъ ихъ урядникамъ, козакамъ и мѣщанамъ... кто гдѣ живетъ, вотчинами и землями... и всякими угодьи владѣть по прежнему, по ихъ черкасскимъ обыклостямъ, *вѣчно* и *безоброчно*“..., но обходитъ при этомъ существенный вопросъ о границахъ, а вмѣсто того повторяетъ уже извѣстныя намъ жалобы на запорожскаго полковника Гараджу, что онъ на земляхъ изюмскихъ жителей селитъ „цѣлыми слободами“ пришлыхъ людей, „принимая въ оныя бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ, а большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, *никакого государственнаго дохода не платятъ*“... Достойно вниманія въ этой „меморіи“ упоминаніе о томъ, что на „своевольства“ запорожцевъ посылались жалобы не только въ Запорожскій Кошъ, но также и предводителю второй арміи князю Вас. Мих. Долгорукову и даже въ малороссійскую коллегію, равно, что изюмская провинціальная канцелярія ходатайствовала о томъ, „чтобы запорожцы въ жилища изюмской провинціи для подговору подданныхъ къ побѣгу въ ихъ кочевища не пріѣзжали“... Въ числѣ помѣщиковъ, которые испытывали притѣсненія отъ запорожцевъ, чаще другихъ упоминаются: бывшій изюмскій (послѣдній) полковникъ Краснокутскій, потомки главнаго колонизатора изюмской сотни Донцы-Захаржевскіе, Капустянскіе, Двигубскіе, Рудневы и другіе.

Жалобы на запорожцевъ были энергично поддержаны губернаторомъ Щербининымъ, который и самъ уже былъ значительнымъ землевладѣльцемъ въ своей губерніи и котораго какой-то подданный (по донесенію изюмскаго воеводы) также былъ „ограбленъ“ запорожцами. Въ своемъ донесеніи сенату 29 апрѣля 1773 г. онъ заявляетъ, что *своеволіе* и насилія запорожцевъ привели пограничныхъ жителей изюмской провинціи въ такое бѣдственное состояніе, что „многіе изъ нихъ не только не въ состояніи заплатить въ казну государственныхъ поборовъ, но и себя съ своимъ семействомъ пропитать не могутъ“... и что „лишившись собственнаго имѣнія и безопасности, они принуждены будутъ разойтись“... Изобразивъ самыми рѣзкими чертами „своевольные“ поступки запорожцевъ, сдѣлавъ ссылки на жалованныя изюмцамъ грамоты и протолковавъ по своему универсалъ Хмельницкаго относительно запорожскихъ гра-

ницъ по рр. Самарѣ и Орели, а отъ Самары прямо на Донъ". Щербининъ въ заключеніе говоритъ, что хотя всѣ эти наглости запорожцевъ, „особливо въ такое критическое время", требуютъ самыхъ строжайшихъ изслѣдованій; „но какъ *сей родъ развращенный* людей на сіе время по пограничностя требуетъ нѣкотораго послабленія", то можно де ограничиться тѣмъ, чтобы предложить запорожцамъ возвратить изюмской провинціи всѣ спорныя земли, съ обѣщаніемъ разобрать этотъ споръ „законнымъ порядкомъ".

Какъ ни мрачно изображались дѣйствія запорожцевъ въ указанныхъ жалобахъ и донесеніяхъ, на самомъ дѣлѣ едва-ли имъ принадлежалъ во всей этой исторіи починъ и главная вина. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ, въ которомъ правда могла быть и на сторонѣ запорожцевъ, достаточно вспомнить, что всѣ жалобы начало насильственныхъ дѣйствій запорожцевъ относятъ къ 1769 г., а поводъ къ нимъ видятъ въ очищеніи пограничныхъ изюмскихъ земель отъ населенія въ виду набѣговъ татарскихъ, хотя, вѣрнѣе, онъ заключался въ безуспѣшномъ дѣйствіи „полюбовнаго развода" и предшествовавшемъ ему замежеваніи земель, которыя запорожцы считали своими. Запорожцы, слѣд., заняли земли пустыя; они заселяли ихъ въ виду непріятеля, изюмскіе-же помѣщики накинулись на эти земли не только, когда опасность миновала, но и когда тамъ были уже запорожскія поселенія. Поэтому починъ насильственныхъ дѣйствій противъ существующаго поселенія скорѣе принадлежалъ имъ, запорожцы-же только отстаивали свои поселки и не допускали изюмцевъ пользоваться занятыми ими землями. Что до возврата этихъ земель, въ ожиданіи разбора дѣла „законнымъ порядкомъ", то запорожцы могли отвѣчать своимъ противникамъ тѣмъ-же, хотя видимо предпочитали слѣдовать мудрому изреченію: *beati possidetis*. Кто знаетъ, какъ отвѣтилъ-бы на принесенныя теперь на запорожцевъ жалобы сенатъ, который не разъ принималъ ихъ сторону, если-бы въ то же время не произошли еще болѣе крупныя столкновенія запорожцевъ съ мѣстными властями и жителями на другомъ концѣ Запорожья, за Днѣпромъ, изъ-за отнятыхъ у нихъ земель подъ елисаветинскую или ново-сербскую провинцію. Тамъ дѣйствовалъ тотъ-же полковникъ Гараджа съ писаремъ Роменскимъ, не менѣе энергично и простодушно выполняя рѣшеніе рады войсковой.

По словамъ сенатскаго указа, отъ 5 авг. 1773 г., тамъ „въ новороссійской губерніи, въ елисаветградской провинціи, со стороны войска запорожскаго чинились превеликія жителямъ притѣсненія самовольнымъ набѣгомъ не малыхъ шаекъ вооруженныхъ людей, а паче что подъ видомъ недавно будто туда перешедшихъ запорожцевъ насильственно забираютъ и увозятъ оттуда безъ разбору почти всѣхъ поселянъ, старожиловъ и самихъ отправляющихъ пикинерную службу съ ихъ семействомъ и имуществомъ, угрожывая притомъ нѣкоторыя мѣста и вовсе разорить"; кромѣ того, какъ значилось въ томъ-же указѣ, „войско запорожское самовольно не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строющейся по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ *днѣпровской линіи*, зарытаго въ землѣ еще въ прежнія времена татарами, по близости сей линіи, сжоного кирпича, тесанаго плитнаго камня и извести". Сенатъ умалчивалъ „о разныхъ тамошнихъ, воинскимъ командамъ показуемыхъ, озлобленіяхъ и разныхъ другихъ своевольныхъ, наглыхъ и дерзкихъ поступкахъ"; онъ „отнюдь подумать не могъ, чтобы вышеизображенныя продерзости съ вѣдома и согласія войска запорожскаго происходили", но предполагалъ, что „единственно можетъ быть помянутый Гараджа и другіе подобные ему необузданные своевольники въ томъ виновны". Но едва сенатъ отправилъ по жалобамъ новороссійскихъ властей указъ, которымъ, призывая запорожцевъ къ порядку, обѣщалъ сдѣлать имъ удовлетвореніе за взятыя у нихъ подъ новороссійскую губернію земли, по минованіи военныхъ обстоятельствъ и доставленіи запорожцами надлежащихъ на тѣ земли документовъ, какъ получилось донесеніе Щербинина о „самовольствахъ" запорожцевъ въ изюмской провинціи. Оно было представлено на высочайшее усмотрѣніе и затѣмъ сенатъ въ указѣ 20 авг. того-же года между прочимъ писалъ: „понеже сіи неустройства, нарушающія общую въ имперіи нашей тишину и спокойствіе, ни въ какое время терпимы быть не могутъ, то для сего по указу нашего императорскаго величества нашъ сенатъ сею нашею *императорскою грамотою* всему войску запорожскому низовому накрѣпко повелѣваетъ: 1) тотъ часъ по полученіи сея грамоты вышеименованнаго Гараджу со всѣми его соучастниками и со всею при нихъ находящеюся и во зло употребляемою воинскою командою въ Кошъ забрать и немедленно изслѣдовавъ, по чьему

онъ приказу, или самъ своимъ злонравіемъ на такую непростительную дерзость поступилъ, учинить ему и другимъ его въ томъ сообщникамъ, по мѣрѣ сей ихъ вины и преступленія, публичное по законамъ наказаніе; 2) забранныхъ имъ и другими такими-жъ своевольниками изъ изюмской и елисаветградской провинцій людей, скотъ и хлѣбъ немедленно возвратить, тако-жъ и за прочія причиненныя разоренія и убытки справедливое удовлетвореніе сдѣлать; 3) вышеозначенные на построеніе днѣпровской линіи потребные матеріалы отыскивать и брать отнюдь ни подъ какимъ образомъ не мѣшать... и, наконецъ, 4) всему войску запорожскому наистрожайше приказать и накрѣпко за ними смотрѣть, чтобы отнынѣ впредь никто не отваживался никакихъ дальныхъ своевольствъ, а того меньше наглостей и разореній ни въ которую сторону изъ сосѣднихъ губерній чинить, но паче спокойно-бы ожидалъ разсмотрѣнія происходящихъ о обоюдныхъ земляхъ споровъ и надлежащаго по тому каждой сторонѣ по справедливости удовольствія, какъ уже о томъ войску запорожскому и предъ симъ чрезъ малороссійскую коллегію (отъ 16 числа минувшаго іюля) пространнѣе знать дано; въ прочемъ уповаемъ, что войско запорожское низовое вышеизображенное повелѣніе во всѣхъ его частяхъ съ должнымъ вѣрнымъ подданнымъ повиновеніемъ и точностію, какъ нынѣ немедленно исполнитъ, такъ и впредь исполнять не преминутъ, тѣмъ наипаче, что на противный тому и хотя отнюдь неожидаемый случай чрезъ сіе-жъ объявляется, что войско запорожское неизбѣжно восчувствуетъ вся тягость монаршаго нашего гнѣва“. Въ заключеніе монаршая грамота, хотя уже безъ обвиненій, вспоминаетъ и другую сторону въ спорѣ: „а дабы между тѣмъ и отъ жителей, какъ обоихъ вышепоказанныхъ губерній, такъ и отъ воинскихъ чиновъ днѣпровой линіи никакого повода къ дальнимъ распрямъ съ войскомъ запорожскимъ подавано не было, но паче равномѣрно-жъ и изъ нихъ каждая сторона помянутаго о земляхъ разсмотрѣнія терпѣливо ожидала, о томъ къ главнымъ ихъ начальникамъ указы изъ сената послать: въ слѣдствіе чего оные въ равной съ симъ силѣ въ военную и малороссійскую коллегіи, и къ кіевскому генералъ-губернатору (Воейкову) чрезъ нарочнаго курьера и посылаются. Августа 20 дня. 1773 г.“.

Сенатскій указъ не могъ не порадовать изюмскія власти; Щербининъ предписалъ слободско-украинской губернской канцеляріи немедленно отправить нарочнаго курьера въ Запорожскій Кошъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ кіевскому губернатору, чтобы и онъ съ своей стороны понудилъ запорожское войско немедленно исполнить сенатскій указъ.

Но Кошъ, какъ видно, судилъ о дѣлѣ по своему и собирался съ отвѣтомъ. Въ началѣ 1774 г. Щербининъ писалъ Кошевому атаману въ томъ смыслѣ, что даже и посланная въ Запорожье грамота не помогла, что запорожцы не только не возвратили спорныхъ земель и заграбленныхъ пожитковъ, „но еще сверхъ того вновь они и ихъ поселяне слободы Комышевахи безпрестанно большими партіями уѣзжаютъ въ лѣса войсковыхъ слободъ (изюмской провинціи) Спиваковки и Завода и рубятъ безъ пощады, также и по хуторамъ отбираютъ огорожи и не допускаютъ къ рыболовлямъ“...

Изъ „дѣла“ не видно, былъ-ли дѣйствительно Гараджа неутомимъ въ своей дѣятельности по части охраненія и заселенія спорныхъ земель, или-же на него уже по привычкѣ обрушивались всѣ жалобы пограничныхъ русскихъ властей. Какъ-бы то ни было, но еще ранней весной, отъ 4 апрѣля, изюмская канцелярія опять жаловалась Щербинину на запорожскія своевольства: отнятіе ярмъ, топоровъ, нѣсколькихъ десятковъ пчелиныхъ ульевъ и т. п. Въ рапортѣ слободско-украинской губернской канцеляріи Щербинину отъ 26 іюня 1774 г. говорится, что на ходатайство у кіевскаго генералъ-губернатора относительно „неослабнаго понужденія“ запорожцевъ исполнить сенатскій указъ, кіевскій администраторъ отвѣчалъ, что „и новороссійской губерніи жителямъ елисаветградской и екатерининской провинцій отъ стороны запорожской очень много причинено обидъ и разореній“, но что больше писать ему въ Кошъ „было-бы безплодно“, ибо изъ Коша „никакихъ удовольствій не воспослѣдовало“, и что потому и слободско-украинской канцеляріи лучше обратиться съ жалобою на запорожцевъ къ главнокомандующему второй арміей князю Вас. Мих. Долгорукову, „у котораго нынѣ и войско запорожское, *находясь въ походѣ*, въ дѣйствительномъ вѣдомствѣ состоитъ“...

Что запорожское войско было въ то время занято войной, объ этомъ не могла не знать и сама изюмская администрацiя, ибо, какъ видно изъ этого-жъ рапорта, самъ Кошъ извѣщалъ ее, что полученную отъ нея промеморiю отправлено „главному командиру господину кошевому Калнишевскому въ походъ къ подлежащему“...; но слободская администрацiя неотступно требовала, чтобы „Кошъ благоволилъ“ сдѣлать немедленное „удовольствiе“ за всѣ обиды „полковника Гараджи съ товарищами“ и объ исполненiи этихъ требованiй „благоволилъ-бы... губернскую канцелярiю увѣдомить“.

Такая усиленная канцелярская дѣятельность слободской администрацiи длилась почти весь 1774 годъ: кромѣ многократнаго, утомительнаго повторенiя старыхъ „наглостей“ понемгогу прибавлялись новыя: то жители запорожскихъ слободъ рубили лѣсъ, который самовольно считали своимъ, то оказывался обиженнымъ какой нибудь пасѣчникъ на пасѣкѣ, принадлежащей какому нибудь изюмскому помѣщику, то запорожское населенiе, „прiѣзжая многимъ числомъ съ подводами въ хутора (на спорныхъ земляхъ), огорожу разламываютъ и, забирая, возятъ въ Комышеваху“.

Обо всемъ этомъ доносилъ Щербининъ сенату и писалъ въ прiятельскомъ тонѣ къ Калнишевскому, „усугубляя предъ ними свою просьбу“ усмирить своевольниковъ запорожцевъ.

Запорожье все это время, повидимому, упорно молчало: только въ iюлѣ 1774 г., при письмѣ одного подначальнаго изюмскаго чиновника на имя Щербинина была прислана копiя отвѣта запорожскаго Коша на грамоту изъ сената, по всей вѣроятности, секретно добытая услужливымъ или исполнительнымъ чиновникомъ. Копiя эта не помѣчена никакимъ числомъ, на ней нѣтъ притомъ никакой подписи, но тѣмъ не менѣе, судя по содержанiю и языку, это несомнѣнно отвѣтъ, который въ такой или иной редакцiи былъ посланъ запорожцами въ сенатъ. Онъ содержитъ въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ намъ фактическихъ данныхъ, которыя въ значительной степени разъясняютъ другую сторону спорнаго вопроса, а потому, не смотря на свою краткость и малограмотность, заслуживаетъ полнаго вниманiя. Существенныя мѣста этого отвѣта мы приводимъ въ подлинникѣ, такъ какъ, по крайнему лаконизму своего изложенiя, онъ не поддается сокращенiямъ: „Въ правительствующiй сенатъ, отъ войска запорожскаго низоваго.—Въ прошенiи, посланномъ

1773 г., октября 3 дня, сказано: 1) что полковникъ Гараджа и писарь Роменскій причинили-ль изюмской провинціи людемъ раззоренія, совсѣмъ здѣсь не предвидится, а что той провинціи люде на запорожскихъ земляхъ выселився корыстуются и утѣсняютъ войско, то хотя нѣкоторыхъ той провинціи людей и изводитъ ихъ жилищами на принадлежащіе изюмской провинціи земли, но изъ земель запорожскихъ таковихъ, каковы войска запорожскаго владѣнію принадлежать, при такомъ сводѣ ни каковихъ озорничествъ и угону скота, также забору хлѣба и прочого не чинитъ; 2) что новороссійской губерніи, елисаветградской провинціи жителямъ никакова притесненія не дѣлается, и чтобъ въ мѣсто запорожцовъ насильно забирали и увозили старожиловъ и пикинеръ, и того нѣтъ, а хотя въ правительствующій сенатъ и представлено, но чаятельно для одного закривательства тамошними командирамя и не выпуску съ ихъ слободъ запорожскихъ козаковъ, той елисаветградской провинціи въ слободахъ пребивающихъ, коихъ по ордерамъ главнокомандующихъ второй арміи выслать велено, а чтобы угроживали нѣкоторыя мѣста елисаветградской провинціи разорить, то и то представляется на единое только войска опороченіе, проискивая разнихъ способовъ, какими бъ лучше можно изыскать средства имѣть покорыстованіе тамошнимъ командамъ запорожскими землями, якожъ многіе чины, какъ то кіевскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Воейковъ, полковникъ Звѣревъ и прочіе чины, имѣючи свои на запорожскихъ земляхъ населившіись слободы, сильніе уже прилагаютъ старанія, дабы, какъ можно, запорожскіе земли тѣми слободами захвативши, користоваться, и наводятъ чрезъ то разния въ представленіяхъ своихъ на войско опороченія; запорожскому жъ войску тѣхъ поселившихся на запорожской землѣ слободъ раззорять вовси причины нѣтъ, ибо какъ земля запорожская, такъ и поселенцы владѣнію запорожскому принадлежать конечно будутъ, какой земли возврату по взнесеннымъ къ ея императорскому величеству отъ войска запорожскаго прошеніямъ всеподданнѣйше ожидается, съ тою надеждою, что вся земля, на которой нынѣ елисаветградская провинція пребиваетъ, какъ тая точно по указу... императрицы Елисаветы Петровны отъ устья Тясмина, отъ польской границы на сорокъ верстъ, къ Новой Сербіи и къ тому, что теперь пикиперы, полку взята, и то мѣсто названо елисаветградской провинціей, такъ и тая, что крѣпости

святыя Елисаветы и прочіе командиры насильнимъ, самовольнымъ образомъ захватили, какъ до сего размира, такъ и въ оной гораздо болѣе двухсотъ верстъ, и чинятъ виселенія, употребляя оные въ свою пользу, а запорожскихъ козаковъ не только на своихъ земляхъ селится не допускаютъ, но и згоняютъ прочь, также и всѣ отшедшіе земли съ поселеніями сего лѣта возвратятся, ибо доколь симъ отъ ея императорскаго величества помилованіемъ то войско успокоени не будутъ, дотоль единые только правительствующему сенату затрудненія, а на войско опороченія слѣдовать могутъ, якожъ тѣ командиры, которые имѣютъ на запорожскихъ земляхъ свои слободы, разныя наводятъ принужденія чинить на войско запорожское, называя въ своихъ представленіяхъ запорожское войско самовольниками и озорниками, но какъ правительствующій сенатъ благоразсмотрѣть соизволитъ, тѣ ли нарушители общему покою самовольники, озорники и раззорители, кои своего собственнаго ищутъ и отвращаютъ отъ насильственнаго сторонними завладѣнія, или тѣ, кои чужое добро насильственною рукою и почти грабежемъ забрали и отбираютъ, а какъ отъ ея императорскаго величества матернее соизволеніе есть, дабы всѣ ея вѣрноподданные оставались при спокойствіи и благоденствіи, съ присылаемыхъ же туда командировъ нѣкоторые, подъ разными образы, на чужія добра завидуя, всѣ мѣры употребляютъ, не для пользы общей, но ради возмущенія отечества, разние дѣлать *прожекты*, и таковыми своими прожектами дѣлаютъ неустройства и наводятъ обиды, якожъ и тому войску, что земли тѣ, съ которыми пришли подъ державу всероссійскаго престола, по указу и самовольно безъ указу отбираются во многихъ мѣстахъ, какъ то нынѣ называющаясь елисаветградская провинція на запорожской землѣ оселена, изюмской провинціи и прочіе люди покушаются корыстоваться, а до того еще при разграниченіи съ поляками и турками не мало земли з селами и мѣстечками и въ другіе мѣста отойшло, *которая обида хотя и сносится, но токмо з сылною горестию*, оныхъ же отшедшихъ изъ подвладѣнія ихъ земель, какъ они ими заслужены кровию, и нынѣ за оную, за вѣру и за отечество кровъ проливаютъ, уступить на дальшее сторонними владеніе нѣтъ способа, а желательно правостию, дабы земли ихъ оставались на всегда въ ихъ владѣніи, что и уповаютъ на правосудіе ея императорстаго величества, 3) что якобы войско за-

порожское не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строющейся днѣпровской линіи, зарытаго въ землѣ зженаго кирпича, тесаного плитнаго камня и извѣсти, то сіе правительствующему сенату представлено не точностію, ибо о томъ кирпичѣ и о прочемъ нѣсть теперъ, что есть владѣнія запорожскаго въ землѣ закрыто, извѣстно, что все хранилось до надобнаго времени къ построенію церкви, какъ Сечъ перейдетъ въ Никитино, но что Сечъ, за полученіемъ резолюціи и по причинѣ нынѣшняго розмира, переходомъ своимъ осталась, потому и тое все закрытое пребывало въ своихъ мѣстахъ, и хотя г-ну генералъ-маіору Черткову на его письмо и отвѣтствовано, а притомъ и прошено, дабы не брато было, точію прозба войсковая осталась безъ дѣйства, и не только къ днѣпровской линіи, но и въ Кременчукъ каменья и прочее вожено безъ препятствія; 4) что хотя вышеупомянутою грамотою и повелѣвается спокойно ожидать разсмотренія происходящихъ о земляхъ споровъ и надлежащаго по тому кождой сторонѣ справедливого удовольствія, но какъ прежде состоявшуюся за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ грамоту, коей повелѣно оставить земли до спокойныхъ временъ отъ новороссійской губерніи, презрено и начато на запорожскихъ земляхъ полковникомъ Звѣревымъ и прочими населять слободы, а дабы имъ тое чинить было повольно и захвачивать земли еще вящше можно, вышли съ пушками военныя команды регулярные и нерегулярные, какъ противу непріятелей, при коемъ случаѣ еслибъ таковы-жъ неистовства, безчеловѣчія и непріятельскія поступки и отъ войска запорожского происходили, то-бъ не иное что сбылось, какъ междоусобіе, но войско не самовольники и не нарушители общаго покоя, не дѣлая междоусобия, хотябъ и довелось своего собственнаго защищать, сносить терпеливо, и какъ елисаветградская провинція вся оселена на запорожскихъ земляхъ, то при всемъ томъ просятъ земли войска запорожского низового—тѣ, гдѣ нынѣ елисаветградская провинція и другіе, не подъ владѣніемъ войска запорожского низового имѣются, съ поселеніями, и всѣ отшедшія съ-подъ владѣнія того войска земли въ спокойное при ихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ владѣніе возвратить повелѣть, и тимъ войско запорожское низовое грамотою не оставить, а кому надлежитъ указами предложить“.

Какъ воспользовался Щербининъ добытою копіею запорожскаго отвѣта,—остается неизвѣстнымъ. Слѣдующій въ нашемъ „дѣлѣ“ документъ показываетъ, что, въ связи-ли съ этимъ обстоятельствомъ, или помимо онаго, но вскорѣ послѣ сего, Щербининъ отправлялъ въ Кошъ нарочнаго съ порученіемъ добиться отъ него исполненія по сенатскому указу, или какого-либо отвѣта по прежнимъ письмамъ. Отправленъ былъ оберъ-офицеръ на счетъ курьерской суммы „изъ подушнаго сбору, собираемаго съ черкасъ“; ему выдали 40 р. прогонныхъ на двѣ лошади. Привезъ онъ слѣдующее „сообщеніе“ изъ Запорожья, помѣченное 12 августа 1774 г. (№ 939): „Высокородній и превосходительнѣйшій господинъ генералъ-поручикъ, лейбъ гвардіи премьеръ маіоръ и кавалеръ, Евдокимъ Алексѣевичъ, благопріятный государь нашъ! Вашего превосходительства писаніе о обидахъ, будто войска запорожского отъ господина полковника Гараджи послѣдовавшихъ, получено; и какъ они къ разбирательству относительны, войско-жъ Запорожское Низовое на службѣ Ея императорскаго величества нынѣ, какъ и до сего, остается и не имѣетъ возможности, то въ достиженіе таковой пріймется ко учиненію того, что надлежить; чтожь обявленній полковникъ Гараджа и старшина полковій Роменскій представляють, яко изюмскіе и протчія той провинціи обиватели нѣкоторіе нынѣ самовольнымъ образомъ въ запорожскіе земли влазятъ къ прокористованию, а другіе не отъ-теперь влѣзши користуются и владѣють, сойтить-же по многимъ ихъ полковника Гараджи и старшины Роменского снисходительнымъ объявленіямъ не хотятъ, то хотя тѣхъ самовольно въ чужое влазящихъ свести, а противящихся и насильно выселить, строжайше отъ войска полковнику и старшинѣ предложено, однакъ и ваше превосходительство благоволите по подчиненности вашего превосходительства, кому надлежить, учинить притвержденіе, въ запорожскія земли къ прокористованію и завладѣнію не уѣздить, а влѣзшимъ сойти. Вашего превосходительства, благопріятнаго государя нашего, покорнѣйшіе слуги атаманъ Кошовій Петръ Калнишевскій, войсковая старшина и товариство“.

Щербининъ отъ 22 октября отвѣчалъ въ тонѣ запорожскаго сообщенія, не безъ нѣкоторой сдержанной ироніи. Письмо начиналось такимъ обращеніемъ: „Высокопочтенніи и знаменитые господинъ войска запорожскаго атаманъ, войсковая старшина и то-

вариство—мои пріятели!“ Въ письмѣ Щербининъ, повторяя сущность своего прежняго требованія относительно прекращенія насилій, причиняемыхъ Гараджою и его подкомандными изюмскимъ жителямъ, выражаетъ удивленіе по поводу хитраго отвѣта Коша, заявляющаго, что войско запорожское, отвлеченное войною, не имѣетъ будто-бы возможности приступить къ разбирательству по жалобамъ, и въ тоже время дающаго Гараджѣ и старшинамъ строжайшее повелѣніе насильно удалить жителей изюмской провинціи, поселившихся на мѣстахъ, якобы принадлежащихъ тому войску,—стоитъ на томъ, что „изюмскіе жители никогда въ земли того войска своею усилностію не поступали“, требуетъ возврата заграбленнаго и въ заключеніе предлагаетъ Кошу прислать отъ себя депутатовъ „къ общему разрѣшенію происходящихъ съ обоихъ сторонъ несогласій“.

При тогдашнихъ сообщеніяхъ отвѣты получались не скоро и Щербининъ только къ Рождеству дождался отвѣта отъ Калнишевскаго, который кратко объяснялъ, что въ зимнее время неудобно посылать депутатовъ для опредѣленія границы, а въ заключеніе повторялъ еще разъ тщетное требованіе, чтобы изюмскіе жители сошли съ запорожскихъ земель. И такъ здѣсь обѣ стороны оставались при своемъ, не дѣлая никакихъ уступокъ.

На днѣпровской линіи, въ елисаветградской провинціи дѣло стояло не лучше. Полковникъ Звѣревъ въ іюлѣ 1774 г. писалъ Щербинину, что хотя, по повелительному ордеру князя Вас. Мих. Долгорукова, запорожскіе козаки сперва и возвратили было „забранной з ротъ волоской народъ, изъ моихъ слободъ людей, а послѣ сего... опять роты згоняютъ з земель, а подданнихъ моихъ совсѣмъ забѣраютъ“... „Итакъ я, заключалъ Звѣревъ, не могу вашему высокопревосходительству нажаловаться, сколько мнѣ запорожцы приключаютъ разореній, и не знаю, что уже дѣлать“... Полковникъ Звѣревъ не былъ однако такимъ угнетеннымъ, какимъ кажетъ себя въ этомъ письмѣ. Это былъ основатель и устроитель молдавскаго гусарскаго полка. Устраивая полкъ, онъ и себя не забывалъ и вмѣстѣ съ полкомъ осаживалъ и собственныя слободы на запорожскихъ земляхъ. Жалуясь такъ горько на запорожцевъ, онъ въ то-же время простиралъ далѣе свои колонизаціонныя прибыльныя стремленія. Въ письмѣ къ Щербинину изъ Кременчуга, въ томъ-же іюлѣ 1774 г., онъ пишетъ между прочимъ, что какой-то „протопопъ

Бропкевичъ, пріѣхавши з Ордели, объявилъ свое намѣреніе, что онъ желаетъ изъ арделского народа вывесть въ Россію до нѣсколько тысячъ душъ", почему Звѣревъ проситъ дать этому протопопу изъ Харькова до С.-Петербурга пашпортъ, „дабы онъ могъ менше карантину имѣть"... Еще болѣе интересна въ томъ-же письмѣ просьба Звѣрева пересылать его жалобы Потемкину. Итакъ вводилось въ дѣло вліяніе всемогущаго Потемкина, которому предстояло вскорѣ рѣшить участь Запорожья.

Отношенія крѣпостниковъ и свободолюбивыхъ запорожцевъ объострились до крайности. Въ концѣ 1774 г. Щербининъ предложилъ изюмскому воеводѣ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ вновь жалобъ на запорожцевъ, выбрать въ депутаты изъ офицеровъ „достойнаго человѣка и хорошаго во всемъ свѣдѣнія" для отправки его отъ имени Щербинина „съ просьбой къ ея императорскому величеству и въ правительственный сенатъ". „Депутату на тамошнее его содержаніе" Щербининъ предложилъ дать денегъ, продавъ изъ собраннаго для этой цѣли съ обывателей хлѣба 100 четвертей ржи, и сверхъ того снабдить его отъ общества довѣренностію „въ искательствѣ о тѣхъ обидахъ и разореніяхъ". Депутатомъ былъ выбранъ отставной капитанъ Тарановъ, который и получилъ на дорогу 300 р., вырученные отъ продажи 100 четвертей крестьянской ржи. Очевидно, въ видѣ матеріала для ходатайства Таранова, изюмская администрація представила Щербинину новую обширную меморію. Въ ней она, вновь подробно перечисляя всѣ свои старыя жалобы и заявляя, что Гараджа съ компаніей продолжаютъ дѣйствовать по прежнему, съ замѣтнымъ преувеличеніемъ говоритъ, что „оные запорожцы усиливаются владѣніемъ жалованной земли до самой изюмской крѣпости, почему опасно, дабы съ нихъ нѣкоторые по сущему своему воровскому состоянію не сдѣлали нападенія и не разграбили-бъ денежной казны", вслѣдствіе чего и проситъ „о пріумноженіи или гарнизонской, или о присылкѣ подлежащей сюда штатной роты"... Руководителями разныхъ пограничныхъ „злодѣяній" запорожцевъ въ меморіи называются полковники Гараджа и Куликъ, и писаря Роменскій и Неживый. Замѣчательна подробность въ вычисленіи „злодѣяній" запорожцевъ: тутъ перечислены и похищенныя куры, и количество взятыхъ яицъ, и свиное сало фунтами, и всѣ мелкія вещи въ хозяйствѣ, и потоптанныя или выкопанныя

гряды луку и чесноку, и т. п. Въ видѣ общихъ обвиненій выступаютъ рѣчи о „бѣжавшихъ отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ и казенныхъ обывателяхъ, которые, укрываясь отъ платежа казенныхъ податей и отъ долговъ, проживаютъ въ ихъ запорожскихъ жилищахъ“, дѣлаются упреки за бывшіе переходы запорожцевъ въ „турецкое подданство“ и намеки на ихъ неблагодежность вообще...

Насталъ послѣдній для Сѣчи 1775 годъ. Въ письмѣ отъ 25 февраля этого года Потемкинъ, бывшій уже тогда главнымъ командиромъ ново-россійской провинціи, пишетъ Щербинину, что онъ распорядился уже всѣхъ бѣглыхъ изъ слободско-украинской губерніи въ новороссійскую выслать обратно „на иждивеніи державшихъ ихъ укрывальщиковъ“, относительно пикинеровъ луганскаго полка съ ихъ свойственниками, о выводѣ которыхъ вѣроятно Щербининъ просилъ, замѣчаетъ, что „оной полкъ учрежденъ изъ торскихъ козаковъ, издревлѣ живущихъ въ Торѣ и Маякахъ, изъ которыхъ мѣстъ и никакъ перевесть ихъ въ другое мѣсто безъ крайняго разоренія не можно“, наконецъ относительно запорожскихъ обидъ изюмской провинціи Потемкинъ совѣтуетъ „возможное терпѣніе“, ибо, извѣщалъ онъ, запорожцы со всѣми ихъ землями „имѣютъ вступить во ввѣренную мнѣ новороссійскую губернію“.

Пробудился, по видимому, и Кошъ, но не обнаружилъ ни малѣйшей наклонности пойти на какіе либо компромиссы. Въ нашемъ „дѣлѣ“ находятся еще два подлинныя письма, можетъ быть, уже послѣднія, изъ Коша къ Щербинину, за обычной подписью Кошевого, старшины и товариства. Первое изъ нихъ помѣчено 14 апрѣля 1775 г. (№ 1295):

„Высокородный и т. д... нашъ пріятель.—Войска запорожскаго низоваго господинъ полковникъ Куликъ з старшиною сего апрѣля отъ 8 репортуеть, что извѣстился онъ, будто для разоренія и пограбленія живущихъ на земляхъ войска запорожского низового подданнихъ здешнихъ, въ Барвенковой стѣнкѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, собрата уже не малая пѣхоты и конницы при двухъ пушкахъ команда, которая намѣреваеть нахально на тѣ мѣста напасть, чтобъ оные и подчиненныхъ здѣшнихъ вовсѣ разорить, а скотъ угнать. И хотя сего не толь сказать, но крайне трудно и подумать, дабы могло статься, но какъ уже таковому случаю есть

доказательность, ибо отъ чиновъ находящихся въ елисаветградской провинціи сіи дѣйствія происходили; то если-бъ падъ чаяніе таковие нападки моглы послѣдовать и нынѣ, мы войско иного способу не находымъ, какъ только отвращать таковыхъ нападателей, о чемъ и о вышеписанномъ вашему превосходительству объявляя, прыятно просымъ скоро, строго и непремѣнно благоволыте предложыть, кому надобно, чтобъ покушающіесь къ худостному поступку отъ сего поступка всеконечно удержались. Поводчику-жъ оного, яко поступателю къ нарушенію общаго покоя, должное, по надлежащему, учиненно-бъ и запрещенно всѣмъ нычего и малѣйше обидного въ сторону войска запорожского не дѣлать".

Такъ думали и выражались плохіе политики—запорожцы въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія!

Приведенное запорожское письмо повидимому поставило самаго Щербинина въ нѣкоторое недоумѣніе: по поводу его Щербининъ въ своемъ предложеніи слободско-украинской канцеляріи, отъ 28 апрѣля 1775 г., говоритъ, что если „таковое описываемое войскомъ запорожскимъ собраніе (т. е. отряды пѣхоты и конницы) буде подлинно есть, оставить и не поступать отнюдь на ссору, чтобы чрезъ то не произошло худыхъ слѣдствій, а стараться только отъ разоренія запорожскаго обывателей защищать... и то съ такимъ искусствомъ, чтобъ не составило драки и убивства". А между тѣмъ изюмскому воеводѣ Бавыкину предписывалось, буде какіе „наглецы" изъ запорожцевъ уже пойманы, то представлять ихъ въ слободскую губернскую канцелярію при рапортѣ о ихъ поступкахъ. По этому поводу воевода отвѣчалъ, что никакого сборища войска, упоминаемаго запорожцами, нѣтъ,—можетъ быть въ томъ смыслѣ, что ему, воеводѣ, про это неизвѣстно.

Заявленія запорожцевъ не были однако основаны на пустыхъ слухахъ. Тучи сгущались, все ближе надвигалась гроза, по сумрачному небу прорѣзывались кой-гдѣ тонкіе зигзаги молніи, слышался въ отдаленіи глухой гулъ и трескъ... То тамъ, то здѣсь на отдаленныхъ пограничьяхъ можно было ждать ожесточенной схватки и кровопролитія. До чего объострилась пограничная борьба своекорыстной правительственной агенціи и упрямаго, какъ волъ, Запорожья, покажутъ слѣдующіе отдѣльные случаи, свѣдѣнія о которыхъ заимствуемъ изъ того-же находящагося у насъ „дѣла".

На сѣверо-восточной границѣ Запорожья, въ углу, который образуется смежностію трехъ областей—бывшей слободской Украйны, области донскаго войска и самаго Запорожья, были, какъ видно, особые военачальники отдѣльныхъ мѣстностей, точныя границы которыхъ врядъ-ли были имъ самимъ извѣстны. Въ документахъ нашего дѣла выступаютъ по особому случаю торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, и начальствовавшій бахмутскими гусарами, порутчикъ Мазанъ, которые повидимому были и помѣщики въ этой мѣстности. Ожесточеніе этихъ военачальниковъ противъ запорожцевъ весьма характерно проявилось въ открытомъ ихъ нападеніи на представителей запорожской администраціи и бывшихъ при нихъ козаковъ въ стѣнахъ свято-горской обители, въ самой даже церкви. Вотъ какъ это происходило.

Была первая недѣля великаго поста 1775 года. Запорожская полковая старшина смежной паланки: писарь Иванъ Тимоѳеевичъ Неживый и асаулъ Ѳедоръ Васильевичъ Сербинъ съ десятью запорожскими козаками пріѣхали говѣть въ свято-горскій монастырь. Прибыли они изъ той ненавистной пограничнымъ властямъ Барвинковой стѣнки, которую основалъ здѣсь Гараджа, продолжавшій заводить свои торскіе хутора. Богомольцы были подкомендные Гараджѣ и паспорты имѣли отъ его сподвижника, полковника Ивана Кулика. „Во всю первую недѣлю святой четыредесятницы они прилежно ходили въ церковь—къ заутрени, къ службѣ Божой и на павечерни, исповѣдывались и пріобщались таинъ въ субботу. Въ этотъ день, 28 февраля, во время отправленія божественной литургіи, въ монастырской брамѣ показался живущій въ слободѣ Тору поручикъ Андрей Мазанъ и съ нимъ гусары бахмутскаго полка, съ ружьями, около 15 человѣкъ. Выглянувшіе запорожцы убѣжали въ церковь, писарь скрылся въ алтарныя двери. Мазанъ поставилъ при брамѣ караулъ, а потомъ при всѣхъ церковныхъ дверяхъ поставилъ по гусару и козаку съ ружьями. Войдя затѣмъ въ церковь, онъ приказалъ одному гусару отобрать у запорожцевъ пистолеты, съ которыми они убѣжали въ церковь. Поднялся шумъ и смятеніе среди стоящаго въ церкви народа, а служившій въ это время игуменъ Филаретъ, сильно испугавшись, помѣшался въ своемъ священнодѣйствіи и ежели-бъ архимандритъ Ѳеофанъ отъ шума, сдѣлавшагося въ церкви, не унялъ и смятенія,

обнадеживанiемъ не боятись, не прекратилъ, не минуемо-бъ слѣдовало божественной литургiи въ самое причащенiе таинъ Божiихъ остановитись“. Окончилась литургiя; архимандритъ выходилъ изъ алтаря; прапорщикъ Боженковъ подалъ ему ордеръ завѣдывавшаго въ Бахмутѣ карантиномъ лейбъ-гвардiи поручика Грибоѣдова объ арестованiи запорожцевъ за проходъ карантинной линiи. Прочитавъ ордеръ, архимандритъ выговаривалъ имъ, что по такому дѣлу не слѣдовало святую церковь арестовать съ смятенiемъ; слова архимандрита Мазанъ „вмѣнилъ себѣ въ обиду“ и приказалъ гусарамъ и монастырскихъ, случившихся тутъ, людей вязать вмѣстѣ съ запорожцами и бить, притомъ одному монастырскому конюху была пробита голова ратищемъ съ копья... Отговѣвшiеся запорожцы, при сабляхъ и пистолетахъ, отправились изъ церкви прямо въ келiю къ архимандриту; туда отправился съ ними и Мазанъ. У архимандрита они обѣдали, а когда стали выходить изъ монастыря, Мазанъ приказалъ отобрать у нихъ оружiе и вести съ собою. Въ это время, по объясненiю самаго Мазана, произошла у его команды и драка съ монахами и монастырскими слугами за лошадей, которыя запорожцами были подарены монастырю; при этомъ „алярмѣ“ асаулъ Сербиновъ съ частiю запорожцевъ успѣли бѣжать.

Монастырское начальство жаловалось на учиненное поручикомъ Мазаномъ церковное смятенiе и требовало подвергнуть его строгому наказанiю. Въ свою очередь жаловался и Кошъ. Въ письмѣ къ Щербинину, уже отъ 17 марта 1775 г., запорожскiй Кошъ объяснялъ, что „Мазанъ и Боженковъ беззаконно захватили запорожцевъ въ свято-горскомъ монастырѣ будто-бы за проѣздъ карантина, тогда какъ около монастыря не только карантина, но и карауловъ вовсе нѣтъ и ехали они запорожцы въ разсужденiи ближайшей смежности... почему и забрати напрасно, съ едного смѣжного забирателей недоброжелательства“. „Не оставьте, просилъ Кошъ, поступить къ должному ихъ оштрафованiю, давши строгость имъ и прочимъ всѣмъ, что отъ вашего превосходительства зависитъ, дабы они такихъ поступковъ, кои худостны, не дѣлали; но по сосѣдству дружелюбно жили съ запорожскимъ войскомъ, причомъ ничего войскового не зафачивая и не завлажывая“...

Какъ поступлено было съ поручикомъ Мазаномъ, въ дѣлѣ нашемъ свѣдѣнiй о томъ нѣтъ; но достойный его сподвижникъ,

главный виновникъ свято-горскаго „алярма", Боженковъ еще разъ выступаетъ въ пограничной борьбѣ съ запорожцами. Въ самое последнее время существованія Запорожья онъ захватилъ на торскихъ земляхъ, какъ „разбойниковъ", партію запорожцевъ въ 12 человѣкъ. Оказалось, что эти мнимые разбойники, по приказу полковника Гараджи, перевозили съ спорной земли двѣ-три хаты..., а подначальные мѣстнымъ русскимъ властямъ торскіе обыватели „напали на нихъ, забрали у нихъ пики съ ратищами, и малахаи, и коней" [1]). Всѣ захваченные были отправлены на ихъ прежнія мѣста, не смотря на давнее пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Запорожьѣ. Одинъ изъ числа послѣднихъ, оставившій въ ахтырской провинціи жену и дѣтей, причину своего выхода прямо объяснялъ *неимѣніемъ земли и никакихъ угодій*.

Наступали послѣдніе дни для Запорожья, а команда Гараджи не унималась и рѣшалась хотя-бы съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свои предковскія земли на изюмской границѣ. Весной 1775 г. въ торской мѣстности въ средѣ запорожцевъ было какое-то броженіе или военное движеніе: 22 мая многочисленная ихъ команда прибыла подъ Торъ и стала лагеремъ „на голой долинѣ, на Бильбасовкѣ". Въ слѣдствіе этого отъ торскаго правленія „собранные конные и пѣшіе оружейные обиватели въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ имъ, запорожцемъ, поставлены"; въ лагерѣ запорожцевъ произошло какое-то замѣшательство и они „въ скорости въ гору, по сухому торцу, въ свои жилища пошли"; за ними въ слѣдъ пошли бахмутскіе гусары и малороссійскіе козаки... Не скоро разъяснилось, что означали эти эволюціи и диверсіи храброй россійской арміи и славнаго низоваго войска, которое въ послѣдній разъ садилось на коней и бралось за сабли и ружья, но уже не противъ татаръ и ляховъ...

Гдѣ-то въ какомъ-то мѣстѣ торскій войсковой обиватель Канарха разсказывалъ, что 16 мая былъ онъ въ Барвинковой стѣнкѣ, что при немъ асаулъ Федоръ Сербиновъ говорилъ, что „войсковой

---

[1]) Интересно прошлое этихъ 12 лицъ, объясненное на допросахъ: два изъ нихъ были малороссійскіе козаки изъ Гетманщины, пять человѣкъ подданные различныхъ типовъ войсковой старшины также изъ Гетманщины; остальные были подданные изъ бывшей Слободской Украйны.

асвулъ Гелехъ имѣетъ быть съ 1500 запорожцевъ подъ слободу Торъ для разоренія обивателей и забора ихъ скота по Касоговъ валокъ, а отъ запорожцевъ Канарха слышалъ, что и спалено будетъ все по этотъ валокъ".

Бѣлевскій купецъ Третьяковъ другую сказку изюмскимъ властямъ далъ: „былъ-де онъ въ запорожской слободѣ Новоселкѣ, и ѣдучи изъ нея въ Торъ, видѣлъ на пути, что шло запорожскихъ козаковъ при всемъ воинскомъ оружіи человѣкъ до 100 и болѣе, и при проѣздѣ... слободы Барвенковой стѣнки объѣхалъ оную..., но посланными изъ нея 2 запорожскими козаками возвращенъ и приведенъ въ паланку, гдѣ сауломъ Федоромъ Сербиновымъ за проѣздъ слободы отъ него истязанъ былъ, и намѣревалъ было бить кіями, а потомъ, взявъ по 5 копѣекъ съ воза, отпустилъ... Въ Барвенковой-же стѣнкѣ завелъ его въ шинокъ знакомый козакъ, а тамъ шинкарь говорилъ, что онъ былъ подъ алексѣевской крѣпостію въ запорожской командѣ и при занятіи той крѣпости скота, какъ стали отнимать той крѣпости жители, то-де убили тѣхъ жителей до смерти человѣкъ 20... а оттоль якобы оная команда будетъ въ Торъ..".

Обѣ „сказки" пошли по начальству и дошли до корпуснаго командира князя Прозоровскаго, а онъ, даже отъ 1 іюня 1775 г., изъ крѣпости александровской, утѣшалъ слободскую украинскую губернскую канцелярію, что онъ къ отвращенію „наглостей" запорожскихъ не упустить взять мѣры, „но не знаю только, скромно добавлялъ, предъуспѣю-ли въ томъ..".

Изюмская администрація была весьма смущена, когда запорожцы остановились лагеремъ не далеко отъ Тора, при Голой Долинѣ... Недоумѣвая, „для чего-бы такую смѣлость запорожскому войску на себя взять...", она послала нарочного — какого-то подпоручика Ерофѣева въ ближайшую Барвенкову паланку къ полковнику Кулику съ запросомъ, „по какимъ резонамъ все это дѣлается и причиняется безпокойство изюмскимъ землямъ"; но на этотъ запросъ никакого отвѣта не получено, а только полковой писарь Барвенковой паланки Иванъ Неживый далъ росписку въ полученіи бумаги отъ изюмскаго нарочного... Тогда изюмская администрація, „въ отвращеніе опасностей", кромѣ указанной уже жалобы командующему арміей князю Прозоровскому, сдѣлала распоряженіе „какъ въ г. Изюмѣ, такъ и

въ околичныхъ мѣстахъ отъ онихъ запорожцевъ имѣть крѣпкую предосторожность"... и гг. комендантамъ изюмскому, торскому и бахмутскому дать знать немедленно... и кромѣ того обо всѣхъ этихъ „своевольствахъ" донести генералъ-губернатору новороссійской губерніи Потемкину и слободско-украинскому губернатору Щербинину.

Оказалось, что всѣ эти тревоги и всѣ предпринятыя мѣры были уже излишни. 5 Іюня 1775 г. генералъ Текелій положилъ конецъ существованію Сѣчи: многочисленное „ненькино військо", какъ выражается одна пѣсня, приводимая въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго (т. III. стр. 201), заняло Кошъ безъ выстрѣла, и самое это занятіе оказалось совершенной неожиданностію для простодушныхъ запорожцевъ: многіе изъ нихъ были въ это время въ отлучкѣ, на ловлѣ рыбы и т. п., а въ самой Сѣчи даже часовые при артиллеріи спали...

Во время взятія Сѣчи Щербининъ находился за чѣмъ-то въ Москвѣ и еще 16 іюня, на основаніи полученныхъ свѣдѣній о движеніи запорожцевъ къ Тору, слалъ въ сенатъ представленіе, въ которомъ догадки изюмской администраціи о вѣроятныхъ умыслахъ запорожцевъ обращалъ уже въ несомнѣнные факты и въ послѣдній разъ просилъ сенатъ защитить пограничное населеніе отъ запорожскихъ „наглостей".

Только уже въ предложеніи своемъ отъ 22 іюня Щербининъ извѣщалъ слободскую губернскую канцелярію о взятіи Сѣчи: „...надѣюсь... канцеляріи извѣстно, что Кошъ запорожскій совсѣмъ разрушенъ, и въ ономъ нынѣ находится съ войсками г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Текеллій, уповаю... по повелѣніямъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева...". Въ корпусѣ Текелія, уничтожившемъ запорожскую Сѣчь, принимали между прочимъ участіе гусары трехъ слободско-украинскихъ гусарскихъ полковъ: ахтырскаго, харьковскаго и острожскаго.

Но и послѣ паденія Запорожья, по крайней мѣрѣ въ первое время, не прекращались жалобы пановъ—землевладѣльцевъ на сосѣднія села бывшей запорожской области: въ этомъ случаѣ споры шли по видимому главнымъ образомъ изъ-за лѣсныхъ угодій; бывшіе запорожскіе подданные рубили пограничные лѣса изюмскіе, ко-

торые они считали своей собственностію. Конечно, мѣстная администрація и теперь защищала изюмскихъ землевладѣльцевъ.

Такъ окончилась эта замѣчательная по своей стойкости, но безсильная борьба Запорожья за его предковскія земли. Она была вмѣстѣ борьбою за неприкосновенность началъ народной жизни, борьбою личной слободы противъ позорнаго порабощенія, свободной народной колонизаціи противъ обезземеленія народныхъ массъ, хищничества и „користованья" не многихъ,—свободнаго развитія народнаго труда противъ эксплуатаціи онаго классами привилегированными. Запорожье, не смотря на свои простыя и во многомъ уже отжившія формы, было въ то время единственнымъ носителемъ и защитникомъ лучшаго и болѣе справедливаго общественнаго и гражданскаго строя, чѣмъ тотъ, съ которымъ пришлось ему бороться и который къ чести нашего отечества потомъ отмѣненъ; но то, что составляло въ немъ простыя аксіомы жизни, и что вскорѣ, съ возрожденіемъ гуманизма въ Европѣ и у насъ, считалось уже высшими идеями, достояніемъ геніальныхъ умовъ, преслѣдовалось теперь, какъ не терпимое зло. Что до громадныхъ земельныхъ имѣній Запорожья, добытыхъ его кровію и сохранявшихся, какъ общенародное достояніе для будущаго обезпеченія и благосостоянія страны, они сдѣлались достояніемъ тѣхъ не многихъ, которые не трудясь вошли въ чужое достояніе и которыхъ народная память подъ общимъ именемъ „пановъ енераловъ" поставила въ слѣдъ за „панами ляхами".

А. Шимановъ.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

(*Окончаніе*)[1].

Способъ якъ водки дѣлать.

83. *Мастихина.*—Взять циномону, гвоздиковъ, мушкатовой галки, кождого по два лота, мастиксу четирѣ лоты, шкурки помаранчевой лотъ, горѣлки доброи три ꙃарцѣ, в которой корѣння намочить чрезъ сутки едны, потомъ перегнать и оцуковать.

84. *Росолпсъ.*—Взять циномону, курдымону, калгану, мушкатового цвѣту, кождого по два лоты, галкы мушкатовой три лоты, цитвару одинъ лотъ, ганусу четирѣ лоты, розмайрину, левандьт, шавлѣи, василковъ, кождого по двѣ щипти, горѣлки доброй три ꙃарцѣ, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцуковать.

85. *Сердечная.*—Взять гвоздыковъ, мушкатового цвѣту, кождого по лоту, циномону три лота, шкурокъ цитриновихъ свѣжихъ два лоты, калгану, цитвару, курдымону, кождого по полтора лота, василковъ, розмайрину, чербцѣ по лоту, горѣлки доброй полтора ꙃарця, вина бѣлого полꙃарця, намочить чрезъ сутки и перегнать, потомъ, если можно имѣть, амбры и москусу, дѣлается-жъ и безъ москусу и амбры, называется *имкомплета*, которую толко однимъ шафраномъ околіоровать и оцуковать, и если имѣется эссенція амбре, крапель нѣсколко на цукрѣ до водкы впустить, кождого по ползолотника в узлику намочить въ водцѣ, придавши шафрану мало, то буде aqua cordialis completa.

86. *Персика.*—Взять цвѣту бузынового двѣ-три горсти, мигдаловъ горкихъ два лота, косточокъ обраннихъ бросковиннихъ и вишневихъ, кождого по четирѣ лоты, горѣлки доброй два ꙃарцѣ, перегнать и оцуковать, мало намочивши.

---

[1]) См. сентябр. и октябр. кн. «Кіевской Старины» за 1883 г.

87. *Другій способъ дѣлать персику.*—Взять цвѣту бузынового двѣ горсти, косточокъ обранихъ вишневихъ полфунта, горѣлки два ƨарцѣ, перегнать и оцуковать, будеть персика подлѣйшая.

88. *Циномоновая бѣлая.*—Взять циномону полфунта, курдымону лотъ, шкурки помаранчевой два лоты, горѣлки ганушковой доброй два ƨарця, вина полƨарця, а можно и безъ вина, перегнать и оцуковать.

89. *Курдымоновая.*—Взять курдымону четверть фунта, калгану 5 лотовъ, горѣлки три ƨарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцуковать.

90. *Помаранчевая.*—Взять шкурки помаранчевой сухой полфунта, фіялкового кореня лотовъ шесть, горѣлки доброй три или четири ƨарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцуковать.

91. *Деревіовая.*—Взять цвѣту деревіового, напримѣръ до пяти ƨарцевого алембыка пригорщей семъ или болшъ, всипать в дѣжку деревяную, налыть воды и посолить немного соллю, намочить такъ чрезъ двое сутокъ, потомъ висипавши в лембикъ перегнать, положивши на лѣйцѣ баволну чистую, чрезъ ней водка чтобъ ишла, в которой останется олѣекъ, которимъ можна якую хотя горѣлку блакитнимъ коліоромъ заправить.

92. *Водка цитринова.*—Взять цитриновихъ свѣжихъ шкурокъ, помаранчевихъ, кождого по два лота, винарсу или водки доброй, когда здѣлается окропъ и охолонетъ, влій олѣйку цедро треть или полъслоика, потомъ чрезъ бѣбулу предистилѣіовать.

93. *Апоплетика.*—Взять бобковъ лотовъ 16, горчици лотъ, кубебы лотовъ 6, курдымону лотовъ 8, мушкатного цвѣту лотовъ 8, галкы лотовъ 8, циномону лотовъ 8, калгану лотовъ 12, перцю долгого лотовъ 12, цвѣту розмаринового лотовъ 12, квѣту левендового лотовъ 12, шавлеи лотовъ 6, марину лотовъ 8, исопу лотовъ 6, розмарину лотовъ 6, пивоніи кореня лотовъ 16, пѣретри лотовъ 16, перегнать на конвалѣю, зъ мужавелкомъ конвалѣи треба фунтъ, а мужавелныку фунтъ.

94. *Алкирмесова.*—Взять корици 12 золотниковъ, гвоздиковъ 6 золотниковъ, мушкатнихъ орѣховъ 6 золотниковъ, калгану 6 золотниковъ, цитвару 6 золотниковъ, мушкатного цвѣту 6 золотниковъ, кубебы 6 золотниковъ, курдымону 6 золотниковъ, помаранчи 6 золотниковъ, рожи червоной четверть фунта, цвѣту леванды четверть фунта, розмарину полчвертки фунта, насипать двойною водкою, поставить в теплѣ на тиждень и перегнать.

95. *Россолѣсъ.*—Взять цвѣту рожевого два фунта, конвалѣевого 2 фунта, лѣƨнумъ роди два фунта, циномону 2 фунта, корки лимонковой полфунта, анису полфунта, гвоздиковъ 4 золотники, намочить на три дни, а потомъ перегнати и заправлять, стовкши цукру, и в той цу-

коръ всипать олѣйку лѣдпумъ роди 4 злотники, москусу ползолотника, и тое змешать зъ горѣлкою, а потомъ заправить концѣнеллею.

96. *Наука, якъ дѣлать закуски рожніе дулевіе.*—Полупити дулѣ; когда будуть великіи, то наполъ рѣзать, а будуть мали, то цѣлкомъ, и розвѣвши ситу, переварить и зшумоватъ чисто, да помененніе полупленіе дулѣ вкидать въ кипячую ситу и дать имъ часъ малій постоять въ горячой ситѣ, а потомъ поставить на огонь и дать разовъ зо три закипѣть крѣпко, потомъ виклавши з ситы, пождать, дабы з нихъ стекла сита, роскласти ихъ на решета и подситки и въ легкій духъ въ пѣчъ поставить, и буде гараздъ не затужавѣють, то можно и другій разъ въ пѣчъ поставить, толко не дать имъ посхнуть.

97. *Дынѣ.*—Когда толко дынѣ потекуть, чтобъ не поспѣли гараздъ, то полупить, да повичищавши изъ середини, порѣзать на шматки и взявши ванна толченого, персыпать гараздъ и вкласти в суденце деревяне, и знову переспиать ванною-жъ, и дать имъ у ваннѣ сутки постояти, а на завтрашній день вибравши, в теплой водѣ переполоскать разовъ зотри, начисто, да розвести ситу теплою водою, и оную ситу переварить, и налить оніе дынѣ горячою ситою въ дѣжечки, и поставить в погребѣ на холодѣ, и дать имъ постоять дней пять, потомъ вибрать ихъ изъ ситы, и выбѣраючи ихъ витискать изъ нихъ ситу, и переваривши ситу, патоку изъшумовать чисто, и оніе дынѣ вклавши въ патоку, поварить часъ, потомъ скласти въ глиняную поливяну посуду съ тоеюжъ патокою, и поставить на холодѣ, и когда постоять изъ мѣсяць, то вибравши изъ оной патоки, да въ другой чистой патоки по прежнему переваривши и поставить.

98. *Шипшину.*—Нарвати шипшины, объ Покровѣ пресвятой Богородици, порозрѣзовать на двое и вичищать изъ середины, потомъ отваривши мало въ теплой водѣ, вибрать, да переваривши патоки, чисто изшумовать, и оніе шипшини вкласти въ патоку переварену, и поты варить, покудова можно шпилкою пробить, а потомъ скласти в стекляну или въ черепяну поливяну посуду и поставить на холодѣ.

99. *Порѣчки.*—Нарвавши порѣчокъ, почистить изъ середины шпилкою и взявши цукру, побить на шматки и скласти въ поливяну миску, да въ туюжъ миску и почищени порѣчки къ цукру вкидать, толко класти цукру, чтобъ было въ пору, до смаку, и смажить на жару потоль, покудова станеть на ихъ сиропъ густій становитися, потомъ склавши въ поливяное суденце и поставить на холодъ.

100. *Сокъ порѣчній.*—Порѣчки оборвавши, въ поливяну миску вкидать и воды къ нимъ ложокъ зо три всипать, и варить ихъ, а варячи втирать ложкою, а якъ пустять изъ себе гараздъ сокъ, тогда высыпать ихъ

на платъ бѣлій и видавить изъ нихъ сокъ крѣпко на суденце, положивши въ сокъ тотъ патоки, и варить потоль, покудова сокъ густъ станетъ, и всипавши в суденце, поставить на холодѣ.

101. *Азресть.*—Нарвавши азресту въ Петровку, объ Іоанѣ, и повичищать изъ середини насѣння, и кипяткомъ попарить, потомъ отцѣдивши оной азрестъ, толченимъ цукромъ пересипать крѣпко въ мѣдной пановцѣ непобѣліованой и дать ему такъ переночевать, потомъ смажить на легкомъ жару дотоль, покудова на ему сиропъ станетъ густій, тогда изсыпавши въ суденце, поставить на холодѣ.

102. *Сливи зеленіе угорки.*—Нарвать зеленихъ сливъ вугорокъ, якъ толко почнутъ косточки въ нихъ твердіи, то на томъ мѣстцу, гдѣ долина противъ косточки, розрѣзать и въ гарачій окропъ кидать, и дать имъ прѣть потоль, покудова оная розрѣзка ростулится, и когда станутъ мягки, тогда вибрать и поставить, чтобъ прохолодали, в цѣнованихъ полумискахъ, и зварить сиропъ мѣрній и простудить, да холоднимъ налить въ поливяномъ суденцѣ, поставить на холодѣ, а якъ постоять доволно и вберутъ оной сиропъ у себе, что станетъ рѣдокъ, тогда отцѣдивши з нихъ сиропъ и прибавить к нему цукру и приварить по прежнему, потомъ опять тотъ сиропъ простудивши холоднимъ оніе сливи налить.

103. *Лимоніи.*—Лимоніи свѣжіе или свѣжопросолніе порозрѣзовать и повичищать, и водою холодною налить, и держать дній пять или шесть, а что день воду перемѣнять, и когда вымокнутъ, то вибрать да здѣлать сиропъ исъ цукру, толкобы чуть сладкость в немъ, и въкидать оніе лимоніи въ сиропъ и варить потоль, покудова станутъ такъ мягки, чтобъ можно и соломиною пробить, потомъ вибравши зъ оного сиропу и варить сиропъ средній, а якъ оніе лимоніи простигнуть, тогда другимъ тымъ сиропомъ насипать холоднимъ-же, и поставить на холодномъ мѣсцу, да и что мѣсяцъ посматривать, и буде въ нихъ сиропъ станетъ рѣдокъ, то отцѣжовать и прибавля цукру, тотъ сиропъ переваровать и наситить холоднимъ же несколко разъ. На постніе марцѣпанны на фунтъ сахару положить три лоты мыгдаловъ и воды рожевой мало и толкти въ можчирѣ, пока якъ тѣсто станетъ, а после положить в шклянной можчиръ и терти, чтобъ не схло тѣсто, и брать изъ можчира, и лѣпить, что угодно, на форму и вирѣзовать ножемъ маленкимъ.

104. *На кругліе марцѣпаны скоромніе.*—Положить на фунтъ сахару фунтъ мигдалей и еденъ бѣлокъ, и толкти въ можчирѣ, не очень перетовкивать, чтобъ крупно мигдали были, и лѣпить кругліе паляннички, а после подрать шпилкою на версѣ паляннички.—На цукробродъ на фунтъ сахару положить фунтъ муки и положить-же дванадцать яецъ, и особливо бить жолтки, а

во бѣлки, и потомъ положить всѣ бѣлки и желтки вместо, и бить и сахаръ и муку, а потомъ наливать въ коробочки и ставить въ пѣчъ.

106. *Тортъ мыгдалнiй какъ дѣлать.*—Фунтъ мигдалю, три чвертки сахару, тринадцять жолтковъ, да яецъ десять совсѣмъ положить и толкти.

106. *Постель какъ дѣлать.*—Яблока попекти, выхолодить, на подситокъ потерти и бить въ черепяной мисцѣ ложкою, а медъ особливо бить, на платъ наложить и пекти въ печкѣ.

Реестръ корѣннiй, якъ много у якую водку идеть корѣння.

Водка мастика якъ робится.

Алембикъ четыре гарца.	Лоты.
Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4
Гвоздиковъ	2
Курдимону малого	2

Другая мастика.

Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4

Апоплектика якъ робится.

Горѣлки оковитой гарцей восѣмъ, помаранчевой шкурки полтора фунта.

	Лоты.
Фiялкового корѣння	12
Розмайрину	8
Циномону	8
Гвоздиковъ	4
Курдимону	4
Кубебы	6
Мушкатовой галки	4
Мушкатового цвѣту	3
Майрану	6
Аэру	1

Заправа апоплектики.—Цукоръ смажити въ рожевой водцѣ, придавши анбры, якъ зерно перцево, а москусу трохи зъ цукромъ утерти.

Водка цефалѣка такъ робится.

Алембикъ гарцей пять.

Циномону полфунта.

	Четв.
Имберу	1
Перцю бѣлого	1
Мушкатного цвѣту	1
Гвоздиковъ	1
Фіялкового кореня	1
Курдимону	1
Калгану	1
Бадяну	1
Розмайрину	1
Майрану	1
Конвалѣи	1
Калеgры	1
Цитроновой шкурки	1
Мастыху полфунта.	
Цитвару	1
Чорнушки	1

Цукоръ у крыничной водѣ варити.

Водка алексѣръ цытри такъ робится.—Алембикъ гарцей пять, цитроновой шкурки фунтъ стовкти и намочити въ горѣлцѣ, пока будетъ жовтая, и перегнавши цукру три фунты въ винѣ, варити. Тоей-же цитроновой верхней шкурки обрѣзати, а мочити добре и на бѣбулу перепустити.

Водка вѣттерейсъ.—Намочить восемъ ѕарцей простой горѣлки, отваживши:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	2
Калгану	3
Галки	2
Квѣту	1
Гвоздиковъ	2
Мастиксу	2
Розмайрану	4
Квѣту левендового	6
Шавлѣи	1
Рожи	3
Аеру	поллота
Мяты	1
Василковъ	1

	Лоты.
Кмѣну	1
Майрану	3
Помаранчѣ	6
Имберу	3
Кубебы	1
Бердинцю	1

Водка елексъръ вътематіонъ.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, отваживши:

Помаранчевой шкурки фунтовъ два.

	Лоты
Циномону	8
Курдимону	4
Калгану	5
Гвоздиковъ	7
Галки	4
Кубебы	4
Корѣння фіялкового	9
Розмайрану	4
Аеру	поллота

Водка мастихина.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, зъгруба перетовкши и отваживши:

Циномону	4
Гвоздиковъ	6
Квѣту албо галки	6
Мастысу	15

Толко мастысъ въ водцѣ рожевой вымочивши, потомъ до купы всыпати въ лембикъ.

Водка апоплектика.—Въ семи гарцехъ простой горѣлки вагою требуетъ:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	4
Калгану	3
Галки	3
Квѣту	1
Розмайрану	5
Маерану	3
Помаранчѣ	4
Кубебы	2
Бобковъ	5

Повторе робытся апоплектика скутечнѣйшая.—Пралатнихъ зелій-бы найболше розныхъ въ тѣнѣ насушивши и зваживши моцы ихъ, жебы одно другого не осылѣло, намочити, и перегнавши, до первой третину всыпать, или самую заживать, однакъ до всѣхъ тихъ водокъ, з цукромъ воду уваривши крыничную, нѣчимъ не дхнучую, чистую, мѣшать часть четвертую, албо ведлугъ своего употребленія.

Водка особливыхъ скутковъ.—Пижма з квѣтомъ Мати Божіей, влоского кореня, шавлеи полной, кореня петрушчаного и подорожникового, тое зґруба перетовкти, албо посѣкти и водкою вымочивши перегнать, потомъ до той-жъ водки—кмѣну, циномону, имберу, перцю, гвоздиковъ, цвѣту, левандового крону, тое все намочить въ водцѣ простой на осмь дней, знову взяти калгану, кубебы, любыстковогo насѣння, шпиґнарды, цвѣту мушкатного, люкреціи, перцю, струковъ, тое все зґруба перетовкти зъ особна, толко-жъ дней мочить, а перегнавши послѣднѣйшую переганяную зсыпать до первой.

Інгредіенціи на крепителную водку належащіе.—Стараксу три чвертки фунта, каламанды золотниковъ пятнадцять, филикулного насѣння золотниковъ 15, циномону полфунта, корки лимонной полфунта, корки помаранчовой полфунта, мастиксу фунтъ, курдимону чвертка, гвоздиковъ чвертка, цвѣту рожевого фунтъ, галки фунтъ, цвѣту мушкатного полфунта.

Водка елексиръ цитры.—Алембикъ тридцатоквартній, насыпати горѣлки перегнанной, оковитой, безъ ганису, и цитрины сухой стовкти полтора фунта, сложити въ той и перегнати оную, а на заправу самой жовтой шкурки цитрины облупити, безъ бѣлка цитринового, фунтъ и въ тую водку вложити, абы мокла сутки, а потомъ цедра полъслоика въ сухій цукоръ вливши, добре стовкти, и москусу менше ползолотника, а перецѣдивши водку, зъ тимъ змѣшати, также и изваривши въ винѣ волоскомъ, якого-бы фляшекъ ґарцевихъ три было, цукру фунтовъ шесть, въ тую-жъ водку всыпати.

Заправа на крепителную водку.—Амбры золотниковъ два, цедра слоикъ полній, москусу ползолотника, цукру головъ три, уварити добре въ водѣ, въ небытности рожевой водки, а для коліору придати концинеллѣ, толко не збытне.

Конфекты.

Конфектъ рожаній.—Возми рожи одобранной и высѣянной фунтъ, цукру фунтовъ два, воды кварту, влій воду на рынку, албо на пановку, поставъ на огнѣ; якъ закипить, сыпъ рожу по пригорщѣ, а мѣшай

поты, покы кипѣвши будетъ мягкая, потомъ вложи цукру и смажъ, поки устоится, а якъ простигнетъ, вложи въ сосудъ шклянний, посипъ зверху цукромъ и ховай на потребу.

Агресть въ цукрѣ.—Возми агресту великого, выбери зъ него насѣння и отважъ фунтъ, полій его кипячою водою, потомъ отлій и вложи на рынку, пересипъ цукромъ товченымъ, которого дабы было фунтовъ два, нехай такъ стоитъ чрезъ ночъ; на завтре смажъ въ полномъ огнѣ.

Суницъ въ цукрѣ.—Возми суницъ поспѣлыхъ фунтъ, придай цукру перетовченого фунтовъ два, влій воды въ шклянку и смажъ въ поволномъ огнѣ.

Малини въ цукрѣ.—Возми малинъ фунтъ, цукру полтора фунта, смажъ цукоръ, ажъ згустится, потомъ вложи малины и знову въ полномъ огнѣ, поки встоится.

Порѣчки въ цукрѣ.—Возми порѣчокъ, выбери зъ нихъ зернята, отважъ фунтъ, вложи на рынку, придай цукру фунтовъ два безъ чвертки, воды въ шклянку и смажъ, поки устоится.

Вишнѣ бѣліи черніе въ цукрѣ.—Возми вишенъ бѣлихъ албо чернихъ, повыбирай съ нихъ костки, отважъ фунтъ, полій ихъ горячою водою, потомъ отлій, придай цукру полтора фунта, воды изо три ложки, нехай такъ постоитъ, поки цукоръ роспуститься, потомъ смажъ, поки загустѣетъ.

Морелѣ въ цукре.—Возми морель не перездрѣлихъ и оскреби ихъ з верхней шкурки и повыбирай костки, потомъ облій окропомъ, которій отливши, придай до фунта цукру, поставъ чрезъ ночъ, а назаутре смажъ; тимъ же способомъ и бросквини смажитъ.

Орѣхи волоскіе не доспѣліе въ цукрѣ.—Возми орѣховъ волоскихъ не доспѣлихъ, сколко хочешъ, вложи въ горщокъ, налій воды и соли насипъ, нехай такъ мокнуть чрезъ четыре дни; пятого дня отлій и налій иншой воды, чистой, безъ соли; якъ помокнуть чрезъ день, отлій тую, иншой насипъ, чини такъ чрезъ сколко дней, два рази на день отливаючи воду, иншой наливаючи, жебы соль добре війшла; потомъ ихъ остружи з верхной шкурки и отвари, а якъ простигнуть, нашпигуй ихъ гвоздиками и циномономъ, притомъ сколко важать, столко отважъ въ двое цукру албо меду; если въ меду смажить, усмажъ зъ цукру лѣлевъ; якъ простигнетъ, злій его на орѣхи, нехай такъ стоитъ докилка дній, а якъ зрѣднѣетъ, одлій его знову, висмажъ густо и простудивши налій; якъ сриднѣетъ, придай цукру трохи и смажъ заразомъ зъ орѣхами, ведлугъ потребы; ежели хочешъ смажити въ меду, тимже способомъ поступуй, якъ и в цукрѣ, еднакъ треба медъ рѣдко зъ водою переварити и процѣдити чрезъ платъ суконній, албо чрезъ густое полотно, потомъ

висмажъ его, поки загуснеть, и налій орѣхи разъ и другій, а за третимъ разомъ вькупѣ з орѣхами присмажити-жъ.

Информація, какъ сливи зеленіе венгерскіе въ цукру смажити.—Наваривши венgерскихъ сливъ, когда уже суть великіе, но еще зеленіе, наколоть всюды шпилкою и налить на нихъ чистой воды, и приставить чистой также воды к огню, чтобъ кипѣла, и якъ станетъ кипѣть, одлій холодную воду, и налить кипячою, и приставивши к огню, чтобъ кипѣли, поки ажъ скурочка пороспукуется; отставить отъ огню и прилить воды холодной въ ванву, чтобъ полна была, и вода чтобъ толко была якъ лѣтепло, и потомъ зваживши цукру противъ сливъ, такъ якъ противъ листя рожевого вдвое, придать до его толко воды, чтобъ моглъ смажитись, а когда уже почнетъ смажитися, влить воды столко, чтобъ моглъ окрономъ стать, и уже далше тотъ цукоръ варитися мѣетъ; здѣлавши тотъ сиропъ, зшумовать, чтобъ отъ пѣни счистился, потомъ захолодивши, вложить сливи въ сито, чтобъ вода вся стекла, и винявши сливи, на коихъ шкурка потрескалася, вложить въ шклянніе сосуды или въ поливаній горщикъ, влить на нихъ холодного цукрового сиропу и поставить, чтобъ такъ три днѣ стояло; потомъ отливши тотъ цукровій сиропъ, которій дуже рѣдкій станетъ, варить поты, поки загустѣетъ, и когда уже уварится, знову прилить холоднимъ оніе сливи и столко разъ повторать, отливаючи и приваруючи тотъ сиропъ, поки густъ станетъ; потомъ сливи съ тимъ сиропомъ до огня приставить, чтобъ толко пригрѣлися, потомъ захолодить и сховать; еще же при смаженню онихъ тое повинно обсервоватися, чтобъ коло нихъ нечистимъ ножемъ и руками не ходити и не пріиматись, бо ежели кто нечистъ около онихъ ходить, въ скоромъ часѣ псуются, что постерегши, треба знову цукоръ варити, шумовати и чистити отъ пѣни, и захолодивши прилить; такимже способомъ и вишни можно смажити: вмѣсто того, чтобъ такъ якъ сливи колоти иголкою, нарѣзать потроху, албо наколоть и во всемъ такъ поступать, якъ зъ сливами, толко чтобъ не много варилися, еднакъ чтобъ еденъ разъ добре закипѣли, потомъ холодною водою налиты, чтобъ кипятокъ лѣтепломъ толко сталъ, на которіе цукру насипати такъ, якъ о смаженню сливъ вишше указалося.

Водка росольсъ такъ робится.—Цвѣту рожевого фунтовъ 2, конвалѣи фунтовъ 2, дерева лѣgнородіумъ фунтовъ 2, циномону полфунта, коры лимонной полфунта, коры помаранчевой полфунта, гвоздиковъ лотовъ два, а отваживши тое корѣння, озми водки доброй двойной, и налій тое коренния въ черепяномъ гладушу или въ алембику и затушкуй добре, тѣстомъ замажъ и поставъ въ легкомъ духу, жебы двое сутокъ стояло, а якъ війде тая пара, озми и всипъ тое моченое коренния у водку; досипавши алембика, переганяй, добре цукромъ заправъ, озми олѣйку

лѣgнородіумъ чотири золотники, утри зъ цукромъ добре въ можчирѣ, а утерши, озми тоей переганяной водки, розведи тотъ въ можчирѣ цукоръ зъ олѣйкомъ и всипъ у водку, москусу такъ тежъ два золотники зъ цукромъ ростерши, всипъ у водку и закраси концѣнеллею.

Водка россолѣсъ гданская такъ робится.

	Лоты.
Курдимону	12
Циномону	8
Галки мушкетной	2
Кубебы	2
Калгану	4
Гвоздиковъ	поллота
Помаранчѣ	4
Фіялкового кореня	4
Дерева лѣgнородіумъ	5
Костусъ арабицѣ	3

На сіе кореня треба водки двойной полвѣдра перегнати на алембикъ, перегнавши взяти олѣйку цѣномонового капель сорокъ, олѣйку лѣgнородіумъ капель пятдесятъ, москусу пять зернятъ, якъ перцевое зерно, и ростерти зъ цукромъ канарскимъ въ можчирѣ и въ переганяную водку всипать и затушковати добре в сулѣи, поки ажъ в собѣ силу озметь, и для колѣру заправити конценеллею.

Водка елексѣръ цитры на три фляши.

	Лоты.
Помаранчѣ	6
Реумъ баумъ	3
Ганысу	4
Цитвару	6
Курдимону	3
Имберу	4
Маерану	7
Калгану	4
Смирны	1
Цвѣту левандового	4
Мушкателового	2

Кмену четверть золотника.

Галѣосу полтора фунта.

Водка мастихина.

Въ алембикъ двохъ gарцей мастиксу	4
Цѣномону	2

	Лоты.
Курдимону малого	1
Гвоздиковъ	1
Цвѣту мушкатного	2

Водка циномонова такъ дѣлается.—Циномону полфунта, имберу лотъ, моксусу три зернята, якъ перцево зерно, три гарци двойной водки, рожевой воды дарнецъ, тое перегнати чрезъ алембикъ.

Реквизита до гуркой горѣлки.

	Лоты.
Гвоздиковъ	1
Мушкатовой галки	1
Цвѣту	1
Цѣномону	1
Кубебы	1
Бадяну	1
Калгану	1
Милчибогу	1
Качибагу	1
Перцю	1
Имберу	поллота
Кмену	поллота
Табалану	1
Ѳіялкового кореня	1
Помаранчѣ	1
Курдимону	1
Бобокъ	1
Чорнушки	1
Горчици	1
Смирны часточку и ладану херувимского, также и пашни всякой по часточцѣ.	
Алоизу	золотникъ
Бѣлоеру	золотникъ
Селѣтры чистой	поллота

Все тое вкупе стовкши въ гаркъ шклянний та доброю горѣлкою ганусковою насипать; в хлѣбъ замазавши, въ пѣчъ ставити, чтобъ толко въ печѣ було, якъ хлѣбу впектися, а винявши съ печи, сцѣдити да вдругое налить горѣлкою, да въ печъ же встановити, также и въ третіе налить, тую сцѣдывши, и вкупѣ в едно судно змѣшати, да и кушать во здравіе.

Орѣхи свѣжіе.—Зрѣлихъ самихъ орѣховъ взять и побити, чтобъ ядра цѣли были, а бючи класти въ теплую воду; выбирать съ воды, очистивши отъ нихъ кожу, упять класти въ теплую воду, чтобъ лѣтепло было; всѣ перечистивши, вибрать съ воды и покласть на салфетку, чтобъ вода стекла, здѣлать сиропъ, макая сахаръ в тугуляфную воду; какъ скипить четири рази, то всипать орѣхи, по сиропу смотря, густо, съ полчаса варить ихъ, мешаючи, и выбирать ихъ съ сиропу, складть въ стклянную банку, а сиропъ поварить, пока станетъ очень густо, и такъ налить ихъ.

Взять чернословъ, кожу съ нихъ очистить и перерѣзать пополамъ, знизать на прутички и покласть въ латке, разситить ситы и уварить харашо, и такъ кипяткомъ облить и дать ночовати; на другой день роскласть на доски и поставить на дворѣ, чтобъ обвяли, послѣ роскласти на решето съ прутичками, поставить на ночъ въ пѣчъ, чтобъ болше завялились; на другой день, ежели не мокры, то поснимать съ прутичковъ и смѣшавши толченого сахару съ корицею, пересипать въ банки, разъ наклавши, всякой пересыпать.

Шампеньіоны въ уксусѣ.—Очистя ихъ сверху и въ серединѣ сыріе, сверху кожу содрать, чтобъ чисты были; которые маленкіе, тѣ цѣликомъ, а болшіе перерѣзовать и отварить ихъ въ солоной водѣ, воду слить, а ихъ роскласти на решето, чтобъ очунь вода стекла; ежели есть крепкой уксусъ, то смѣшать пополамъ съ водою, и положа туды перцю и инберу, переварить, а ежели не крѣпокъ уксусъ, то одинъ безъ воды, и складть ихъ въ склянную банку, уксусъ простудить, какъ можно, въ склянное судно лить и такъ наложить.

Огурцы чтобъ были зеленіе въ уксусѣ.—Переваривши вгурцы, сварить воду съ соллю, чтобъ доволно солона была, и оніе вгурцы складть въ нелуженной котолъ, переложа укропомъ и отъ черной смородины листомъ, и налить означенною водою кипяткомъ, и обдать ихъ крѣпко, чтобъ такъ переночовали, на другой день выбрать съ оной воды и класть въ банки, перекладывая тимже листомъ; ежели крѣпкой уксусъ естъ, то пополамъ съ водою смѣшать, а ежели не крѣпокъ, то одинъ переварить и налить аѹурцы, сверху накласть листѹ поболше, чтобъ не слизлы.

Информація.

1.

Пряннчики изъ мигдалы: сахару фунтъ, муки фунтъ, яецъ пять, кардамону, корицѣ, сколко потреба, воды рожевой три ложки, миндалю полфунта, выдавить формою и испечъ.

2.

Миндалніе коронки: миндаль фунтъ истолкти и къ товченію три ложки рожевой воды положить, послѣ тутже толченого сахару фунтъ и гораздо мелко вмѣстѣ столкти, и выложить на оловяное блюдо, и на жаровнѣ подсушить легко, покамисть мѣсто гарячое станетъ, послѣ захолодить и коронки подѣлавши, пѣчь.

3.

Сахарніе хлѣбцы: десять яецъ, сахару фунтъ, то вмѣстѣ съ полчаса колотить гораздо, чтобъ спѣнилось, третую четверть фунта муки въ оное положить и ложкою мало вымѣшать, въ жестяніе или бумажніе формы лить и такъ пекти въ легкомъ огнѣ.

4.

Кругліе орѣшки: четыре яйца, фунтъ сахару, кореняя, корицы, хвенхолу, мушкатной галки, мушкатового цвѣту, перцю и инберу немного, муки, такъ здѣлать, какъ калачное тѣсто, кругліе котишки здѣлать и испечъ.

Цукоръ бротъ дѣлать нижеслѣдующимъ образомъ.—Взять яецъ 12, избить одни бѣлки и наготовить сахару фунтъ, а какъ станетъ въ бѣлкахъ великая пѣна, то класть сахаръ понемногу и бить все, а какъ сахаръ увесь положится, то особливо избить желтковъ 11, потомъ положа въ бѣлки, бить вмѣстѣ, а какъ станутъ вскаковать пузирѣ, то чтобъ пѣчь готова была, и передъ тѣмъ не задолго, какъ пора пекти, положить муку надлежаще, чтобъ не густо и не очень рѣдко было, а какъ пора пекти, велѣть сковороду намазовать масломъ и лить цукоръ бротъ понемного на лепешки и посыпать сахаромъ сверху, а какъ спекутся, то свертовать трубочками и класти на сыто.

Шипшина.—Взять шипшину и вычистить и отважить фунтъ, а цукру полтора фунта, и зваривши сиропъ, чтобъ не весма густъ былъ, а помянутую шипшину фунтъ опаривши кипяткомъ окропомъ и положить въ кипячій сиропъ, и смажить, покудова густъ сиропъ станетъ и шипшина усмажится, а на другой день сколко надобно, сварить сиропу весма густо и прилить.

Паску или булки.—Масла кубокъ, желтковъ, яецъ—кубокъ сиченого солодкого меду, не твердого шафрану, дрожчей, и вчинивши, скоро зойдетъ, заразъ мѣсить, а якъ мѣсити, то положить галки, циномону и цукру, а мѣсити слабко, а не туго, а масла хочай менше отъ показанной мѣры положить, толко съ соли спустить, а якъ сажать булки въ пѣчь, то желтками примазать.

Булки съ сыромъ.—Взять 8 яецъ и кубокъ запары, и учинить такъ, якъ обыкновенное тѣсто, а якъ станетъ сходить, то взявши свѣжого сыра грудку, и ростерти мякко, такъ якъ сметана, и вложить и побить, когда-жъ уже будетъ время тѣсто мѣсить, то вложити три яйцѣ и кубокъ масла, а когда-жъ въ пѣчь сажать, то помазать яйцемъ розбитымъ.

Булки зъ горохомъ.—Сварить горохъ и процѣдить, и взять гороху кубковъ четыре, а запары кубковъ пять, и учинить якъ надобно, а когда уже треба будетъ тѣсто мѣсить, то положить масла или олеи, сколко надобно, а когда надобно въ скоромніе булки и яецъ, то положить, сколко-жъ надобно.

На водку унгарскую.—Взять майрану и цвѣту левандового по 28 золотниковъ, мушкатного цвѣту 24 золотника, корѣння пеоніеваго, розмарина по 12 золотниковъ, столкти и положить въ алембикъ, и налить простого вина три четвертнихъ и послѣ трехъ нощеденствъ перегнать, и будетъ противъ заморской унгарской водки.

На булки мигдалніе.—Возми мигдаловъ фунтъ еденъ, муки рожевой четверть фунта, цукру полфунта, кордимону лотъ, водки рожевой, сколко треба, зроби тѣсто и ведлугъ формы клади на оплатокъ, цукромъ верху посыпаючи, сажай въ пѣчь.

Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.

Эти два памятника южно-русской письменности, безъ преувеличенія, можно назвать чрезвычайною и величайшею рѣдкостію въ своемъ родѣ. Интерлюдіи и интермедіи дошли до насъ лишь отъ XVIII в.; существовали онѣ и въ XVII ст., но самыя раннія и не ясныя указанія на это не восходятъ раньше 1629 г., здѣсь-же мы имѣемъ самые памятники этого рода еще болѣе ранняго времени, въ числѣ двухъ. Они сохранились въ польской транскрипціи у извѣстнаго польскаго писателя I. Крашевскаго, намъ-же сообщилъ ихъ уважаемый изслѣдователь нашей старины г. М. Т—въ. Первоначально обѣ интермедіи помѣщены въ древнемъ изданіи слѣдующаго заглавія: „Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przesłańca Bozego. Na pięc aktów rozdzielony. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowicza Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegosz Jana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu jaworowskiem u s. Mikołaia, 4° kart nieliczbow: F ij“ (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, Посланника Божія, въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, учителемъ свободныхъ наукъ и философіи во Львовѣ. Представлена была въ Каменкѣ на ярмаркѣ, въ день того-же св. Іоанна Крестителя, 1619 г., а печатана у св. Миколая на предмѣстьѣ Яворовскомъ. 4° л., не нумерованныхъ стр.) [1]. Уцѣлѣло-ли это изданіе и гдѣ оно хранится, и съ него-ли списывалъ Крашевскій, или съ какой-либо рукописи,—свѣдѣній объ этомъ намъ не сообщено. Судя по приведенному заглавію изданія, трагедія вѣроятно была написана по польски и другимъ авторомъ, интермедіи-же Гаватто-

[1]) Опредѣлить число страницъ, по не ясности знаковъ, не можемъ.

вича присоединены приспособительно ко вкусу народа. Кто издатель книжки, неизвѣстно, но издана она во Львовѣ и вѣроятно въ томъ же году, въ которомъ играна трагедія, ходя сама трагедія и интермедіи могли быть написаны и раньше.

Помѣщаемыя теперь нами въ русской транскрипціи интермедіи какъ по содержанію, такъ и по пріемамъ ихъ сложенія, имѣютъ большое сходство съ тѣми интермедіями, прототипами которыхъ они служили и которыя въ XVIII вѣкѣ слагались профессорами кіево-могилянской академіи (Митрофаномъ Довгалевскимъ, Георгіемъ Конисскимъ и др.); но существенно отличаются отъ нихъ тоническимъ размѣромъ стиха. Въ нихъ, какъ и послѣдующихъ интермедіяхъ, выводятся на сцену простолюдины, которые говорятъ „слогомъ простымъ, деревенскимъ мужицкимъ („Піитика“ М. Довгалевскаго 1736—1737 г)[1]), равно воспроизводится какой-нибудь потѣшный, анекдотическій эпизодъ, не рѣдко заимствованный изъ области чисто народныхъ побасенокъ.

Содержаніе первой изъ нашихъ интермедій такое: (го)сподарь, или какой-то сельскій хозяинъ *Стецько*, состоятельный, но наивный и простой, идетъ изъ ярмарки домой, накупивъ тамъ горшковъ. Къ нему подходитъ хитрый *Климко*, распрашиваетъ Стецька о его состоятельности и изъявляетъ охоту пойти къ нему въ услуженіе; тотъ обѣщаетъ хорошо кормить его, а этотъ рекомендуетъ себя, какъ ловкаго охотника-звѣролова, въ доказательство чего показываетъ мѣшокъ съ пойманною будто-бы имъ въ лѣсу лисицею, которую и предлагаетъ купить своему будущему хозяину. Между тѣмъ въ мѣшкѣ былъ котъ и простодушный Стецько, не подозрѣвая обмана и не видя предмета своей купли, *торгуетъ кота въ мѣшку*. Послѣ усиленнаго торга сошлись на 4-хъ грошахъ. Неповоротливый Стецько долго возится съ мѣшкомъ, что-бы развязать его и полюбоваться своею покупкою, а ловкій Климко тѣмъ временемъ незамѣтно ускользаетъ, захвативъ съ собою Стецьковы горшки и сукманъ. Наконецъ Стецько открываетъ мѣшокъ, но котъ мгновенно выскакиваетъ изъ него и убѣгаетъ въ поле. Обманутый Стецько разводитъ руками и плачется о своей потерѣ; но тутъ къ нему снова подхо-

---

[1]) Смотр. «Очерки изъ исторіи украинск. литературы XVIII в.», Н. Петрова.

дитъ Климко, переодѣтый уже въ другое платье, кладетъ въ сторонѣ горшки Стецьковы, прикрываетъ ихъ его-же сукманомъ и подъ видомъ сторонняго человѣка распрашиваетъ Стецька о его бѣдѣ, изъявляетъ готовность отыскать обманщика и увѣряетъ, что послѣдній спрятался гдѣ либо въ травѣ. Начинаются поиски. Климко указываетъ на сукманъ, увѣряетъ, что-то лежитъ обманщикъ и подзадориваетъ Стецька побить его. Довѣрчивый Стецько беретъ палку и начинаетъ колотить воображаемаго врага, но разбиваетъ только собственные горшки. Заслышавъ трескъ горшковъ и увидѣвъ новый свой обманъ, онъ съ плачемъ уходитъ жаловаться пану; а скрывшійся отъ него Климко, являясь предъ зрителями, хвастается тѣмъ, что ему удалось дважды обмануть простака и идетъ искать другую жертву для обмана. Народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ.

Еще народнѣе по содержанію другая интермедія Гаваттовича, сюжетъ которой таковъ: два мужика, торгующіе волами, Максимъ и Грицько, обыватели с. *Городка*, продали на ярмаркѣ [1]) воловъ и возвращаются домой. Къ нимъ присоединяется Динисъ изъ Каменца-Подольскаго. Дорогой всѣ они проголодались, а хлѣба ни у кого ни куска. Вдругъ слышатъ запахъ пирога, начинаютъ искать и находятъ, но всего одинъ. Какъ троимъ дѣлиться однимъ пирогомъ? Хитрый Динисъ предлагаетъ товарищамъ лечь спать и кому приснится найлучшій сонъ, тому и достанется пирогъ. Предложеніе принято; Максимъ и Грицько ложатся спать, а Динисъ украдкой съѣдаетъ пирогъ и вскорѣ будитъ товарищей, приглашая ихъ разсказать, кто во снѣ что видѣлъ. Максимъ передаетъ, что снилось ему, будто онъ былъ на небѣ, видѣлъ тамъ святыхъ и самаго Бога, участвовалъ въ небесной трапезѣ, на которой было все, что лучшаго употребляютъ люди на землѣ. Грицько напротивъ разсказываетъ, что снился ему адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ. Хитроумный Динисъ такъ сказалъ обоимъ: былъ и я на

---

[1]) Въ м. *Каменкѣ*, гдѣ была играна и самая интермедія.—Не будетъ-ли это нынѣшняя *Струмилова-Каменка*, мѣстечко въ Галиціи. въ Жолковскомъ деканатѣ. при зап. Бугѣ, къ востоку отъ м. Жолквы?.

небѣ, поднялъ меня туда во снѣ ангелъ, взявъ за волосы; видѣлъ я, какъ ты, Максимъ, ѣлъ до сыта за трапезой Господней, и просилъ у тебя хоть кусокъ чего, а ты говорилъ: да тамъ пирогъ, и ангелъ сказалъ: не надо; видѣлъ и тебя, Грицько, въ мукахъ пекельныхъ, и ты еще кричалъ: не увидишь меня больше, на вѣчныя муки осужденъ, возьми и съѣшь пирогъ... а ангелъ снова поставилъ меня тутъ, ну... я и съѣлъ пирогъ. Обманутые Максимъ и Грицько прогоняютъ „до біса" Динпса, а онъ прикидывается, будто не понимаетъ причины ихъ неудовольствія: „ось біда; сами пирігъ зьисти казали, та ся роcгнивали!" Тѣ выходятъ изъ терпѣнія и гоняются за шутникомъ, а онъ отъ нихъ убѣгаетъ.—Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ.

Въ обѣихъ интермедіяхъ насъ можетъ интересовать сколько ихъ форма и содержаніе, съ ярко выступающимъ народнымъ міросозерцаніемъ и бытовыми чертами того времени, столько-же и размѣръ стиха и фонетическія и лексическія особенности языка. Здѣсь мы видимъ смѣшеніе метрическаго сложенія и силлаба: первые два стиха близки къ размѣру народныхъ пѣсень; далѣе идетъ хорей, смѣняющійся по мѣстамъ силлабомъ; каждая строфа дѣлится на двѣ части, оканчивающіяся риѳмами, каждая часть строфы за немногими исключеніями даетъ четырехстопный хорей. Въ эту мѣрку втискиваются вопросы одного и отвѣты другаго лица съ нарушеніемъ строфъ обыкновенныхъ, потому принятый размѣръ дается автору не легко, выдерживается съ трудомъ и ведетъ его къ частымъ нарушеніямъ въ удареніяхъ. Было-бы ошибочно считать за имствованіемъ словъ польскихъ и сокращеніями въ духѣ польскаго языка то, что не подходитъ къ нашему украинскому говору,—оно живетъ и теперь въ народномъ галицкомъ говорѣ. Впрочемъ всѣ вопросы о размѣрѣ стиха и языка интермедій предоставляемъ разрѣшить спеціалистамъ-филологамъ, какъ и вообще опредѣлить по достоинству этотъ рѣдкій памятникъ южно-русской письменности начала XVII в., мы-же дѣлаемъ лишь бѣглую замѣтку для облегченія первоначальнаго съ нимъ ознакомленія.

Былъ-ли авторъ интермедій Гаваттовичъ русинъ или полякъ, сказать не можемъ; но несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ языкъ

народный и старался въ возможно болѣе чистомъ видѣ вложить его въ уста дѣйствующихъ въ его интермедіяхъ лицъ. При всемъ томъ языкъ Гаваттовича не болѣе близокъ въ простонародной рѣчи даннаго мѣста и времени, какъ и языкъ Довгалевскаго и Конисскаго. Ученые схоласты XVII—XVIII вв. вообще пренебрежительно относились къ народной рѣчи, а потому они не были въ состояніи воспроизвести совершенно вѣрные ея образцы. Тѣмъ не менѣе языкъ помѣщаемыхъ интермедій представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ для филологовъ какъ по множеству особенностей и отличій мѣстнаго галицкаго говора, сохранившихся и понынѣ, такъ и по обилію слѣдовъ и формъ архаическихъ. Допуская, что онъ могъ пострадать отъ польской транскрипціи, слѣды которой чувствуются и въ нашемъ спискѣ, замѣтимъ однако, что совершенно таковъ языкъ судебныхъ актовъ южно-русскихъ XVI—XII вв. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ личныхъ показаніяхъ свидѣтелей или потерпѣвшихъ, сильно пробивается наружу изъ подъ канцелярской оболочки живая народная рѣчь.

Intermedium po akcie wtorym. (Интермедія послѣ втораго дѣйствія).

Persony: Klimko z garcami. Stecko kota w worce ma na grzbiecie. (*Лица: Климко съ горшками, Стецько держитъ на спинѣ кота въ мѣшкѣ*).

Климко. Що ты тутъ, побратиме, собі норабляешь?
Кажи мині, якъ живешь, та и якъ ся маешь?
Стецько. Я тутъ не роблю ничого. Ось иду до дому свого
Та и зъ тоіеми горшками, якъ зъ своими сусідами.
Климко. Та на що такъ много маешъ?—либой на жонку кидаешъ?
Стецько. На що? Чи хочешь вірити, що люблю хороше жити,
Всёго достатекъ варити кажу, та ся не курчити, [1])
Такъ яко приналежаетъ сподарови, що все маетъ.
Климко. Бохмесь, чоловікъ хорошій. Либой маешъ много гроши

---

[1]) *Курчитися*, польск. kurczyć się,—корчиться; въ переносномъ значеніи скаредничать, скупиться.

Стецько. Та що маю? *Кл.* Та дожитокъ. *Ст.* Маю тотъ на полю вшитокъ.

Суть тамо овцы, бараны, котроми частую паны;

Суть волы, та й коровы,—все маю, коли-мъ здоровый.

Климко. Та и много поля маешь? *Стецько.* Маю,—та що такъ питаешь?

Климко. Бо хочу тобі служити, зъ тобою вікъ провадити.

Стецько. Коли хочешь, гараздъ служи, хоть ся и шинкаркомъ длужи.

Коли пінізи маемо,—все мы тое поплатимо,

Лише хоць вірне служити. *Климко.* Кажи-жъ, що будешъ варити

Для мене. *Ст.* Хотъ видишь горшковъ много, що-мъ до дому свого

Тутъ покупивъ на ярмирку,—купилемъ и тую мірку,

Що будемъ собі зъ ней пити,—та питаешь, що варити

Буду? Ось въ тоімъ борщика, въ тоімъ яглы до молока;

Коли рыбы достанемо, въ тоімъ горщику зваремо,

А въ тоімъ ся зварить тісто, въ тоімъ коропы розписто,

Въ тоімъ капусту густою, въ тоімъ розпустимо лою,

До гороху, оттакъ знаишь, та и пироговъ ся наишь;

Въ горшку ихъ поваремо, та и въ тимъ шпирокъ насмажемо.

Та що бысь хотівъ иншого? Що маемъ, наваримъ много.

Климко. Бог-ме, я буду служити, коли такъ схочешь варити.

Та же ся хороше маешь. *Стецько.* Та ты що робити знаешь?

Кажи, що бы-мъ слугу свого знавъ, та ласкавъ бывъ на ніого.

Климко. Я чоловікъ все робити знаю, та волки ловити,

Що бы овець не псовали, та быдла не розганяли.

И иншого звера много достану ось зъ ліса того.

Лисицю, що-мъ имыю, несу, та за длугъ ю понесу.

Стецько. Того слуги потребую—та южъ ся тобі радую;

Будешь-же ся гараздъ мати, та борзо хочъ прибывати.

Климко. Гараздъ. Та ты звірка того купи, дамъ іего не дрого.

Будешь до тей шапки мати. *Стецько.* Коли бы го огледати?

Климко. Ище быстрый, теперъ зъ ліса, утюкъ-бы мені до біса.

Дома іого оглядаешъ, гей-же хорошій—пузнаешь.

Стецько. Якъ іого шацуешь собі? *Климко.* За шисть осмаковъ дамъ тобі.

Стецько. Вельми зацінивъ-есь много. *Климко.* Кажи, що дашъ, дамъ не дрого.

Стецько. Три осмаки возьми собі. *Кл.* Дай пять. *Ст.* Не дамъ. *Кл.* Жичу тобі.

Стецько. Много. *Кл.* А хочешь купити—чотыри, та будемъ жити
Собі, лише длухъ однесу, та горшки те то понесу
За тобою. *Стецько.* Еще много хочешь. *Климко.* Та, Бог-ме, не дрого,
Такъ бо емъ я виненъ сила, коли-жъ-мо тамъ въ корчмі пила.

Стецько. Бери-жъ южъ чотыри гроши, та ся верни якъ хорошій.

Климко. Гараздъ, и зъ міхомъ зоставлю, та не вельми ся забавлю.

Tu odchodzi Klimko, a Stecko oglądaie lisicę. (*Тутъ Климко уходитъ, а Стецько принимается смотрѣть лисицу*).

Стецько. Осмотру тую лисицю, чи будетъ пидъ рукавицю,

(*Kot uciekaie—Котъ уходитъ*).

Та и пудъ шапку красцы(н)ко. Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавивъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось кота въ міху купивъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
И-же у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери.

Szuka garnkow, szuka sukni, ktorą położył na garnkach. (*Ищетъ горшковъ, ищетъ одежи, которую положилъ на горшкахъ*).

Та и горшки либой пукралъ. Ось матінко, що-мъ я выгралъ
На тому лихимъ ярмирку! Бісъ взявъ изъ горшками мірку
И сукни либой не маю. Що ма-мъ діяти—не знаю.
Бідна-жъ моя головонько! О, несчастная-жъ матонько,
Щось мя на світъ народила, що-мъ такъ нинка стративъ сила.

Przychodzie, przebrawszy się w inną suknią, a garnce położy gdzie (indziej) y przykryje iego suknią, ta trawą potrząsie. (*Приходитъ, переодѣвшись въ другое платье, а горшки кладетъ въ другомъ мѣстѣ и прикрываетъ ихъ его одежею и притрушиваетъ травою*).

Климко. Та що, побратиме, тобі? *Стецько.* Чи жартуешь зъ мене собі?
Наробивши та не знаешь? Горшки укравъ та питаешь?
И сукману... та и здрадилъ мене въ торгу: кота-сь всадилъ

Въ міхъ, та-же лисицу маешь, казавъ-есь, що ю продаешь,
Тою-мъ я заплатилъ тобі, а того-мъ не змыслилъ собі,
Що я-мъ въ тотъ міхъ не загледівъ, а тысь пришолъ, що бысь шыдивъ,
И ще, що ми есть, питаешь, та ся зъ мене насмѣваешь.

Климко. Та що ты на мене кладешь? Що-мъ ся тутъ натрапилъ, радъ есь.
Не мамъ кимъ освядчити, що й смілъ то на мене вложити.

Стецько. Якъ тебе зовуть?—питаю. *Климко.* Климко. *Стецько.* О, того не знаю,
Якъ здрайцу зовуть тамъ того, та бо шапка власна іого,
Та для того-мъ гадавъ собі, що онъ, тамъ тотъ мовилъ тобі.
Прошу-жъ, пробачъ вину тую. *Климко.* Милый брате, я зъ тобою,
Та якъ кажешь, що тя здрадивъ,—кота впередъ въ тотъ міхъ всадивъ?

Стецько. Ой, такъ. *Кл.* Та и пукралъ гроши? *Ст.* Пукралъ. *Кл.* Чловікъ не хорошій.
Та и мівъ служити тобі? *Ст.* Мівъ. *Кл.* Зъ грошами пойшолъ собі?

Стецько. Такъ, брате. *Кл.* То й горшки укралъ? *Ст.* Такъ. *Кл.* Та-сь ты іого не шукалъ?

Стецько. Нітъ, бо ся ты натрапилесь. *Кл.* Теперь-то? *Ст.* Теперь. *Кл.* Зблудилесь!
А хочешь мині вірити? Здастъ-ми ся, що-мъ мілъ видіти
Теперъ чоловіка того, що мілъ горшковъ вельми много.
Тотъ либой. *Ст.* Либой. *Кл.* Сукману, що тобі благому пану
Либой взявъ, пісь на палиці, та собі лігъ на травиці.
О Бугъ-ме тотъ, бо шарая сукмана была такая.

Стецько. Такая, такая. *Климко.* Чи хочешь ми вірити.
Коли-ць того покажу, не хочъ го живити.
Ось лежить! А тотъ?.. *Стецько.* Тотъ, тотъ! *Климко.* Ну-жъ, тою палицю
Гараздъ іого по хребті, же зважетъ травицю
Пасокою. *Стецько.* О, буду-жъ іого шмаровати!
Муспть мині и горшки и все поврацяти.
Та якъ мудрый накрывъ ся, ось видишь, травою,

Що бы не зглидино. *Климко.* Бий кріпко, та свою
Сукману и все побери, а іого въ світі не дери.

To Stecko, zakasawszy sobi recę, (bije) w garce, a Klimko ucieka. (Климко, закачавъ рукава, бьетъ по горшкамъ, а Стецко убѣгаетъ).

Стецько. О, матіонко, матіонко! теперь-же ми лихо.
Чи бісъ, чи лихъ чоловікъ управилъ мене тихо
Въ то нестестіе велике, що-мъ убоство свое
Потолкъ, въ нивочъ обратилъ ти горшки мое.
Що ся діять? Чи Богъ то милостю справити
Хотилъ такое річи на мене пустити,
Чи лихіи люде? О, Боже милостивый!
Коли-жъ бы ся тотъ трапилъ чоловікъ здрадливый,
Що ми такое річи, ось пане, наброилъ,
Пузналъ бы, якъ-бы-мъ дывы коло ніего строилъ...
Возму жъ претя тую сукману, пійду ся скарити пану.

Odchodzi Stecko, a Klimko przychodzi, smiejąc się. (Уходитъ Стецко, приходитъ Климко, смѣясь).

Га, га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловіка-мъ ошукавъ, признамъ ся до того.
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махліовати.
Пойду ище та знайду, кого ошукати.

Интермедія вторая послѣ 3-го дѣйствія.

(Intermedium drugie po akcie trzecim).

Persony: Maxim, Rycko, Dynis.— Wołowcovie. (Лица: Максимъ, Грицько, Денисъ—торгующіе волами).

Максимъ. Идимъ-же, брате, южъ въ тою, що идемо, дорогою,
Колись-мо южъ сторговали, та и вси волы продали
На тоимъ лихимъ ярмарку. Не будемъ бильше шарварку
По тоихъ волахъ робити, лінше на флисі [1]) служити.
Грицько. Лінше, брате, я зъ тобою иду, ты иди зо мною.

---

[1]) *Флисъ*, польск. *flis*, navigatio fluvitatis, гонка плотовъ или рѣчныхъ судовъ.

Динисъ. Эй, побратимове, стойте, та ще говору почуйте.
Далекъ идете?—кажите, та зъ собою ме везмите.
Помагай Богъ вамъ. *Гр.* Здоровый будь, та короткими словы
Кажи, о що питаемо, та якъ тебе звати маемо.

Динисъ. Я-мъ зъ Камінця Подольского, пришолъ до місточка того
На ярмарокъ зъ волы, та Динисъ істемъ. *Мак.* Та бісъ тя тутъ принісъ.
А мы вудъ Городка—знаешъ? *Дин.* Знаю. *Макс.* Далекъ пойти маешь?

Динисъ. Ось ко бы ся зъ кимъ трапило, що бы насъ хотъ зе три было.
Ишолъ бы-мъ на флисъ. *Гр.* Иди-жъ зъ нами, та мы идемъ отъ двай самы.

Динисъ. О слава-жъ Господу Богу, шо-мъ знашолъ въ тую дорогу
Товариство хорошое. Ось насъ будетъ теперъ трое.

Postępuią troche, a Dynis pyta ich o chleb. (*Подаются немного впередъ, а Денисъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба*).

Ой, братіонкове, слухайте, та що мині істи дайте,
Забывъ-смъ хліба купити, безъ котрого трудно жити.

Максимъ. Эй, брате, и я не маю. Грицю, ты маешь, я знаю.

Грицько. Та ты хліба не купивъ-есь? Отъ такъ собі наридивъ-есь!
Та я-мъ се на тебе спустилъ, шо-сь ты хліба купити мілъ.

Максимъ. Та що будемо чинити, либой придетъ глодъ терпіти.
А вельми ся хочетъ істи, шо-сь не купилъ тожесь чистый.

Postępuią daley, Dynis znowu pocziuie pirogi. (*Подвигаются далѣе. Денисъ вновь слышитъ запахъ пирога*).

Максимъ. О, пахнуть! *Гр.* Пахнуть. *Дин.* Шукаймо, та говорити престаньмо.
А якъ дастъ Богъ, тутъ знайдемо, то ся вси три поделимо.
Та ось пирухъ на травицы, бувъ либой вырісъ зъ землицы.
О, слава тобі, Господи! О минутъ насъ теперъ глоды,
Коли бульше достанемо. *Максимъ.* Любой юже не знайдемо.
Та що ту есть за травая, що родитъ пироги тая.

Ось ище будуть пироги, коли ся вернемъ зъ дороги.
Будемъ тою траву знати, та тутъ пироги искати,

Грицько. А зъ тимъ що будемъ чинити? Любой ся придеть ділити.

Динисъ. Хоть ся ділити схочемо, претя се вси не наимо.
Насъ три, а тотъ пирогъ малый. *Максимъ.* Та хоть-бы одинъ зъілъ цалый,
Кривда-бы засъ иншимъ была, бось-мы го всі три зглядили.

Грицько. Вятъ ся ділити будемо. *Динисъ.* А коли такъ учинимо—
Котрому ся що ліпшого приснить, будеть пирогъ іого.

Максимъ. Гараздъ, гараздъ! *Грицько.* Вятъ лягаймо, та вси три позасыпаймо.

Динисъ. А тотъ пирогъ нехъ тутъ буде, вшакъ же ту не украдуть люде.

Pokładą sie, a Dynis wstawszy pyrog zie y układzie sie, w tym ich budzit. (*Укладываются, а Денисъ, поднявтпсь, ѣстъ пирогъ и укладывается, а потомъ будитъ ихъ*).

Максимъ. Гей, братя, я-мъ въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ.
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я тамъ моглъ огледати.
Та тотъ небо, якъ золотый замокъ, що такой работы
Въ світі-мъ не видалъ красное. Муры мѣетъ золотое
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне та світное.
Та и мустъ тамъ есть золотый. Та я собі передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикають ангели, ти же співають
Хороше. Та святыхъ много стоить вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седить за столомъ, а всі бьють передъ нимъ чоломъ,
Та ся и всі такъ жегнають, якъ мы въ церкви, та співають.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живое ея рушило. Отъ братя, тотъ ея ми снило!

Динисъ. То южъ ці все выповідилъ? *Максимъ.* Ище; бо-мъ тамъ внетъ зеглідивъ

Що потравы принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было жъ, было жъ тамъ много їсти! Не пребачу того.
Было мясо, поросята; были печени курчата.
Было тамъ и вареное, та было и смаженое.
Все хорошо, и зъ юшкою білою, та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамо были, та и борщика зварили
Та была и капустая, и горохъ, была кашая
Та была тамъ и ботвина, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ небі мілемъ, на банкеті що тамъ былемъ.

Грицько. Та я, братонку, въ пеклі бывъ. Ой тамъ-же тамъ біду терпівъ.
Чарневцы тамъ по голові были мя, та по хрептови
Літунове, та тамъ всіого. Виділемъ поспольства много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратимове,
Суть тамъ и лихое жонки, суть не великі дітонки.
Вси гореють ажъ по уши. Біда жъ тамъ и моеи души
Была, та на вічни віки, кажуть, будешь терпіть муки.
То-тъ ся мині лише снило; бодай ся тотъ не трапило.

Динисъ. Та я, братя, собі лежу, та ось, Гангелъ идетъ, вижу,
Та тотъ, до мене пришодши, порвалъ мене за волосы
Та ме посадилъ на небі, то я тамъ виділемъ тебе,
Що ты собі уживалъ-есь, то-мъ я просилъ, що бы далъ-есь
Мині що, куска одного; не хотилъ-есь, все то того
Пирога казавъ-есь зъ неба, та Гангелъ: южъ те не треба
Тутъ, рыклъ мині, товариша коли-сь виділъ. Ажъ у біса
Другій седить въ тоимъ пеклі, та ме тамъ ставилъ при теплі,
Ажъ ты на мене киваешь, та слова таки волаешь:
Южъ мене не гледаешъ; возьми пирогъ, що тамъ маешъ,
Та зьишъ, бо на вічни віки тутъ буду терпіти муки.
Та той Гангелъ тутъ ме ставилъ, та я-мъ се пирога наілъ.

Максимъ. Либой. *Динисъ.* Ой, такъ. *Максимъ.* Эй, Динису, идижъ ты собі икъ бісу.

Коли не будетъ пирога, будешь плакати на Бога.

Динисъ. Вшакожъ ты ся наілъ въ небі. *Грицько.* Якъ я, баламуте, тебе

Почну палыцью взбирати, не будешь ты жартувати.

Динисъ. Ось біда! зъісти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й пришолъ, хоть бысь и до біса пошолъ!

Динисъ. Коли-мъ пирогъ зъілъ, не дбаю... та южъ ся зъ вами жегнаю.

Uciekaie, a oni za nim (*убѣгаетъ, а они за нимъ*).

Сообщ. **М. Т—въ.**

Библіографія.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569 г.). С.-Петербургъ. 1883 г.

Сочиненію, заглавіе котораго мы выписали выше, авторъ предпослалъ въ прошломъ году два тома документовъ, на которыхъ онъ и основываетъ по преимуществу свой историческій разсказъ и добытые имъ выводы. Сборникъ изданныхъ документовъ носитъ заглавіе: «*Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1569 г.*» и вмѣщаетъ въ себѣ 660 актовъ. Весь этотъ архивный матеріалъ извлеченъ г. Бершадскимъ изъ книгъ литовской метрики, а также изъ архивовъ виленскаго и кіевскаго и стоилъ автору четырехъ лѣтъ крайне упорнаго и усидчиваго труда.

Само изслѣдованіе г. Бершадскаго представляетъ трудъ вполнѣ самостоятельный и критическій, исполненный въ высокой степени добросовѣстно и разработанный крайне тщательно до малѣйшихъ подробностей. Мы не встрѣтили въ немъ ни малѣйшаго положенія, которое не было-бы подтверждено многочисленными ссылками и цитатами изъ архивнаго матеріала. Конечно, такой методъ изслѣдованія возбуждаетъ полное довѣріе къ выводамъ автора, а это тѣмъ болѣе важно, что изслѣваніе открываетъ намъ цѣлую область историческихъ данныхъ или совершенно понынѣ неизвѣстныхъ, или представлявшихся весьма не точно, не полно и очень часто при ложномъ освѣщеніи.

Трудъ г. Бершадскаго раздѣленъ на шесть главъ, изъ которыхъ три (3, 4 и 6) посвящены исторіи литовскихъ евреевъ за время 1388—1569 г. Двѣ другія главы (2 и 5) представляютъ какъ-бы введеніе и разъясненіе, необходимое для пониманія главнаго сюжета разсказа, наконецъ 1-ая составляетъ послѣсловіе, изображая въ главныхъ чертахъ бытъ евреевъ литовскихъ отъ люблинской уніи (1569 г.) до нашего времени. Мы передадимъ вкратцѣ содержаніе труда г. Бершадскаго въ

томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, какъ намъ кажется, естественно укладывается при изложеніи избраннаго авторомъ сюжета.

Вторую, довольно обширную, главу своего сочиненія авторъ посвятилъ оцѣнкѣ сочиненій тѣхъ писателей, которые раньше занимались исторіею литовскихъ евреевъ; онъ весьма внимательно опредѣляетъ и разсматриваетъ источники, которыми пользовались его предшественники, слѣдитъ за методомъ ихъ изложенія и указываетъ какъ достоинства каждаго труда, такъ и недостатки, зависѣвшіе или отъ скудости матеріала извѣстнаго авторамъ, или отъ невнимательнаго съ нимъ обращенія, или отъ предвзятой a priori точки зрѣнія; наконецъ, онъ безпощадно обличаетъ легкомысліе и компиляторскіе пріемы нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, болѣе или менѣе удачно замаскированные самоувѣреннымъ тономъ изложенія. Болѣе всего вниманія г. Бершадскій обратилъ на книгу Чацкаго: «Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ», такъ какъ она понынѣ считается вполнѣ авторитетнымъ сочиненіемъ для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Отдавая полную справедливость эрудиціи Чацкаго, «его многосторонности, разнообразію источниковъ и богатству содержанія книги», г. Бершадскій замѣчаетъ и важнѣйшія ея недостатки: небрежное по временамъ пользованіе источниками, не точную передачу ихъ содержанія, допущеніе ссылокъ на источники сомнительные и не провѣренные критикою и, что важнѣе всего, онъ указываетъ ошибку въ основномъ воззрѣніи Чацкаго, вслѣдствіе которой онъ отождествлялъ права евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда оба государства пользовались каждое отдѣльнымъ законодательствомъ. Затѣмъ мы находимъ весьма почетный отзывъ о сочиненіи проф. Леонтовича: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ». Признавая большое научное достоинство за этимъ трудомъ, г. Бершадскій не соглашается однако съ многими его положеніями, объясняя свое разногласіе скуднымъ относительно количествомъ историческаго матеріала, которымъ въ свое время въ состояніи былъ пользоваться проф. Леонтовичъ. Къ сочиненіямъ, привнесшимъ новые матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, г. Бершадскій относитъ изслѣдованія: Гумпловича «Польское законодательство о евреяхъ» и Мацѣевскаго — «Евреи въ Польшѣ, на Руси и Литвѣ», хотя съ авторами ихъ онъ несогласенъ и въ основныхъ положеніяхъ и въ разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ и подробностей. Наконецъ, разсматривая сочиненія Голлендерскаго, Штернберга и Краусгара, авторъ обличаетъ ихъ компиляторскій характеръ, незнакомство съ источниками, легкомысліе выводовъ, по временамъ плагіаты или ссылки совершенно произвольныя и фантастическія.

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Бершадскій представилъ сжатый, но вполнѣ обстоятельный очеркъ учрежденій и внутренняго быта въ великомъ княжествѣ литовскомъ до люблинской уніи; онъ указалъ существенныя черты финансоваго и административнаго управленія страны, распредѣленія землевладѣнія, очертилъ предѣлы власти великаго князя, значеніе «Рады» литовской, положеніе сословныхъ группъ въ государствѣ и заключилъ свой очеркъ указаніемъ тѣхъ измѣненій государственнаго строя, которыя клонились къ подготовкѣ люблинской уніи. Сдѣлать этотъ очеркъ г. Бершадскій былъ поставленъ въ необходимость, такъ какъ безъ яснаго представленія о порядкѣ управленія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, не былъ-бы понятенъ главный сюжетъ его разсказа и при существованіи значительной доли привычки къ смѣшиванію польскаго устройства съ литовскимъ, послѣдующее, т. е. все существовавшее въ этомъ отношеніи послѣ люблинской уніи, поставляется часто вмѣсто предъидущаго, а вслѣдствіе этого происходитъ и по данному вопросу основная, замѣченная г. Бершадскимъ ошибка, т. е. права и бытъ литовскихъ евреевъ смѣшиваются съ правами и бытомъ евреевъ польскихъ. Очеркъ внутренняго состоянія литовскаго государства исполненъ г. Бершадскимъ прекрасно и, насколько припомнимъ, представляетъ первый солидный опытъ такого описанія въ исторической русской литературѣ.

Въ третьей главѣ г. Бершадскій приступаетъ къ изложенію главнаго сюжета своего сочиненія и начинаетъ ее весьма тщательнымъ опредѣленіемъ первыхъ юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ права евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ; такими памятниками были грамоты, данныя въ 1388 г., великимъ княземъ Витовтомъ еврейскимъ общинамъ городовъ: Трокъ, Бреста и Гродна (1389 г.). Авторъ весьма тщательно разсматриваетъ и сличаетъ между собою всѣ изданные понынѣ тексты этихъ привилегій и старается точно опредѣлить относительную достовѣрность каждаго изъ нихъ, и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности посредствомъ ихъ сопоставленія; затѣмъ онъ сравниваетъ привилегіи Витовта съ аналогическими привилегіями другихъ странъ, съ цѣлію опредѣлить источникъ, послужившій Витовту прототипомъ для опредѣленія правъ евреевъ въ великомъ княжествѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что образцомъ такимъ Витовту служили нѣсколько видоизмѣненныя грамоты, данныя силезскими герцогами и князьями еврейскимъ общинамъ своихъ городовъ; исключеніе, по мнѣнію автора, составляетъ грамота, данная гродненской еврейской общинѣ, которая, по его словамъ, была «произведеніемъ чисто литовской жизни», безъ всякаго вліянія иноземныхъ юридическихъ образцевъ. Что касается самаго со-

держанія Витовтовыхъ привилегій, то онѣ гарантировали слѣдующія права евреямъ трехъ названныхъ городскихъ общинъ: евреи признавались людьми свободными, подчиненными непосредственно великому князю и его намѣстникамъ и изъятыми отъ зависимости отъ городскихъ войтовъ и урядовъ. По уголовнымъ дѣламъ они подсудны великому князю, его старостѣ или-же подстаростѣ, который носилъ названіе «жидовскаго судьи». Еврейскія общины пользовались автономіею въ сферѣ дѣлъ религіозныхъ и имѣли право суда по имущественнымъ дѣламъ своихъ членовъ. Правительство гарантировало евреямъ неприкосновенность жизни и личную безопасность, приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ; оно также охраняло ихъ имущество, свободу торговли и промысловъ и свободу религіозную наравнѣ съ мѣщанами. Изъ текста грамотъ видно, что евреи, поселившіеся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, занимались въ XIV столѣтіи ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и земледѣліемъ, болѣе-же богатые держали въ откупу разныя статьи государственныхъ доходовъ великаго княжества литовскаго. Эти послѣдніе быстро богатѣли, пріобрѣтали покупкою и пожалованіемъ поземельную собственность и не рѣдко являлись кредиторами правительства на довольно крупныя суммы; за то вся масса еврейскаго населенія не особенно богатѣла и приростъ ея населенія былъ весьма незначителенъ въ теченіи перваго столѣтія послѣ изданія Витовтовыхъ грамотъ—за все это время г. Бершадскій нашелъ свѣдѣнія о возникновеніи трехъ только новыхъ еврейскихъ общинъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ: въ Владимірѣ, Луцкѣ и Кіевѣ.

Въ 1495 году евреевъ литовскихъ постигла совершенно неожиданная гроза: великій князь Александръ Казимировичъ, въ первые годы своего княженія не заявлявшій никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, вдругъ издалъ въ 1495 г. указъ о томъ, чтобы «жидову зъ земли вонъ выбити». Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ евреи великаго княжества литовскаго должны были немедленно оставить его территорію, принадлежавшіе имъ дома и земли были конфискованы и частью розданы или проданы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, частью зачислены въ государственныя имущества; суммы, занятыя евреями разнымъ лицамъ, были объявлены погашенными, тѣ-же долги, которые были заняты подъ обезпеченіе поземельной собственности, приказано было вносить въ государственную казну. Изгнанные евреи нашли пріютъ въ Польшѣ, главнымъ-же образомъ въ пограничной съ Литвою холмской землѣ, имущество сохранили только тѣ лица, которыя изъявили готовность принять крещеніе. Послѣднее обстоятельство придавало распоряженію великаго князя Александра значеніе мѣры, вытекавшей изъ религіознаго

прозелитизма, но, разсмотрѣвъ ближе документы, относящіеся къ данному дѣлу, г. Бершадскій пришелъ къ убѣжденію, что религіозный прозелитизмъ служилъ только благовиднымъ предлогомъ для другихъ, болѣе матеріальныхъ побужденій; Александръ, какъ кажется, руководился болѣе всего желаніемъ пополнить конфискаціею средства своей казны, истощившіяся вслѣдствіе московской войны, и притомъ имѣлъ въ виду способствовать развитію городовъ, какъ самыхъ надежныхъ плательщиковъ, и желалъ достичь этого развитія, выдавая многимъ городамъ привилегіи на магдебургское право и зазывая для поселенія въ нихъ иностранцевъ: нѣмцевъ, шведовъ и т. п., для которыхъ онъ и назначалъ дома, конфискованные у евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ихъ поощрить, устранивъ еврейскую конкурренцію. Но ожиданія Александра не сбылись—иностранные колонисты не явились въ литовскіе города, фискальная-же цѣль была достигнута конфискаціею 1495 года. Потому, восемь лѣтъ спустя, въ 1503 году тотъ-же великій князь Александръ уничтожилъ собственное распоряженіе и вновь разрѣшилъ евреямъ селиться въ великомъ княжествѣ, подъ условіемъ, что они будутъ доставлять въ войско отрядъ въ 1000 человѣкъ солдатъ или платить подать, соотвѣтственную расходу на наборъ и содержаніе такого отряда.

Возвратившись въ великое княжество литовское, евреи стали мало по малу селиться въ его городахъ, подвигаясь постепенно отъ западной границы во внутрь страны. Основываясь на окладныхъ листахъ и люстраціяхъ, г. Бершадскій находитъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе великаго княжества достигало цифры 10—12 тысячъ и распредѣлялось въ 20—25 городскихъ общинахъ (изъ нихъ только 5: владимірская, луцкая, кременецкая, острожская и ковельская находились на Волыни, всѣ остальныя были въ собственной Литвѣ или Бѣлоруссіи). Общины эти возникали такимъ образомъ, что, поселившись въ извѣстномъ городѣ, евреи испрашивали право на устройство синагоги и кладбища и получивъ таковое, при этихъ двухъ учрежденіяхъ устраивали автономныя общины; такимъ образомъ общины эти или «зборы жидовскіе», какъ ихъ тогда называли, исходя изъ западныхъ городовъ великаго княжества, постепенно появлялись въ городахъ, лежавшихъ все дальше и дальше къ востоку, и отдѣляли отъ себя новыя филіи, въ началѣ составлявшія какъ-бы составныя части первоначальныхъ общинъ, но потомъ, по мѣрѣ умноженія еврейскаго населенія, преобразовывавшіяся въ «зборы» автономные. Еврейскія общины получаютъ въ XVI столѣтіи правильную внутреннюю организацію: онѣ состоятъ подъ управленіемъ выборныхъ «старшихъ», которые завѣдываютъ всѣми общинными дѣлами, представляютъ общину передъ правительствомъ, занимаются раскладкою

и сборомъ податей и т. п. Сверхъ того въ каждой общинѣ существуетъ раввинъ, на обязанности котораго лежитъ попеченіе о религіозныхъ интересахъ общины, а также судъ по дѣламъ духовнымъ и по гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между членами общины, если послѣдніе не предпочитали обращаться къ христіанскому суду, что случалось впрочемъ весьма часто. Община еврейская, какъ автономная полноправная единица, крѣпнетъ въ это время и прочно сплачивается, она дорожитъ своею самостоятельностью, находитъ въ своемъ устройствѣ полную гарантію своихъ интересовъ и потому защищаетъ ревниво свою независимость. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ эпизодъ, разсказанный г. Бершадскимъ о попыткѣ Сигизмунда I, желавшаго объединить въ рукахъ одного лица управленіе всѣми еврейскими общинами: король этотъ выдалъ привилегію своему любимцу, богатому откупщику еврею, Михелю Іозефовичу изъ Бреста на генеральное старѣйшинство надъ всѣми еврейскими общинами въ великомъ княжествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвелъ его въ дворянское званіе. Но, не смотря на всевозможныя усилія короля, общины еврейскія не признали старѣйшинства Михеля и не обращались къ его суду, такъ что «генеральное старѣйшинство», не имѣя предмета дѣятельности, осталось чисто номинальнымъ и, послѣ смерти Михеля, не возобновлялось болѣе.

Пользуясь гражданскою равноправностью въ великомъ княжествѣ, евреи не выдѣляются изъ его народонаселенія въ исключительную группу, а напротивъ того постепенно сливаются съ населеніемъ туземнымъ въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ; они говорятъ между собою и пишутъ на русскомъ языкѣ и, послѣ люблинской уніи, неоднократно обращаются къ правительству съ просьбою употреблять по отношенію къ нимъ «для лепшого вырозумѣнія» русскій языкъ, вмѣсто польскаго и латинскаго; они носятъ мѣстныя русскія фамильныя названія (напримѣръ Шпакъ, Козакъ, Бородавка и т. д.), ведутъ совмѣстно съ христіанами торговыя операціи, находятся съ ними въ частномъ домашнемъ общеніи; наравнѣ съ христіянами занимаются земледѣліемъ не только въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ роли мелкихъ пахарей-собственниковъ и т. п. Пользуясь отсутствіемъ сословной исключительности въ великомъ княжествѣ, евреи, смотря по своимъ средствамъ, занимаютъ мѣсто въ рядахъ всѣхъ классовъ народонаселенія: болѣе вліятельные и богатые поступаютъ на государственную службу, занимаютъ разныя, иногда значительныя, должности, пріобрѣтаютъ помѣстья и въ такомъ случаѣ признаются членами категоріи «пановъ»; подобно дворянамъ они носятъ сабли, употребляютъ гербовыя печати.

бѣдные евреи занимаются торговлею, ремеслами, хлѣбопашествомъ и въ быту своемъ сливаются съ туземными мѣщанами и крестьянами.

Таково было положеніе евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ до любинской уніи; послѣ этого событія оно рѣзко измѣнилось: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя и фанатическій религіозный прозелитизмъ разрушили бытовыя черты литовской Руси и внесли въ ея историческую судьбу много печальныхъ явленій—они повліяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденія, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлею и другими городскими промыслами; подъ вліяніемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были составить обособленную, изолированную отъ остальнаго населенія, группу, сплотились въ своихъ общинахъ и вступили въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населеніемъ, которая и и вызвала страшный погромъ, постигшій евреевъ въ южной Руси въ 1648 г.

Г. Бершадскій первую главу своего сочиненія посвящаетъ бѣглому очерку внутренняго быта еврейскихъ общинъ и регулировавшаго этотъ бытъ законодательства съ конца XVII до половины XIX столѣтія. Возвратившіеся послѣ погрома евреи возстановили свое прежнее общинное устройство, но, оставаясь по прежнему изолированными, общины эти сами стали разлагаться; весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ «старшихъ» кагальныхъ съ массою еврейскаго населенія, которую они всячески эксплуатировали и притѣсняли, находя постоянно поддержку въ административныхъ властяхъ. Эта внутренняя борьба и составляетъ самую характеристическую черту быта евреевъ въ западной Руси до послѣдняго почти времени.

Мы постарались вкратцѣ передать только самыя существенныя положенія книги г. Бершадскаго; лица, интересующіяся болѣе спеціальною разработкою намѣченныхъ вопросовъ, найдутъ въ сочиненіи г. Бершадскаго тщательно разработанныя подробности, обставленыя вполнѣ серьезнымъ и весьма обильнымъ научнымъ матеріаломъ.

В. А.

Иванъ Өедоровъ, русскій первопечатникъ. Историко-библіографическое разсужденіе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.

Въ маленькой и бѣдной матеріальными средствами Галиціи чаще, чѣмъ у насъ, являются то большія, то меньшія изданія, посвященныя

преимущественно древней русской исторіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы старались по возможности знакомить съ ними нашихъ читателей. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не только мѣстный, но и общерусскій интересъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и названная сей часъ брошюра, посвященная памяти человѣка, имя котораго одинаково чтится въ Галиціи, какъ и во всей Россіи.

5-го декабря нынѣшняго года исполнится триста лѣтъ со дня кончины Ивана Ѳедорова, который первый началъ печатное дѣло—сперва въ Москвѣ, потомъ въ Бѣлоруссіи и наконецъ во Львовѣ. У насъ, гдѣ такъ часто празднуются всякаго рода юбилеи, мало слышно объ этомъ всероссійскомъ юбилеѣ и никто къ нему не готовится. Маленькая Галиція давно объ этомъ подумала, дѣлала и дѣлаетъ, что можетъ, чтобы отмѣтить въ своей жизни это не маловажное событіе, успѣла даже вызвать оппозицію своимъ скромнымъ начинаніямъ со стороны вѣчно враждующей съ нею польской партіи.

Къ числу такихъ начинаній надо отнести и брошюру, названіе которой мы привели. Ее написалъ старшій между галицко-русскими учеными, извѣстный о. А. Петрушевичь, протоіерей львовской митрополичьей капитулы. На лицевой сторонѣ обложки стоятъ слѣдующія двѣ строчки: «Изданіе львовскихъ русскихъ типографовъ въ вѣчную память львовскаго первопечатника Ивана Ѳедорова»; а на задней—въ простой черной рамкѣ вверху осьмиконечный крестъ, внизу колѣнопреклоненный молящійся ангелъ, и между ними молитвенныя строки: «Діакону Ивану Ѳедорову, львовскому первопечатнику, скончавшеумся 5 декабря 1583 г. во Львовѣ, сотвори Господи вѣчную память»! Самъ авторъ брошюры на особомъ листѣ обозначаетъ, что посвящаетъ ее... «основателю типографій въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острозѣ въ память тристалѣтной годовщины смерти его». Есть нѣчто трогательное и много говорящее въ этихъ строкахъ, простыхъ и краткихъ, и мы поймемъ это, если возьмемъ въ разсчетъ нынѣшнее положеніе русскихъ въ Галиціи. Эти же строки поясняютъ намъ и содержаніе брошюры и ея ближайшее назначеніе.

Она такъ велика по своему объему, какъ только могъ позволить скромный ея сюжетъ и слишкомъ скудныя библіографическія данныя объ Иванѣ Ѳедоровѣ. Только многосторонней начитанности автора и знакомству его со всѣми русскими источниками должно приписать то, что, что даже при извѣстной его крайней экономіи въ словахъ, брошюра въ 38 стр. in 8°. Въ ней достойный всякаго почтенія старецъ-книжникъ говоритъ вообще о судьбѣ славянскаго книгопечатанія въ Европѣ, говоритъ въ частности о началѣ его на Руси и въ Львовѣ,

въ особенности группируетъ разбросанныя свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳедоровѣ и его типографской дѣятельности и слѣдитъ дальнѣйшую судьбу начатаго имъ въ Львовѣ книгопечатнаго дѣла. Всѣ передаваемыя имъ свѣдѣнія изложены кратко, сжато, даже сухо, но не опущено ни одно изъ нихъ и не оставлено безъ подкрѣпленія соотвѣтственными ссылками на источники. Существенную часть брошюры составляютъ цѣльныя выдержки изъ послѣсловій къ львовскому Апостолу 1574 г. и предисловія къ заблудовскому учительному Евангелію,—книгамъ, составляющимъ величайшую рѣдкость и вмѣстѣ единственный источникъ свѣдѣній объ ихъ печатникѣ какъ онъ самъ ихъ передаетъ.

Судьба Ивана Ѳедорова и его «художества» вкратцѣ таковы: уроженецъ калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, села Николы Гастуни, отъ имени церкви и рѣчки, онъ попалъ въ дьяконы въ одну изъ кремлевскихъ церквей въ половинѣ XVI ст., въ ту именно пору, когда предъ Стоглавомъ и послѣ Стоглава царь Иванъ Грозный и митроп. Макарій хлопотали объ устроеніи въ Москвѣ печатнаго дѣла, «яко-же въ Грецѣхъ... и въ прочихъ языцѣхъ». Послѣ того, какъ ливонскіе рыцари не пропустили въ Москву типографщиковъ, посланныхъ германскимъ императоромъ по просьбѣ царя, послѣдній обратился съ такою-же просьбою къ королю датскому, который и прислалъ въ 1551 г. типографщика *Ганса Миссенгейма.* Но въ тотъ вѣкъ ничто не дѣлалось спроста; религіозная пропаганда составляла недугъ времени, которымъ страдали не только отдѣльныя личности, но и общества и ихъ правительства, и какъ ни странно для насъ, но даже такую услугу, какъ присылку мастеровъ печатнаго дѣла объусловливали—германскій императоръ принятіемъ латинства, а король датскій—протестанства. Мудрая Москва изъ миссіи «человѣка люторскія вѣры» извлекла все, что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестанства, и пока онъ устроялъ типографію на иждивеніе казны, разставлялъ станки и разбиралъ шрифты, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимофеичъ Мстиславецъ произошли всю его премудрость, а затѣмъ гостя по чести за море проводили. Дальнѣйшее устройство типографіи и изданіе первыхъ печатныхъ книгъ (*Апостолъ* 1564 и *Часовникъ* 1567 г.) принадлежитъ московскимъ ученикамъ *Ганса.* Но самая новость и непонятность художества, а равно и то обстоятельство, что Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ были близки къ «Лютру» и учились у него, дали вѣру пущеннымъ, конечно, списывателями книгъ, толкамъ, что дѣло ихъ еретическое, а можетъ быть и совсѣмъ нечистое... Москва всегда побаивавшаяся чорта, а паче «люторскія ереси», накинулась на нихъ, а расправа у ней бывала короче Линчева суда: Ѳедоровъ и Мстиславецъ бѣжали въ,

Бѣлоруссію. Тутъ любовно принялъ ихъ русскій православный вельможа, великій гетманъ литовскій, воевода виленскій, староста городенскій и могилевскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Онъ водворилъ ихъ въ своемъ родовомъ имѣніи Заблудовѣ, далъ средства на устройство здѣсь типографіи и, когда она была готова, предложилъ къ напечатанію на его-же счетъ сперва Евангелія учительнаго [1]), а потомъ Псалтири. Первая книга была издана въ 1569 г., вторая въ слѣдующемъ, 1570 г. Намѣренія Ходкевича были широкія,—изданіемъ строго православныхъ книгъ противодѣйствовать наплыву новыхъ ученій съ Запада,—и средства у него были огромныя; но его одолѣла старость и усилившіяся болѣзни, и онъ прекратилъ начатое дѣло, а для обезпеченія Ивана Ѳедорова (Мстиславецъ годомъ раньше перешелъ въ Вильну, въ типографію братьевъ Мамоничей) далъ ему *«весь не малу»*. Ѳедоровъ, увлекаемый своимъ художествомъ, не пожелалъ пользоваться этимъ даромъ и еще при жизни Ходкевича отправился во Львовъ и здѣсь, послѣ долгихъ хлопотъ и лишеній, на скудныя жертвы нѣсколькихъ убогихъ священниковъ и мѣщанъ львовскихъ, учредилъ типографію, работы которой были начаты изданіемъ Апостола 1574 г., и вѣроятно продолжены печатаніемъ другихъ книгъ, хотя свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Въ 1580 году мы видимъ уже Ивана Ѳедорова въ Острогѣ, «у славнаго княжати Острожскаго», гдѣ кипѣла ученая и издательская работа. Въ этомъ-же году онъ выдалъ здѣсь Псалтирь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ всю Библію, первую славянскую печатную книгу этого имени. Что заставило Ѳедорова покинуть гостепріимный для всѣхъ Острогъ, неизвѣстно; но и Львовъ, въ который онъ возвратился, не далъ, видно, ему работы. Ѳедоровъ разболѣлся, впалъ въ нищету, отдалъ свой инструментъ «въ заставу» жиду Срулю Якубовичу за 400 злотыхъ, умеръ въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. и погребенъ въ львовскомъ онуфріевскомъ монастырѣ.

Тогдашнія обстоятельства южно-русской церкви, тѣснимой повсюду, дѣлали драгоцѣннымъ наслѣдіе Ивана Ѳедорова, лежавшее и по смерти его въ заставѣ у жидовъ. Эти задумали съ нимъ большой гандель—перепродажи въ Москву, но тогдашній епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ собралъ свои лепты, обослалъ съ особою грамотою по городу и епархіи чернца Мину, выкупилъ у жидовъ станокъ за 1500 злотыхъ и утвердилъ на вѣчныя времена типографію при львовской успенской

[1]) Это былъ сборникъ бесѣдъ на воскресные и праздничные дни года, служившихъ объясненіемъ евангелія,—славянскій переводъ труда Каллиста, архіепископа константинопольскаго.

ставропигіальной церкви. Возобновленное здѣсь православное братство, начало котораго относятъ къ половинѣ XV ст., учредивъ школу и богадѣльню и получивъ титулъ ставропигіи, а потомъ утвержденіе отъ самаго короля, 1592 г., широко раздвинуло дѣятельность типографіи своего перваго печатника и, по вычисленію своего историка, Зубрицкаго, въ теченіе своего существованія выпустило до 300,000 богослужебныхъ и иныхъ книгъ; но и съ уничтоженіемъ его, сѣмена, брошенныя Ѳедоровымъ, не перестаютъ произрастать и сторичный плодъ приносить. Его типографія, можно сказать, существуетъ и доселѣ при той-же успенской церкви и какъ-бы рукою самаго Ѳедорова продолжаетъ разбрасывать не *житныя*, а *духовныя* сѣмена, да живетъ и питается ими наша закордонная Русь, горше перваго тѣснимая теперь тѣми-же поляками и не умирающими оо. іезуитами. Въ этой-же типографіи напечатана и настоящая брошюра въ вѣчную память его.

Иванъ Ѳедоровъ былъ въ самомъ высокомъ смыслѣ идеалистъ и фанатикъ своего «художества». Какъ пѣвецъ съ своей лирой, носился онъ съ своимъ излюбленнымъ станкомъ, проходя Русь отъ края до края, преслѣдуемый завистью и ненавистью, терпя нужду и болѣзнь, а судьбѣ угодно было, чтобы и прахъ его остался внѣ предѣловъ единой теперь Россіи.

Миръ праху перваго всероссійскаго *друкаря!* Хвала и честь закордонной нашей братіи, что, будучи сама въ утѣсненіи, она не забыла многотруднаго московскаго художника! Честь и благодареніе достойному о. А. С. Петрушевичу, что многоученымъ своимъ словомъ воскресилъ предъ нами образъ странствующаго перваго русскаго книгопечатника!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по „Кобзарю") С. Н. Кулябки. Кіевъ, 1884 г.

Къ біографическому матеріалу о Шевченкѣ эта брошюра не прибавитъ новаго слова. Составленная на основаніи извѣстныхъ трудовъ: Маслова, Чалаго, біографическихъ замѣтокъ изъ «Основы», нѣкоторыхъ писемъ и всего болѣе по «Кобзарю», книжка г. Кулябки не болѣе, какъ попытка характеристики поэзіи и личности Шевченка, и въ этихъ рамкахъ она не лишена значенія. Написанная симпатично, съ любовью къ предмету, она пріятно дѣйствуетъ искренностью тона и можетъ съ пользою быть прочтена юношествомъ. Такія книги далеко не лишни, и въ этомъ смыслѣ мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы также переводъ труда барона Battaglia (Taras Szewczenko. Życie i pisma jego. Lwow, 1865)

или статьи Эм. Францоза (Kleinrussen und ihre Dichter), отмѣченной талантливостью автора. И то и другое, и все что у насъ раньше посвящено было личности поэта, далеко отъ типа творческой, художественной характеристики. Для такой задачи нужны силы Карлейля или Тэна Но... *Non licet parva componere magnis*... Да и есть-ли у насъ теперь достаточно данныхъ для такого труда? Достаточно-ли разработана біографія Шевченка, появились-ли всѣ его сочиненія, запечатлѣлось-ли его значеніе въ общественномъ сознаніи? Не забудемъ, что до изданія нынѣшняго года «Кобзарь» не печатался въ Россіи шестнадцать лѣтъ, что въ послѣднемъ, найболѣе полномъ изданіи, не помѣщены четыре поэмы и тридцать три пьесы меньшаго объема, а съ исключеніями напечатано—двадцать пять, между которыми есть самыя значительныя и популярныя. Вспомнимъ, что не изданъ совсѣмъ еще цѣлый циклъ произведеній поэта—повѣсти, для характеристики и біографіи заключающія въ себѣ цѣнныя данныя, что изъ переписки его напечатана, конечно, только часть, и что многіе изъ лицъ, его знавшихъ, могли-бы еще дать свѣдѣнія о немъ. А между тѣмъ всестороннее, полное освѣщеніе этой личности необходимо. Исторія не забудетъ никогда, что въ самую глухую пору народной жизни юга, въ эпоху рабства, изъ безгласной толпы простолюдиновъ вышелъ необыкновенный человѣкъ, окрыленный великой силой поэзіи и могучимъ словомъ, простымъ и глубокимъ, вызвалъ изъ могилъ прошедшее и призвалъ настоящее на Божій судъ. Среди невзгодъ и испытаній пронесъ онъ свой крестъ и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, разомъ явился вѣщимъ выразителемъ живыхъ, великихъ духовныхъ силъ того племени, которое въ то время казалось почившимъ духовно... Образы такихъ людей—достояніе потомства, и всякая черта ихъ жизни для него значительна. Намъ нужно ихъ ближе и глубже знать и не прикладывать къ частностямъ жизни этихъ избранниковъ свою моральную мѣрку, что дѣлали уже многіе относительно Гоголя и нѣкоторые относительно Шевченка, и противъ чего справедливо вооружается составитель разсматриваемой характеристики.

Въ концѣ этой книжки, обильно пересыпанной цитатами изъ «Кобзаря», какъ живыми цвѣтами, помѣщены свѣдѣнія по возникшему годъ назадъ дѣлу о поправкѣ могилы поэта. Сумма, ассигнованная на этотъ предметъ полтавскимъ земствомъ, пошла на укрѣпленіе могильнаго холма. Крестъ сооруженъ частнымъ лицемъ. Что касается другого ходатайства земства—объ открытіи подписки на памятникъ Шевченку въ предѣлахъ полтавской губерніи, то, по сообщенію мѣстной газеты «Земскій Обзоръ», на ходатайство это по настоящее время не послѣдовало отвѣта.

В. Г—ко.

Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава 1882—1883 года.

Статистическія цифры и выводы для лицъ извѣстнаго сорта имѣютъ то существенное неудобство, что они неопровержимы. Безъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, по дворамъ, по хозяевамъ, при контролѣ земскихъ учрежденій, при провѣркѣ свѣдѣній официальными данными и возможной провѣркѣ всякимъ на мѣстѣ, безъ этихъ ненавистныхъ таблицъ, есть всегда возможность говорить о тенденціозной преднамѣренности. Но, при «статистикѣ», приходится или доказать противное, что нѣсколько трудно, или согласиться. Вотъ почему въ тѣхъ земствахъ, гдѣ по чьему либо просвѣщенному почину основаны статистическія учрежденія, существуетъ всегда категорія гласныхъ, которой эти учрежденія не даютъ спокойно спать. Ни существенная надобность точныхъ свѣдѣній о губерніи для правильнаго веденія земскаго хозяйства, ни сознанная и высказанная органами правительства необходимость знать точное положеніе дѣлъ, знать правду,—ничто не можетъ вразумить этихъ лицъ. Цифры доказываютъ воочію необходимость мѣропріятій къ облегченію положенія земледѣльческаго класса, а такія мѣропріятія для этихъ представителей сословной вражды и эгоизма—острый ножъ. Эти цифры—результатъ точнаго статистическаго обслѣдованія—значитъ долой статистику! Вотъ вся нехитрая логика этихъ господъ.

Статистическое бюро при полтавскомъ земствѣ существуетъ очень недавно, но уже удостоилось ихъ просвѣщеннаго вниманія: на послѣдней сессіи земства этой губерніи ассигновка на статистику вызвала скрежетъ зубовный, и если самое бюро уцѣлѣло, то необходимая для расширенія его работъ надбавка въ средствахъ была отклонена. Предъ нами два выпуска начатаго описанія губерніи. Они посвящены одному изъ центральныхъ уѣздовъ—зѣньковскому, сельское населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ казачьяго сословія. Посмотримъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ на экономическое состояніе земледѣльцевъ этого уголка «житницы Россіи».

Земельное владѣніе сельскихъ сословій, принимая за единицу «хозяйство», выражается цифрою 5,0 десятинъ. По мнѣнію лицъ, компетентность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія (см. напр. брошюру гласнаго г. Квитки: «Объяснительная записка къ таблицамъ крестьянскаго землевладѣнія въ полтавской губерніи»), участокъ въ 6 десятинъ считается для полтавской губерніи наименьшимъ, при которомъ средняя крестьянская семья (при существующей системѣ полеводства) обезпечена про-

довольствіемъ для себя и кормомъ для необходимаго количества скота. Прилагая эту норму къ зѣньковскому уѣзду, видимъ, что количество земли на хозяйство почти на 1 десятину менѣе необходимаго для нормальной потребности. Но средняя цифра не выражаетъ въ этомъ случаѣ реальнаго положенія дѣлъ; число населенія безземельнаго и неимѣющаго пахатной земли достигаетъ въ зѣньковсхомъ уѣздѣ 29,837 душъ обоего пола; изъ нихъ совершенно безземельныхъ 2,623 души (Выпускъ 1. стр. 294—5, гр. 28 и 40). На 100 человѣкъ обоего пола, не имѣющихъ пахатной земли, приходится 25 или одна четверть, а неимѣющихъ и усадебной 2,4%. По обезпеченію жилыми строеніями, на 100 хозяевъ «бездомовыхъ» приходится 4,5%, имѣющихъ одну хату 79,7. «Бездомовые» по сельскимъ сословіямъ распредѣляются болѣе или менѣе равномѣрно, кромѣ «безнадѣльныхъ», изъ которыхъ больше четверти всѣхъ хозяевъ не имѣетъ хатъ. Хозяйствъ съ одними хатами, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, «кромѣ хлівовъ», 24,4 процентовъ на сто.

Количество рабочаго скота въ хозяйствахъ сельскихъ сословій уѣзда распредѣляется такимъ образомъ: на 100 хозяйствъ приходится

Безъ всякаго скота	21,8
Только съ мелкимъ скотомъ	20,4
Съ 1 лошадью	13,0
1 штукою рогатаго скота	8,3
Съ 2—3 штуками рогатаго скота . . .	20,0
„ 4—5 „ „ „ . . .	13,2
„ 6 и болѣе штукъ	3
	100

Такимъ образомъ около половины домохозяевъ совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота, а изъ нихъ почти половина (1/5 всѣхъ хозяйствъ) не имѣетъ совершенно никакого скота.

Съемка земли на сторонѣ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, выражается по уѣзду цифрою 23,786 десятинъ, что составляетъ около 30% относительно количества владѣемой сельскими сословіями земли. Сумма съемной земли и собственной даетъ почти въ точности цифру 6 десятинъ на хозяйство, т. е. то именно количество, которое необходимо для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей средней семьи. Поэтому цифра 23,786 десятинъ можетъ служить мѣриломъ земельнаго недостатка въ сельскомъ населеніи зѣньковскаго уѣзда.

Вотъ главнѣйшіе выводы. И въ первомъ и во второмъ выпускѣ «Сборника» находится еще масса свѣдѣній, исчерпать которыхъ нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ. Второй выпускъ, кромѣ общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключаетъ въ себѣ обзоръ владѣльческихъ имѣній,

распредѣленіе въ нихъ земли по угодіямъ, данныя о распредѣленіи пахатной площади и сѣвооборота въ этихъ хозяйствахъ, скотѣ, рабочихъ рукахъ, посѣвѣ и проч., а также матеріалы для оцѣнки земель (продажная цѣна 85 до 107 руб. десятина, средняя арендная—7 руб. 86 коп. десятина) и списки всѣхъ арендъ въ уѣздѣ.

Изъ различныхъ типовъ статистическихъ описаній, практиковавшихся въ Россіи, методъ, принятый полтавскими статистиками, ближе всего подходитъ къ такъ называемому типу, состоящему въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія каждаго селенія путемъ подворной переписи. Въ полтавской программѣ, выработанной коммисіей профессоровъ и земскихъ людей, сдѣланы измѣненія примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. Существеннѣйшее изъ нихъ то, что единицей, къ которой относятся всѣ свѣдѣнія, принято, совершенно правильно, *хозяйство*,—понятіе, не всегда соотвѣтствующее въ Малороссіи ни понятію «семьи», ни «двора».

Въ видѣ иллюстраціи къ числовымъ цифрамъ и выводамъ, въ концѣ 2-го выпуска «Сборника», помѣщенъ очеркъ г. Греченко «С. Великая Павловка». Это старое козачье село взято какъ типъ для нагляднаго изображенія экономическаго быта господствующаго класса населенія. Кромѣ общихъ свѣдѣній, тутъ есть интересныя данныя о дробленіи подворно наслѣдственныхъ козачьихъ владѣній между членами семьи, особенно значительномъ потому, что дѣлится каждый кусочекъ сообразно иногда незначительному различію въ качествѣ почвы. Зѣньковскій уѣздъ есть страна хуторовъ, «нѣсколько хатъ съ чистенькими надворными постройками, вишневые садки, одинъ, два вѣтряка, три, четыре колодца, съ журавлями,—все это въ небольшой лощинкѣ съ чистымъ протокомъ, обсаженнымъ вербами»—таковъ типъ зѣньковскаго козачьяго хутора. Увы, эта доля приволья идетъ въ страшный ущербъ жителямъ селъ. Владѣльцы хуторовъ все болѣе и болѣе стараются выдѣлиться изъ общаго сѣвооборота для увеличенія запашки, а потому количество толочной земли и пастбища въ обществахъ страшно сокращается. Сообщаемыя г. Греченкомъ условія арендованія земель въ Великой Павловкѣ, общія по его словамъ для всего уѣзда, надо признать болѣе благопріятными, чѣмъ напр. въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи. Тамъ арендная плата нерѣдко доходитъ уже до 13 рублей за десятину, а отдача поля «съ половины» осложняется годъ отъ году увеличивающимися условіями «отработковъ»; наемъ земли за деньги предпочитается, если есть къ нему возможность. «Своя нивка сама собі паніматка», говоритъ любящій независимость малороссъ. Но этимъ благомъ пользуются немногіе. Безземельные и малоземельные работаютъ *за снопъ* и *за коробку*

у своего брата, зажиточныхъ козаковъ, умудряющихся этими коробками и снопами вести все свое хозяйство руками этихъ людей, безъ всякаго посторонняго найма рабочихъ. Особенность с. Павловки—промыселъ курительныхъ деревянныхъ трубокъ; трубка средней величины въ розничной продажѣ стоитъ 20 коп., необходимый для нея матеріалъ—7 коп. Въ день можно сдѣлать двѣ или три такихъ трубки. Грамотность въ селѣ очень слаба. Кромѣ разныхъ условій, на которыя справедливо указываетъ составитель очерка, виновата здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самая постановка школьнаго дѣла и его оторванность отъ жизни.

Условія жизни сельскихъ сословій въ зѣньковскомъ уѣздѣ болѣе или менѣе общи для всей полтавской губерніи. Это подтвердятъ, конечно, дальнѣйшіе выпуски статистическаго ея описанія. Работы бюро сосредоточены теперь на уѣздахъ полтавскомъ и миргородскомъ, описаніе которыхъ должно выйти скоро. Точныя цифры по всѣмъ пятнадцати уѣздамъ дадутъ полную картину экономической жизни губерніи, если только благому дѣлу статистическаго изслѣдованія не помѣшаютъ лицемѣрныя соображенія «экономіи».

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПО ПОВОДУ 50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

14 октября текущаго года на юго-западной нашей окраинѣ происходило скромное торжество, имѣющее тѣсную связь съ южно-русскою исторіею, и которое преимуществу можно назвать торжествомъ южно-русскаго народа. Одна изъ многочисленныхъ въ немъ иноческихъ обителей, устоявшая среди вѣковыхъ религіозныхъ и политическихъ бурь, взлелѣянная его особою любовью, сама питавшая его своимъ духомъ, равно дорогая ему и въ православіи и въ уніи, св. почаевская лавра праздновала 50-лѣтній юбилей возвращенія своего изъ рукъ уніи въ нѣдра православія. Мы не знаемъ другаго болѣе высокаго торжества, какъ то, въ которомъ проходитъ предъ нами цѣлый рядъ вѣковъ съ ихъ радостными и печальными событіями, въ которомъ витаетъ духъ народный, являются торжествующими его вѣковыя вѣрованія и симпатіи, составляющія его силу и славу.

Не въ задачахъ однако нашего изданія говорить о самомъ этомъ торжествѣ, но въ задачахъ его приводить въ связь явленія текущей жизни съ событіями вѣковъ минувшихъ, и мы это сдѣлаемъ и на сей разъ, представивъ бѣглый очеркъ судебъ почаевской лавры. Судьбы созданій народа—его собственныя судьбы, и кто не привыкъ скользить лишь по поверхности проходящихъ событій, но привыкъ въ прошедшемъ искать разгадки настоящаго и смотрѣть на лѣтопись народной жизни, какъ на книгу учительную, для того и нашъ бѣглый и блѣдный очеркъ не будетъ лишнимъ.

Почаевская успенская лавра лежитъ въ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи, невдалекѣ отъ мѣстечка того-же имени и въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашей юго-западной границы со стороны Галиціи. По красотѣ своего мѣстоположенія и даже постройки она едва-ли не превосходитъ даже лавру кіево-печерскую, не говоря объ александро-невской и троицко-сергіевской. Каменная гора, на которой расположена почаевская лавра, возвышается на 35 саженей надъ плоскою поверхностью, многія части ея покрыты густыми рощами прекрасныхъ деревьевъ; но не это, конечно, составляетъ ея красу и славу и не это влечетъ къ ней тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ русской земли. Древняя, свято чтимая икона Божіей Матери, въ чудотворящую силу которой вѣритъ народъ, слѣдъ „стопы" Божіей Матери, указываемой на вершинѣ горы, какъ слѣдъ ея явленія нѣкоему старцу, сочащаяся тамъ на вершинѣ каменной горы вода, которой народъ приписываетъ цѣлебную силу, нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова, игумена почаевскаго,—вотъ что влечетъ къ себѣ тысячи православнаго народа и дѣлаетъ почаевскую лавру однимъ изъ высокочтимыхъ мѣстъ русской земли.

Въ глубинѣ вѣковъ скрывается преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ почаевская лавра, всегда было жилище отшельниковъ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ на Руси появилось христіанство. Преданіе это перешло въ хранящуюся и теперь въ лаврѣ рукописную книгу, списанную, какъ говорятъ иноки, съ другой, неизвѣстно когда затерянной, книги, а книга эта, какъ и первое появленіе иноковъ на почаевской горѣ, относится, и конечно съ большою долею вѣроятности, къ 1240 году. Въ книгѣ „Гора Почаевская", изданной базиліанами и перепечатанной, какъ они утверждали съ болѣе древней книги, разсказывается о явленіи Божіей Матери въ огненномъ столбѣ. Это явленіе особенно подробно описываетъ извѣстный южно-русскій ученый XVII в., Іоанникій Голятовскій, въ книгѣ: "Новое небо съ новыми звѣздами". Сущность устнаго, не скоро записаннаго и раскрашеннаго преданія сводится къ тому, что когда-то какой-то Иванъ Босый, житель Почаева, бывшій на полѣ съ „хлопятами", увидалъ на горѣ огненный столбъ, а въ томъ столбу самую Божію Матерь и предъ ней старца. Когда Босый пришелъ въ себя отъ изумленія, предъ нимъ и бывшими съ нимъ „хлопя-

тами" стоялъ старикъ и говорилъ: „идите на гору, тамъ Матерь Божія ступила на камень, и потекла изъ него вода, а вода та не простая, а цѣлющая". Это преданіе многими подробностями своими напоминаетъ библейскій разсказъ *„О купинѣ неопалимой"*, которую видѣлъ Моисей на горѣ Синай, а равно исконное вѣрованіе малорусскаго народа въ присутствіе на землѣ воды живущей и цѣлющей. И не въ этомъ-ли сходствѣ лежитъ разгадка тѣхъ симпатій, которыми народъ окружалъ самую мѣстность почаевской обители?

Какъ-бы то ни было, но мѣсто, взлелѣянное народною фантазіею, окруженное ореоломъ чудесности, святости, присутствія на немъ силы Божіей, не могло оставаться пусто. По записанному преданію, еще за долго до половины XVI ст. на Почаевской горѣ была каменная успенская церковь, но кто завѣдывалъ этою церковью,—былъ-ли тамъ приходъ, или въ зародышѣ монастырь, остается неизвѣстнымъ. Учрежденіе здѣсь монастыря относится къ послѣднимъ годамъ XVI ст. XVI вѣкѣ былъ роковымъ въ жизни южно-русскаго народа, вѣкомъ самыхъ крупныхъ религіозныхъ политическихъ волненій и перемѣнъ. Люблинская унія 1569 г., одновременное введеніе въ Польшу іезуитовъ, широкое развитіе въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовсткомъ социніанства, протестанства и кальвинизма, раздача русскихъ земель польскимъ родамъ, связи этихъ послѣднихъ съ русскими родами посредствомъ браковъ и т. п.—были причиною того, что къ концу XVI ст. огромное большинство русскихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ измѣнили своей вѣрѣ и народности; но тѣмъ большею ревностью были одушевлены тѣ изъ нихъ, которые оставались вѣрными православной вѣрѣ и русскому имени. Къ числу такихъ родовъ принадлежалъ родъ Гойскихъ, такъ часто упоминаемыхъ въ актахъ XVI ст. Изъ лицъ этого рода, въ началѣ второй половины XVI ст., становится извѣстною проживавшая вблизи Почаева, въ своемъ имѣніи Орлѣ, богатая вдова Анна Гойская, отличавшаяся глубокою религіозностью. Она-то и была основательницею почаевскаго монастыря. Сперва она передала въ почаевскую церковь подаренную ей путешествовавшимъ по Волыни и бывшимъ въ ея домѣ греческимъ митрополитомъ Неофитомъ икону Божіей Матери, которой приписываютъ уже за время храненія ея въ домѣ Гойской многія чудеса и между прочимъ исцѣленіе отъ слѣпоты брата Гойской, Филиппа Козинскаго. Это было спустя годъ послѣ

провозглашенія уніи на брестскомъ соборѣ 1596 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учреждаетъ здѣсь монастырь, надѣливъ его землею, лѣсомъ, сѣнокосами и нѣсколькими семьями крестьянъ, но ставитъ условіемъ его существованія и владѣнія всѣми недвижимостями, чтобы онъ оставался вѣрнымъ православію и былъ подъ властью православнаго игумена и архіерея. Въ своемъ завѣщаніи она клятвенно заклинала всѣхъ своихъ наслѣдниковъ ничего не отбирать у монастыря.

И такъ монастырь почаевскій является какъ-бы протестомъ противъ появившейся уніи и вмѣстѣ средствомъ для поддержанія колеблемаго уніею православія. Но главными наслѣдниками Гойской являются Фирлеи, успѣвшіе уже перейти въ протестанство. Изъ-за имущественныхъ правъ возникаетъ борьба между ими и монастыремъ. По обычаямъ того времени борьба разыгрывается самымъ трагическимъ для монастыря образомъ.

Одинъ изъ Фирлеевъ, по имени Андрей, 10 іюня 1623 года, вооружилъ толпу своихъ слугъ, напалъ съ ними на монастырь, ворвался въ него, избилъ монаховъ, ограбилъ обитель и вмѣстѣ съ драгоцѣнностями захватилъ и святую икону и унесъ ее въ свой домъ, гдѣ жена Фирлея произвела надъ фамильною и народною святынею самое грубое поруганіе, одѣвшись притомъ въ священническія ризы и вмѣсто молитвы произнося предъ иконой самыя хульныя слова, за что, по вѣрованію народному, въ нее вселился бѣсъ и долго мучилъ ее. Почаевская обитель могла-бы погибнуть на первыхъ порахъ ея существованія, но во главѣ ея въ это время стоялъ преподобный Іовъ, мужъ высокой жизни, уроженецъ Галиціи, по прозванію Желѣзо. По просьбѣ князя Константина Острожскаго онъ оставилъ угорицкій монастырь и поселившись въ г. Дубнѣ, въ крестовоздвиженскомъ монастырѣ, который былъ на попеченіи князя Острожскаго, 20 лѣтъ управлялъ этою обителью. Воспитанный такимъ образомъ въ школѣ Острожскаго и одушевленный его ревностью, Іовъ энергично отстаивалъ интересы почаевскаго монастыря, въ который онъ удалился изъ Дубна ради уединенія простымъ монахомъ, но въ которомъ, по просьбѣ братіи, принялъ снова обязанности настоятеля. Его стараніями, въ 1644 году, была возвращена въ обитель чудотворная икона отъ Фирлеевъ, а въ 1647 году отъ нихъ-же—часть унесенныхъ ими монастырскихъ сокровищъ. Въ его игуменство и по его, конечно, вліянію, богатые, сосѣдніе

съ Почаевомъ, землевладѣльцы, супруги Домашевскіе построили надъ самой „стопою“ новую каменную церковь, во имя святой Троицы, пожертвовавъ ей всѣ свои наслѣдственныя сокровища и деньги; благотворили почаевской обители и другія русскія православныя фамиліи, остававшіяся въ вѣрѣ предковъ.

Строго подвижническая жизнь Іова дѣйствовала обаятельно на массы народа, приходившаго въ монастырь. Восьмидесятилѣтній старецъ самъ сажалъ деревья, строилъ плотины, копалъ сажалки; днемъ работалъ, ночью молился. Иногда по нѣскольку дней онъ оставался безъ пищи, часто затворялся въ пещерѣ для молитвы и поста. Всѣхъ поражала его всегдашняя молчаливость; только и слышали изъ устъ его слова: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“, безпрерывно имъ повторяемыя. 28 октября 1651 года Іовъ въ послѣдній разъ совершилъ литургію, простился съ братіей и мирно почилъ, проживъ 100 лѣтъ, а спустя семь лѣтъ (28 августа 1658 года) кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ гробъ его съ нетлѣнными останками для всенароднаго почитанія.

Достойны вниманія выборы въ игумена, какъ они производились въ то отдаленное время, по смерти Іова. Всѣ иноки, старшіе и младшіе, сходились въ трапезу и подавали свой голосъ на бумагѣ, а актъ объ избраніи подтверждали своими подписями. Въ актѣ два главные пункта: братія „покладаютъ вѣру на побожное житіе“ избраннаго, принимаютъ начальство его надъ собою „миле, любовно и згодно“ и обязываются повиноваться ему „безъ вшелякихъ контрадицій и внош енія якихъ вымысловъ“, а избранный обѣщаетъ управлять братіею, „якъ звычае и постановеня монастырскіе суть“. Преемникомъ Іова былъ избранъ Самуилъ Добрянскій.

При немъ и ближайшихъ игуменахъ обитель почаевская не переставала процвѣтать, оставаясь вѣрною православію, хотя католицизмъ и унія все болѣе и болѣе захватывали подъ свою власть и людей, и монастыри, и храмы, пользуясь всѣми средствами. Еще въ 1700 г. игуменъ Саевичъ по порядкамъ того времени хлопоталъ у новаго короля Августа II-го о подтвержденіи правъ почаевскаго монастыря, и въ выданной отъ короля привиллегіи значилось, что какъ всегда онъ былъ, такъ и долженъ остаться православнымъ „Ritus graeci“, а не уніатскимъ. Но въ тогдашней Польшѣ ничего

не значили уже ни королевскія привилегіи, ни сеймовыя конституціи. Среди всеобщаго разлива польско-католической пропаганды, поддерживаемой всѣми силами правительства и общества, недолго могъ удержаться въ православіи и почаевскій монастырь. Тогдашній „колляторъ“ его, унаслѣдовавшій имѣнія Фирлеевъ, графъ Тарнавскій подкопалъ существованіе этой твердыни православія. Послѣ продолжительнаго процесса съ монастыремъ о деньгахъ и земляхъ, процесса, среди котораго монахи грозили вывезти чудотворную икону въ Москву, онъ вмѣшался въ выборы игумена, раздѣлилъ не твердую уже въ отеческой вѣрѣ братію на партіи, и послѣдствіемъ сего былъ первый шагъ почаевскихъ монаховъ къ уніи. Это случилось въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, спустя восемь лѣтъ послѣ изгнанія изъ Волыни послѣдняго православнаго епископа, въ пору чреватаго своими послѣдствіями замостьскаго собора. 125 лѣтъ почаевскій монастырь стоялъ на стражѣ православной вѣры, собирая въ свои стѣны православныхъ жителей, доставляя имъ утѣшеніе и поддержку, даже укрывая иной разъ въ своихъ стѣнахъ во время татарскихъ и турецкихъ нападеній, но, наконецъ, и онъ долженъ былъ уступить общему потоку. Превращеніе его въ уніатскій базиліанскій монастырь послѣдовало не вдругъ и завершилось окончательно лишь въ 1751 г.

Съ переходомъ изъ православія въ унію существенно измѣнился и внутренній строй жизни почаевскаго монастыря и внѣшняя его судьба. По внутренней своей жизни онъ не только самъ шелъ къ постепенному переформированію себя по образцу польско-католическихъ монастырей во всемъ, начиная съ догматовъ и кончая языкомъ и костюмомъ, но увлекалъ за собою несмѣтныя массы народа и какъ прежде служилъ дѣлу православія, такъ теперь всѣ свои силы посвящалъ дѣлу уніи и католичества, въ формахъ польской національности. По внѣшней судьбѣ онъ достигъ еще болѣе блестящаго положенія и самаго широкаго общественнаго значенія, увеличилъ до громадныхъ размѣровъ свои имущественныя пріобрѣтенія, обстроился, украсился и пріобрѣлъ большую популярность въ массѣ населенія Волыни, Галиціи и другихъ смежныхъ областей.

Мы не будемъ входить въ подробности его исторіи въ періодъ пребыванія его въ уніи; отмѣтимъ лишь кратко болѣе выдающіеся факты въ его жизни за это время.

Прежде всего строгость монашеской жизни исчезла въ немъ навсегда и въ замѣнъ оной привзошли не только всѣ удобства мірской жизни, но даже большая распущенность. Въ 1758 году по какому-то случаю на монастырь почаевскій произведенъ былъ „гвалтовный наѣздъ“ въ 200 коней, по приказу колляторши монастыря, графини Анастасіи Тарнавской. Гайдуки графини приняли базиліанъ въ нагайки, а при этомъ говорили: „вы не такъ живете, какъ прежніе монахи. Вы ѣдите мясо, пьете водку и безчинствуете, предаваясь самымъ сквернымъ порокамъ“.

Принятіе догматовъ католической церкви, усвоеніе латинскихъ обрядовъ и обычаевъ въ богослуженіи и въ жизни, шло медленнѣе и съ большою постепенностью, какъ и во всей уніатской церкви; но къ чести почаевскихъ базиліанъ сказать должно, что они яснѣе другихъ сознавали, что унія придумана и употребляется только какъ мостъ для перехода отъ православія къ католичеству. Они, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, горячо отстаивали чистоту восточнаго ученія и обряда, отдѣльность уніи отъ католичества, и съ этою цѣлью издали нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ обширную книгу подъ заглавіемъ: „Народовѣщаніе, альбо Слово къ народу каѳолическому“ и пр. 1745 г.

Изгнаніе въ 1773 году іезуитовъ изъ предѣловъ Польши усилило значеніе базиліанъ вообще, въ частности почаевскихъ и расширило ихъ общественную дѣятельность. Имъ переданы были многія изъ имѣній и зданій іезуитскихъ, но, что всего важнѣе, они избавились отъ самой опасной конкурренціи и получили право быть воспитателями юношества, законоучителями, духовниками и проч. Приближеніе къ польско-католическому типу привлекло къ почаевскимъ базиліанамъ пановъ и ихъ панскія милости. Въ особенности много доставило имъ случайное расположеніе извѣстнаго богача и самодура, каневскаго старосты, Николая Потоцкаго. Денежныя пожертвованія его въ пользу почаевскихъ базиліанъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, опредѣляются въ два съ половиною милліона злотыхъ; но еще болѣе онъ сдѣлалъ для нихъ такъ называемою коронаціею почаевской иконы Божіей Матери и постройкою новой великолѣпной церкви. Обычай короновать иконы получилъ свое начало въ Римѣ съ 1631 года, а потомъ распространенъ и на всѣ католическія страны. „Короновали“ тѣ иконы Божіей Матери, которыя

извѣстны, какъ чудотворныя. Итальянскій графъ Александръ Паллавичини оставилъ значительную сумму для приготовленія коронъ изъ чистаго золота. „Коронованіе“ in partibus infidelium имѣло несомнѣнно видъ пропаганды католической вѣры; оно совершалось съ чрезвычайною торжественностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Незадолго предъ тѣмъ короновали холмскую икону, теперь принялись за почаевскую. Обърудовалъ это дѣло самъ Потоцкій; разрѣшеніе папы Климента XIV пришло 23 апрѣля 1773 года. Базиліане торжествовали, ибо, кромѣ *majoris gloriae Dei*, имъ предстояла богатая стрижка при этомъ всякаго рода словесныхъ овечекъ. Для этой цѣли папа прислалъ имъ на этотъ случай „полный отпустъ“. Это значило, что всѣ пришедшіе на коронованіе получали полное отпущеніе грѣховъ, а „отпустомъ“ можно было пользоваться въ теченіе восьми дней, притомъ съ такою льготою, что дозволялось вмѣсто исповѣди только прикасаться къ кающимся палкою; такого прикосновенія довольно было, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Нечего и говорить, что базиліане съумѣли воспользоваться предоставленными имъ привилегіями. Они употребили всѣ средства, чтобы собрать какъ можно болѣе народу на коронованіе. Торжество коронаціи объявлено на 8 сентября 1773 года. Къ этому дню въ Почаевъ прибыло болѣе тысячи человѣкъ однихъ уніатскихъ и латинскихъ священниковъ, нѣсколько тысячъ пановъ, тысячъ сто народу и нѣсколько тысячъ войска, пѣхоты и артилеріи. Коронованіе было совершено за монастыремъ, въ особо устроенной палаткѣ, открытой для всѣхъ. Во время процессіи и возложенія коронъ на главу Богородицы и Божественнаго Младенца стрѣляли изъ пушекъ, гремѣла музыка и раздавалось пѣніе молитвъ; вечеромъ была иллюминація, музыка и другія увеселенія. Какъ-бы для увѣковѣченія памяти объ этомъ торжествѣ народу раздавали иконки (болѣе 11 тысячъ) и медальоны (болѣе 5 тысячъ), но при этомъ объявляли, что пріобрѣвшимъ иконы и медальоны дается также отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые исповѣдывались и пріобщались въ эти дни или только касались палки исповѣдника. По собраннымъ тогда-же справкамъ, исповѣдывавшихся было во время коронаціи—около 24 тысячъ однихъ уніатовъ и православныхъ („Graeckiego obrządku“) и 9 тысячъ съ небольшимъ—латинянъ. Понятно, какую огромную, духовную и вещественную добычу доставилъ этотъ праздникъ, устроенный заботами патрона-католика.

Постройка новой церкви въ почаевскомъ монастырѣ начата Потоцкимъ въ 1771 году и продолжалась 12 лѣтъ. Церковь оказалась совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она и до сихъ поръ стоитъ, лишь кое-что изъ внутреннихъ украшеній измѣнено въ ней, чтобы придать ей видъ православнаго храма. Говорятъ, что императоръ Николай I, знатокъ архитектурнаго дѣла, сказалъ про почаевскую церковь, что она образецъ дерзкой архитектуры.

Какъ на особый, наиболѣе выдающійся родъ дѣятельности почаевскаго монастыря, преимущественно въ уніатскій его періодъ, нельзя не указать на многочисленныя его изданія, длившіяся болѣе столѣтія и расходившіяся большими массами въ Украйнѣ, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, Галиціи, Холмщинѣ и Подлясьѣ. Издавались богослужебныя книги, книги и трактаты вѣроучительныя и нравоучительныя, но особенною извѣстностію и наибольшею распространенностію пользовались такъ называемыя „побожныя“ книжки, сборники молитвъ и особыхъ, въ духѣ и на языкѣ народномъ сложенныхъ пѣснопѣній. Типографія находилась при почаевской обители и въ ту пору, когда она была православною; въ это время она печатала проскомидійные листы, посланія къ народу архіереевъ, молитвы и антифоны преподобному Іову; но никогда она не имѣла такой широкой дѣятельности, какъ въ исходѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Услугами почаевской типографіи пользовались нѣкоторое время и наши раскольники. Конечно, наибольшую услугу почаевскія изданія оказали дѣлу уніи; но нельзя не признать и того, что попавъ такъ сказать въ тонъ народный, они, помимо вѣроисповѣдныхъ отличій, не всегда и не вездѣ находящихъ себѣ мѣсто, много вліяли на поддержаніе въ нашемъ народѣ духа набожности и благоговѣйно молитвенныхъ чувствъ.

Какъ однако ни пышно развернулась жизнь почаевскаго монастыря съ переходомъ его изъ православія въ унію и какъ ни расширилась и усилилась дѣятельность его подъ управленіемъ базиліанъ, въ этой жизни и дѣятельности, какъ и въ самой уніи, не было ничего, обѣщавшаго прочное и долговѣчное существованіе. Съ возвращеніемъ отъ Польши къ Россіи древне-русскихъ областей, а съ ними и обители почаевской, съ возвращеніемъ тогда-же въ лоно православія огромныхъ массъ народа, приневоленныхъ къ уніи, съ пробужденіемъ и въ уніатской его части народнаго сознанія

и вѣковыхъ симпатій, почаевскіе базиліане утратили значительную долю своего обаянія, сфера ихъ дѣйствій съузилась, источники доходовъ уменьшились. Вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго очевидно было, что расходясь отнынѣ съ народомъ въ направленіяхъ противуположныхъ, они должны будутъ разойдтись на всегда и рано или поздо потерять находившуюся въ ихъ рукахъ народную почаевскую святыню. Впрочемъ съ переходомъ къ Россіи базиліане такъ ловко вели свое дѣло, что долго не возбуждали въ русскомъ правительствѣ сомнѣній въ ихъ благонамѣренности и считались полезными людьми, такъ какъ на ихъ иждивеніи было значительное число школъ. Тѣмъ не менѣе мысль о возвращеніи почаевскаго монастыря съ его святынею въ руки православныхъ и удаленіи изъ него базиліанъ явилась уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и въ 1823 г., при посѣщеніи императоромъ Александромъ I-мъ Острога, въ которомъ находилась тогда въ неприглядной обстановкѣ православная архіерейская каѳедра, готовился ему о семъ докладъ, но Государь не позволилъ даже заикнуться объ этомъ, такъ какъ незадолго предъ симъ, 2-го августа 1823 года, была передана уніатскому митрополиту Булгаку Высочайшая воля объ оставленіи базиліанъ въ Почаевѣ. Нуженъ былъ случай, который раскрылъ-бы правительству глаза на дѣйствія почаевскихъ подвижниковъ и обнаружилъ-бы ихъ истинныя симпатіи и стремленія. Такимъ случаемъ былъ польскій мятежъ 1831 г., которому базиліане почаевскіе всею душею сочувствовали и помогали денежными средствами. Въ рѣшительный часъ базиліане не скрыли своего сочувствія и когда отрядъ повстанцевъ, подъ командою Дверницкаго, былъ разбитъ близъ Почаева, они приняли его съ распростертыми объятіями, угостили всѣмъ, что было у нихъ хорошаго, надѣлили его припасами, лошадьми и безъ сомнѣнія казною, даже сами, въ числѣ 8 монаховъ, примкнули къ отряду и перешли съ нимъ въ Австрію, послѣ того какъ вволю наѣздились по мѣстечку, съ крикомъ: „Panowie, za ojczysnę!“ и размахивая саблями. Эти поступки рѣшили участь базиліанъ и судьбу бывшей въ ихъ рукахъ обители. По представленію главнокомандующаго 1 арміею графа Сакена и волынскаго и подольскаго военнаго губернатора Левашева, императоръ Николай I повелѣлъ базиліанскій почаевскій монастырь передать въ вѣдѣніе православнаго духовенства со всѣми угодьями, капиталами, имѣніями и постройками.

10 октября 1831 года прибыла въ Почаевъ особая коммисія и приступила къ отбору. Базиліане съ горя напились и крайне дерзко себя вели, даже вовсе отказывались передавать монастырь, но, конечно, должны были уступить. Ими пущены были въ ходъ всевозможные отговорки и увертки съ цѣлію затруднить дѣйствія коммисіи. На всѣ вопросы ея объ инвентарѣ, объ описяхъ, деньгахъ и вещахъ базиліане отзывались незнаніемъ, гдѣ что находится, ссылаясь на то, что послѣдній ихъ „суперіоръ", сидѣвшій въ это время въ кіевской тюрьмѣ, ничего не сдалъ. Волею-неволею коммисіи пришлось принимать монастырь только на основаніи указаній. Оказалось потомъ, что еще передъ сдачею они успѣли многое спрятать, иное унести и увезти,—уже по пріемѣ находили деньги и вещи, скрытыми въ разныхъ мѣстахъ, на чердакѣ, въ стѣнахъ и подвалахъ. Пріемъ былъ оконченъ къ 25 ноября; въ этотъ же день совершено было въ Почаевѣ первое православное архіерейское служеніе прибывшимъ туда наканунѣ православнымъ епископомъ волынскимъ Амвросіемъ. Мало по малу на мѣсто удаленныхъ базиліанъ стали прибывать въ монастырь православные монахи изъ сосѣднихъ губерній, открыты цѣлыми и невредимыми мощи преподобнаго Іова, которыя все время базиліане держали подъ спудомъ, обновлена и украшена чудотворная почаевская икона Божіей Матери, главная святыня, о которой католики пустили слухъ, что она будто увезена базиліанами за границу, измѣнены по образцу православному внутреннее устройство и наружный видъ соборнаго храма, и скоро почаевская обитель зажила снова своею прежнею жизнію. Въ 1833 году Высочайшимъ повелѣніемъ ей присвоено было названіе лавры, четвертой въ Россіи. Къ этому времени народъ уже пересталъ вѣрить росказнямъ поляковъ о томъ, что въ Почаевѣ нѣтъ святыни, и число богомольцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вліяніе лавры на народъ. Дальнѣйшая мирная жизнь ея нарушена была одною дерзкою попыткою, направленною къ похищенію изъ лавры чудотворной иконы Божіей Матери. Въ числѣ не многихъ оставшихся въ лаврѣ базиліанъ, съ принятіемъ православія, былъ бонифратрскій ксендзъ Навроцкій. Войдя въ довѣріе къ преосвященному Амвросію и сдѣлавшись счетчикомъ и архиваріусомъ, онъ похитилъ не мало важныхъ документовъ, а потомъ задумалъ ук-

расть и св. икону. Послѣ неудавшейся попытки попасть въ ризничіе, онъ рѣшился добыть ключи отъ ризницы подкупомъ; когда-же его продѣлки были открыты, бѣжалъ за границу и присталъ къ Тарнопольскимъ іезуитамъ.

Послѣдующія перемѣны и происшествія въ жизни почаевской обители относятся къ новому періоду ея исторіи, законченному теперь празднованіемъ 50-ти лѣтняго юбилея; но объ нихъ мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній, кромѣ устарѣвшей уже книги ея настоятеля Амвросія Лотоцкаго, въ которой кратко излагаются смѣна волынскихъ архіеревъ, ближайшихъ настоятелей почаевской лавры, перестройка лаврскихъ зданій, постройка колокольни и т. под.

Почаевская обитель, не смотря на свое многовѣковое существованіе и самую разнообразную жизнь и дѣятельность, доселѣ не имѣетъ своей исторіи. Мы слышали, что такая исторія готовилась ко дню юбилея лавры, но объявленій о выходѣ ея не встрѣчали и вышла-ли она, не знаемъ. Такая исторія желательна; она представила-бы намъ живѣйшій интересъ осбенно по сравненію трехъ различныхъ періодовъ существованія почаевской обители: древне-православнаго, исполненнаго чудесности, святости, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинно народнаго характера, періода уніатскаго, давшаго обители широкое общественное значеніе, хотя направленное къ явному вреду и искорененію православія и народности русской, и періода новаго, ближайшая задача котораго была пробужденіе народнаго сознанія и очищеніе вѣрованій народныхъ отъ всякой примѣси уніатско-латинской. По видимому, сравненіе не въ пользу послѣдняго періода, когда для обители, не смотря на ея громкій титулъ, началась та тихая, однообразная жизнь, какую влекутъ всѣ наши лавры и монастыри. Но жизнь не повторяется въ своихъ формахъ; для обители почаевской важно удержать ея древній историческій духъ, духъ твердой вѣры и истиннаго благочестія и она воздѣйствуетъ самою скромною, внутреннею жизнью на массы народныя, не перестающія притекать къ ней для благоговѣйнаго поклоненія ея святынѣ. Широкая, просвѣтительная дѣятельность монастыря подъ управленіенъ базиліанъ невозможна теперь и по самому строю нашей жизни, и по средствамъ лавры; но возможно

разширеніе той издательской дѣятельности, которой начало мы находимъ еще въ древнемъ періодѣ жизни почаевскаго монастыря, и это одно, чего мы можемъ пожелать древнѣйшей нашей обители по случаю исполнившагося теперь новаго періода ея жизни.

А. Тарнавскій.

КЪ ТРЕХЪ СОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИВАНА ѲЕДОРОВА,

перваго московскаго типографа. († 5 декабря 1583 г.)[1]).

Въ г. Львовѣ, въ монастырѣ св. Онуфрія есть надгробный камень, на которомъ читается слѣдующая надпись: „*Іоаннъ Ѳедоровичъ друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованье занедбане обновилъ, преставился въ Львовѣ року* ҂афпг *(1583) декемврія* є *(5)*"; въ серединѣ камня, въ кругу—буквы *І. Ѳ.* и нѣсколько полуизгладившихся словъ, между которыми можно разобрать: „*о успокоеніи воскресенія изъ мертвыхъ чаю... Друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ*".

Имя Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа, одинаково дорого и Сѣверу и Югу Россіи: и у насъ, южанъ, съ этимъ именемъ связано начало книгопечатанія, которымъ мы пользуемся въ такой широтѣ для нашего умственнаго преуспѣянія. Воскресимъ-же славное имя это въ нашей памяти теперь, когда намъ напоминаетъ о немъ приближающееся окончаніе трехсотлѣтней годовщины со дня смерти „друкаря книгъ предъ тымъ невиданныхъ".

Съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ работать на типографскомъ станкѣ незабвенный нашъ первопечатникъ, книжное дѣло ушло у насъ далеко впередъ: мы дожили до такихъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ, что если-бы Иванъ Ѳедоровъ воскресъ и взглянулъ на нихъ, ему пришлось-бы снова умереть отъ изумленія; что тогда было дѣломъ цѣлыхъ годовъ, теперь является въ нѣсколько дней. Мы пишемъ и печатаемъ такую массу книгъ, журналовъ, газетъ и брошюръ, что не успѣваемъ даже и читать всего—и, рядомъ съ этимъ, пользуемся печатнымъ дѣломъ, какъ орудіемъ личныхъ, не рѣдко грубо-циническихъ цѣлей, не уважаемъ печатнаго слова...

---

[1]) Даемъ мѣсто этой краткой, изъ глухого захолустья присланной замѣткѣ, какъ свидѣтельству того, что память объ Иванѣ Ѳедоровѣ не затерялась и у насъ и находятся люди, которые вспомнили о немъ по случаю трехсотлѣтней годовщины со дня его смерти.—Ред.

А вотъ посмотрите, какъ триста лѣтъ назадъ относился къ типографскому труду скромный дьяконъ церкви Николы Гостунскаго въ Москвѣ: никакія гоненія, никакія неудачи не могли помѣшать ему въ новомъ тогда дѣлѣ и болѣе всего, по его словамъ, боялся онъ вопроса Христа: „лукавый рабъ и лѣнивый, зачѣмъ не отдалъ ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ свое съ лихвою?"... „Все, что пришлось мнѣ вынести..., говоритъ онъ, ни во что не ставлю, да обрѣту Христа моего; все, что здѣсь (на землѣ), какъ сонъ, какъ тѣнь проходитъ: и доброе, и худое, все, какъ дымъ по воздуху расходится"...

Слухи о печатномъ дѣлѣ начали доходить до Москвы при Василіѣ III; тогда существовали уже типографіи въ Прагѣ, Краковѣ и Вильнѣ, печатались и славянскія книги. При Иванѣ IV, съ 1547 года, начали искать искусныхъ людей для заведенія типографіи въ Москвѣ. Такими искусниками, послѣ захожаго Миссенгейма, явились тогда Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Точныхъ біографическихъ данныхъ объ этихъ художникахъ до сихъ поръ не найдено; мы имѣемъ лишь гадательныя свѣдѣнія о томъ, какъ они познакомились съ типографскимъ искусствомъ; скудныя свѣдѣнія о дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности находятся въ послѣсловіяхъ книгъ, выданныхъ ими въ свѣтъ. Первый печатный дворъ (или типографія) въ Москвѣ построенъ на Никольской улицѣ, рядомъ съ никольскимъ греческимъ монастыремъ. 19 апрѣля 1563 г. печатный станокъ началъ свое дѣло и 1 марта 1564 г. вышли Дѣянія Апостольскія—первая, напечатанная въ Москвѣ, книга; вслѣдъ за тѣмъ, черезъ полтора года, оконченъ печатаніемъ Часовникъ. Обѣ эти книги, по отзывамъ спеціалистовъ, изданы съ большимъ искусствомъ и неоспоримо свидѣтельствуютъ о способностяхъ и трудолюбіи первыхъ московскихъ типографовъ: буквы отличаются замѣчательной стройностію, очко буквъ вездѣ одинаковой величины, линіи—одной мѣры и строго параллельны, строчки ровныя, разстоянія между буквами всегда одинаковы, также и промежутки между строками, которыя безукоризненно параллельны; въ подражаніе рукописямъ, слова иногда не отдѣлены другъ отъ друга, а набраны въ плотную; переносныхъ знаковъ нѣтъ, надстрочные знаки по мѣстамъ опущены; заглавныя буквы, служившія украшеніемъ книги, отпечатаны съ особыхъ рѣзныхъ досокъ.

Этими двумя книгами и ограничились труды нашихъ типографовъ въ Москвѣ. Въ нихъ были брошены обвиненія въ ереси и чуть-ли не въ чернокнижничествѣ, оставшіяся впрочемъ темными для насъ; первые труженики печатнаго дѣла вынуждены были спасаться бѣгствомъ. И вотъ они бѣгутъ въ другую Русь—литовскую, гдѣ широко развернулась тогда умственная дѣятельность отъ притока новыхъ, преимущественно религіозныхъ идей съ Запада, и появляются въ имѣніи великаго гетмана литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, Заблудовѣ (близъ Бѣлостока). Ходкевичъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ, далъ Ивану Ѳедорову значительное имѣніе и на свой счетъ устроилъ типографію, въ которой 17 марта 1569 г. вышло Евангеліе учительное, или съ толкованіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи—первопечатники разстались: Петръ Тимоѳеевъ отправился въ Вильну и продолжалъ свои труды тамъ, а Иванъ Ѳедоровъ очутился во Львовѣ. Причина, почему оставилъ онъ Ходкевича, остается неясною; извѣстно, впрочемъ, что Ходкевичъ рѣшилъ почему-то оставить типографское дѣло, а своему типографу предложилъ заняться земледѣльческимъ трудомъ. Но призваніе неудержимо влекло его къ новому, духовному дѣлу: „неудобно мнѣ было", говоритъ онъ, проводить время своей жизни за раломъ, заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ: духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, не рало у меня въ рукахъ—художество"...

Оставивъ Ходкевича, послѣ многихъ лишеній и трудностей, Иванъ Ѳедоровъ прибылъ въ г. Львовъ, безъ средствъ, безъ знакомствъ. Воодушевленный сознаніемъ святости дѣла, онъ обращается къ разнымъ лицамъ, которыя могли помочь ему завести типографію своими средствами; по собственнымъ словамъ, онъ становился на колѣни, кланялся въ землю, но не находилъ сочувствія; по его настоятельнымъ просьбамъ, священники сдѣлали оповѣщенія по церквамъ—и все напрасно. „Наконецъ, говоритъ онъ, явились нѣкіе малые, неславные въ мірѣ, отъ іерейскаго чина, которые пришли мнѣ на помощь". Съ величайшими трудностями обзавелся онъ типографскими принадлежностями и 15 февраля 1574 г. выпустилъ вторымъ изданіемъ Апостолъ.

Затѣмъ до 1580 года объ Иванѣ Ѳедоровѣ мы ничего не знаемъ. Въ этомъ году онъ является въ г. Острогѣ, у знаменитаго ревнителя православія, князя К. К. Острожскаго, и печатаетъ тамъ

Псалтырь и Новый Завѣтъ, а черезъ годъ, 12 августа 1581 года, выпускаетъ монументальный трудъ—полное изданіе Библіи, стоившее большихъ трудовъ какъ ему Ѳедорову, такъ и князю Острожскому. Это и былъ послѣдній трудъ приснопамятнаго для насъ Ивана Ѳедорова.

Начатое имъ дѣло не погибло ни на Югѣ, ни на Сѣверѣ Руси, а продолжалось и развивалось. Завѣтная мысль его нашла себѣ почву и „духовныя сѣмена“ разнеслись повсюду. Помянемъ имя его молитвою и благодарностію.

В. Я

КЪ ИСТОРІИ ЦѢНЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ находятся любопытныя вѣдомости о сгорѣвшемъ у казаковъ и посполитыхъ имуществѣ. Время составленія вѣдомостей—половина XVIII ст.; мѣсто составленія—черниговскій полкъ. Когда въ какомъ нибудь селѣ происходилъ пожаръ, то сельскій атаманъ доносилъ о томъ въ сотенную канцелярію, сотенная канцелярія полковой канцеляріи. По распоряженію полковой канцеляріи, на мѣсто происшествія отправлялось чиновное лицо и забирало отъ пострадавшихъ отъ пожара свѣдѣнія о причинѣ пожара и о понесенныхъ жителями убыткахъ. Вѣдомости такого рода интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ находятся указанія на домашній скарбъ малорусскаго крестьянина и козака черниговскаго полка въ XVIII ст.; находятся указанія на тогдашнюю степень крестьянскаго матеріальнаго благосостоянія; обозначены цѣны сгорѣвшихъ предметовъ.

Въ 1766 г., въ менской и борзенской сотняхъ черниговскаго полка были значительные пожары. Горѣли дома выборныхъ и подпомощныхъ казаковъ и посполитыхъ. Были составлены подробныя вѣдомости убытковъ, причемъ убытки обозначены подворно. Изъ этихъ вѣдомостей оказывается такая цѣнность построекъ, скота, и утвари: рубленая хата съ сѣнями и прикоморкомъ отъ 10 до 25 руб., хата плетневая 5 руб., комора рубленая съ помостомъ 3 руб., плетневая клуня на двухъ сохахъ 4—5 руб., плетневый хлѣвъ 50 коп., большая кровать 1 руб. 50 коп.; новый столъ 35 коп.,

скрыня 10 коп., 2 деревянныхъ ведра 4 коп., конскій возъ 40 и 50 коп., смотря по величинѣ, сани 15 коп., пара новыхъ колесъ 12 коп., двѣ новыхъ оси 4 коп., улей для пчелъ 6 коп., плугъ 12 коп., борона 10 коп., воловое ярмо 6 коп., вербовыя доски по 1 коп. за доску, осокоровыя по 1/4 коп., липовыя по 2 1/2 и дубовыя по 5 коп., четверть жита 2 руб., четверть ржаной муки 2 руб. 20 коп., четверть гречневой муки 1 руб. 50 коп., четверть овса 80 коп., четверть ячменю 1 руб. 80 к., четверикъ конопляннаго сѣмени 30 коп., четверть проса 90 коп., четверть гороха 2 руб. 80 коп., „сало едно“, т. е. откормленная свинья, 1 руб. 50 коп., старая овца 50 коп., молодая овца или ярка 27 коп., поросенокъ 4 коп., гусь 10 коп., утка 3 или 4 коп., курица 2 коп., новый овчинный кожухъ 1 руб. 20 коп., поношенный 20 коп., мужская рубаха 10 коп., женская 20 коп., черцовый поясъ отъ 20 до 25 коп., смушевая шапка 30 коп., пара чоботъ 20 или 40 коп., большое одѣяло 60 и 80 коп., рядно 20 коп., подушка 20 коп. и 40 коп., смотря по величинѣ, сѣдло съ уборомъ 1 руб. 50 коп., сабля 50 коп., фунтъ пороху 25 коп., 70 свинцовыхъ пуль 14 коп., 600 папушъ табаку 2 руб. 40 коп., новая рыболовная сѣть 50 коп., ручникъ 6 1/2 коп.

Цѣны эти въ вѣдомостяхъ обозначены многократно и въ примѣненіи къ разнымъ селамъ черниговскаго полка, с. Куковичъ менской сотни, с. Макошинѣ, той-же сотни, г. Борзнѣ и друг.

По цифрѣ убытковъ можно отчасти судить, насколько выборные козаки были богаче козаковъ подпомощныхъ, и послѣдніе богаче посполитыхъ; такъ въ с. Куковичахъ у выборныхъ козаковъ погорѣло у одного на 56 руб., другаго 75 руб., третьяго 52 руб.; у подпомощныхъ казаковъ у одного на 23 руб., у другаго на 31 р., у третьяго на 16 руб., а у посполитыхъ на 10 руб., 14 руб., 7 руб., 3 руб., 1 руб. 90 коп., 1 руб. 25 коп.

Н. Ѳ. С—въ.

КЪ СТАТЬѢ „СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ“ [1]).

По прочтеніи мною въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ статьи: „Судъ надъ вѣдьмами въ южной Руси“, мнѣ были

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1883 г., кн. XI, стр.

доставлены дополненія къ ней отъ предсѣдателя общества, профессора А. А. Потебни и отъ члена общества М. Д. Линда. Сообщаю здѣсь эти дополнительныя свѣдѣнія. Два первые разсказа записаны г. Потебней въ 60-хъ годахъ въ с. Перекоповкѣ, роменскаго уѣзда, отъ его тетки и относятся по времени, когда ею слышаны, къ 20-мъ годамъ. Г. Линда, какъ очевидецъ, передаетъ о томъ, какимъ образомъ испытывали вѣдьмъ водою въ концѣ 50-хъ годовъ.

I.

Баба „украинка" (бо ходила „на Вкраину" на заробітки) росказувала, що якъ дівувала, то ходила на досвітки. А на ту „досвітчану матірь" казали, що вона відьма. Я, каже баба, давай до неи ліститця та допитуватись, чи правду люде кажуть? А вона й призналась. „Навчи, кажу, й мене відьмувати."—Ну, приходь до мене на попряхи. Якъ прийшла я, чи пряла, чи ні—„сходи, каже, у садокъ та йди геть по стежці, та що побачишъ й мені скажи". Пішла я, ажъ тамъ у ямі, чи у яру—стерво, а черви такъ клубами й звиваютьця и розвиваютьця. Вернулась я и розказую: „отъ такъ, каже, й стягнуть й душу твою й тіло". А далі, якъ люде уже облягли та обіспали, та досвітчана матірь звеліла мени одрікатись одъ батька й матери и одъ Бога, та, znявши образъ, звеліла на його плювати. Я злякалась, та втикати, а втикаючи чула, що відьма каже: „изъїлажъ ты мене сяка-така." А вранці ту відьму знайшли задавлену, чи що.

II.

Была у насъ въ Перекоповкѣ баба „литвинка" (зъ литвы, т. е. изъ сѣверной части черниговской губерніи). Покойный батюшка звалъ ее горячою, потому что „погана" была; она „знахорювала".

„Дівки на порі" ходили на улицю особо, а „піддівочи", подростки лѣтъ 14—15, особо. Вотъ „піддівочи" захотѣли переманить парубковъ отъ старшихъ дѣвокъ къ себѣ и за совѣтомъ обратились къ Гарячей. Та посовѣтывала взять на витушку полъ мотка нитокъ и въ полночь смотать, заходя съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ „концовъ" или „десятковъ" (улицы, имѣвшія своихъ десятниковъ), „щобъ парубки зъиходились зъ усихъ сторонъ". „А яка схоче,

каже, парубка до себе принадити—то узяти слідъ съ підъ нігъ та замазати у челюсти (печи), а то ще макомъ свяченымъ на Великдень обсіяти парубка (способъ, который практикуется до нынѣ).

Чары эти имѣли успѣхъ. Парубки оставили старшихъ дѣвокъ и перешли къ „піддівочимъ", между которыми были очень красивыя. Одна попробовала прилучить къ себѣ самаго красиваго паробка чарами на слѣдъ. Случилось, что парубокъ скоропостижно умеръ. Дѣвчата перепугались до того, что нѣкоторыя попризнавались матерямъ. Матери, посовѣтовавшись между собою, да къ старшинѣ. „Гарячу" отхлестали: „коли знахорюешь, такъ роби, якъ хочъ, а нашихъ малоліткивъ зъ пути не зводь".

III.

Въ концѣ времени крымской войны мнѣ пришлось быть въ с. Полонецкомъ, въ 10 или 12 верстахъ отъ Умани. Дорога отъ Умани въ это село идетъ мѣстами вдоль берега рѣки, въ одномъ мѣстѣ котораго съ высокаго гранитнаго обрыва, сажень въ 7—8 вышины, прыгали кантонисты въ рѣку, во время своего ученья плаванью. Вблизи этого береговаго обрыва была и приспособленная спеціально для этого ученья постройка: высоко возвышающійся надъ водою помостъ на сваяхъ; съ этого помоста прыгали кантонисты, начинавшіе свое ученье плаванью и продолжали на обрывѣ берега. Въ этомъ мѣстѣ, однажды, въ концѣ лѣта, произошелъ судъ крестьянъ надъ вѣдьмами. Вѣдьмъ было, кажется, пять; крестьяне сначала хотѣли бросить ихъ въ рѣку съ помоста, на который съ берега была устроена лѣстница, но начальство роты кантонистовъ не позволило этого, и судившіе отправились къ обрыву. Толпа, сопровождавшая судбище, осталась въ отдаленіи; судьи раздѣли судимыхъ до нага, связали имъ руки и ноги, опоясали ихъ концами длинныхъ веревокъ и, держа другіе концы въ рукахъ, бросали судимыхъ ницъ лицомъ, съ обрыва въ воду. Послѣ сбрасыванія наблюдали, не выплываетъ-ли обвиняемая на поверхность воды; если не выплываетъ, то ее вытаскивали веревкою на берегъ, и объявляя невинною, предоставляли ей одѣваться. Если-же брошенная въ воду женщина выплывала тотчасъ, то ее объявляли вѣдьмою, вытаскивали изъ воды и съ крикомъ гнали въ село не-

одѣтою. Вѣдьмъ оказалось двѣ. Судъ происходилъ около полудня, и на него собрался народъ изъ многихъ окрестныхъ деревень. Что было дальше, не извѣстно.

П. Е.

ЕЩЕ РАСКАЗЕЦЪ О ВОВКУЛАКАХЪ И ЧАРОВНИКАХЪ.

Ѣхалъ я однажды на охоту съ хлопцемъ-козачкомъ села Козиницъ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, и между разговоромъ онъ спросилъ у меня:

А чи чули вы, якъ сю нічь валовали собаки?

— Ні, а що?

— Сю нічь коло нашого двору у Олексихи вовки задовили двое овець... Да те чудно, що ничого не їли, а тільки попрокушовали горла, повыпускали зъ черева тельбухи да повыдали печіинки.., Кажуть, се вовкулаки.

— Щожъ то за вовкулаки?

— Се, бачите, люде, котріхъ поперевертано на вовкивъ. Хиба не чули вы, якъ отъ у якомусь селі, забувъ у якому, казавъ дідъ Вересонъ, що ціле весілья перевернено нибы у вовкулаки. Такъ се, каже, було: пішло весілля до церкви, а одну бабу забули покликать на *Отче нашъ*; отъ вона й поробила имъ, що якъ выходило весилья зъ церкви, а музыка йшовъ навпроти ихъ стрічати, вінъ таки бувъ кривый, да якъ зійшлися вмісто, такъ и побігли вовками. И теперъ е люде, що бачили осе весилья; такъ и біга зъ червоными стрічками на головахъ, и кривый музыка шкутыльга за ними. А отъ на Чорноморіи, казавъ батько, е таки, що берутся бути дружками за гроши, щобъ боронити весілья одъ наговору. Такъ разъ було: иде весілья, а дружко й побачивъ, що одна баба одчинила кватирку, да щось шепче та й шепче. Вінъ, якъ примітивъ те, заразъ каже: стій. Весілья стало. Вінъ щось поробивъ руками, да й каже: щобъ у тебе на голові таки роги выросли, щобъ ни въ хату, ни зъ хаты. Тільки що сказавъ, заразъ и поросли роги у бабы ажъ підъ стелю. Такъ и пропала баба“.

С. Н. Исаевичъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

Лѣтомъ нынѣшняго года пришлось мнѣ быть въ г. Ромнахъ, полтавской губерніи, и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ обывателей, не тронутыми еще культурой. Передаю изъ этихъ бесѣдъ два цѣльные разсказа въ той-же простой формѣ, въ какой мнѣ самому довелось ихъ слышать, давъ имъ хоть такія заглавія:

1. Отцовское завѣчаніе.

Говорилъ одинъ отецъ, умирая, на прощаньѣ съ своимъ сыномъ: „сынку,—хочешь въ счастьи та въ спокои жити, навитъ Богови не вірь, зъ полицейскимъ не дружи, жинці правды не кажи и въ скоробогатька грошей не проси!"

Призадумался сынъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца. „Этъ, сказано, умира старый", порѣшилъ онъ и забылъ.

Не скоро какъ-то собрался онъ въ поле, или въ сосѣднее село. День былъ ясный, солнце на припекѣ, въ небѣ ни тучки. „На що іого, думаетъ онъ, свиту брать!" и поѣхалъ. Но не успѣлъ выѣхать и за царину, какъ полилъ дождь, какъ съ ведра. Тогда человѣкъ тотъ голову почесалъ и говоритъ: „правду батько говоривъ, що и Богови не вірь; отъ якъ бы узявъ свиту, такъ не страшно було-бъ дощу".

Вскорѣ потомъ понадобились тому человѣку деньги и онъ взялъ ихъ въ займы у скоробогатька, а тотъ, что ни день Божій, все къ нему: „давай гроши та й давай, хоть душу выймай", или къ сосѣдямъ идетъ и распрашиваетъ ихъ, не банкротится-ли должникъ. И такъ надоѣлъ онъ тому бѣдному человѣку, что тотъ и говоритъ: „на тобі, братику, и гроши твои и процентики, та розвяжи мені голову, коли ты такъ трусишься за ними".

И подумалъ: „правду батько казавъ"...

Только вновь любопытство его беретъ: отъ чего-же отецъ, умирая, говорилъ еще: „зъ полицейскими не дружи, жінці правды не кажи?" А онъ и съ полицейскими дружилъ и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „дай-же, я ихъ испытаю". Вотъ закололъ онъ поросенка, зажарилъ, вложилъ ему въ зубы хрѣнъ, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ туда водки и закуски и закопалъ въ погребу, а вечеромъ и говоритъ женѣ: „жинко, голубонько, не скажешь никому, якъ я тобі признаюсь?

— Ні, отвѣчала жена; хай мене Богъ побье, хай мені и се и те, никому, чоловіче, зъ роду, зъ віку не скажу.

— Ну добре, говоритъ ей мужъ; такъ и такъ, говоритъ, у мене гріхъ великій на душі—я загубивъ чоловіка.

— Де-жъ ты его дівъ? спросила жена.

— Отъ тамъ, у погребі закопавъ, отвѣчалъ тотъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ мужъ повздорилъ за что-то съ женой. Та и говоритъ ему.

— А ты такъ? Сякій такій сыну! Такъ зъ жінки згнущаешься? Постій-же, я тобі оддячу!

И выбѣжала на улицу, да давай голосить:

— Охъ мені лишенько! спасить, бороиіть мене. Ой пропала моя головонька! заріже вінъ и мене, якъ того бідного човоліка!

Тутъ случился полицейскій и сей часъ-же: что да какъ? А жена и разсказала.

Сей часъ слѣдствіе, допросъ. Тотъ давай проситься. Куда! и слушать не хотятъ. Сей часъ его раба Божія подъ арестъ, да въ погребъ. Тутъ понятые, протоколъ... жена мѣсто показала. Откопали и раскрыли... видятъ—поросенокъ.

„Ну, говоритъ тогда человѣкъ; оце вамъ и мертвецъ, тильки що печеный—не холодецъ. Пожалуйте, говоритъ, выпить и закусить, та більшъ до господы не ходить“.

Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и те и се для васъ.

А жінка: „прости мени, голубчику милый!“

Тутъ-то понялъ человѣкъ, что не даромъ говорилъ отецъ: „зъ полицейскимъ не дружи, жінці правды не кажи“.

2. Непонятая любовь.

Женился какой-то тамъ парубокъ на очень пригожей „дівчинѣ“. Любилъ онъ ее крѣпко, а о любви съ нею никогда не говоритъ. Жили они уже не мало, какъ Богъ повелѣлъ. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь и онъ присталъ къ женѣ: скажи, говоритъ, мені, якъ ты любишь мене?

А она и говоритъ ему: люблю тебе, чоловіче, якъ вітеръ у полі.

— Э, коли такъ, отвѣчалъ онъ разсердившись, то оставайся собі здорова... не хочу я жить зъ тобою, піду світъ за очи.

И пошелъ.

Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и забылъ совсѣмъ жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали высокую-превысокую, тамъ-же въ полѣ, скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки въ какомъ-нибудь заводѣ. Усталъ тотъ человѣкъ, да и легъ тутъ-же на возу, съ котораго снопы бросалъ, и лежитъ, а хозяинъ глядитъ на него и ничего ему не говоритъ, потому что зналъ, что это не лукавый работникъ. Лежитъ тотъ бѣдный человѣкъ,—голова горитъ, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь какъ разваренный.

Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтъ работникъ народился, вздохнулъ, приподнялся да и съ воза.

— Куди ты? спрашиваетъ хозяинъ.

— Прощайте, панъ-отче! отвѣчаетъ работникъ. Годі вже служити, вернусь до дому. Спасыбі вамъ за хлібъ за сіль!

— Що, якъ, чого?

— Та такъ и такъ, говоритъ тотъ человѣкъ, и разсказалъ хозяину, что и какъ заставило его идти въ работники.

„Теперь же, прибавилъ онъ, я бачу, якъ вона мене, моя голубка, любить“.

А хозяинъ ему въ отвѣтъ: „не можу-жъ я тебе держать, бо твое діло законне“.

Когда-жъ домой вернулись, хозяинъ разсчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и въ дорогу съ Богомъ отпустилъ.

И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали снова вмѣстѣ жить и другъ друга любить, какъ Господь приказалъ; только уже не спрашивалъ больше тотъ человѣкъ свою жену, какъ она любитъ его, и не покидалъ ее до самой уже смерти.

А. Грабина.

НЕКРОЛОГЪ.

Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.

Въ ряду іерарховъ русской церкви нынѣшняго и гораздо болѣе ранняго времени мы не можемъ указать лица, которое, подобно почившему архипастырю, въ одинаковой степени привлекало-бы къ себѣ и самое глубокое уваженіе и высоко-сердечныя симпатіи. Чѣмъ покоряли себѣ сердца людскія прославленные въ исторіи герои—правители и вожди народные, предводители побѣдоносныхъ полчищъ, понять это не трудно, но чѣмъ могъ привлекать къ себѣ общественныя массы скромный и молчаливый іерархъ нашего времени, представитель однихъ лишь нравственныхъ началъ, такъ глубоко упавшихъ въ нашемъ общественномъ сознаніи, не искавшій въ мірѣ ничего, не жившій въ немъ и для него, появлявшійся въ средѣ людей лишь въ часы общественной молитвы, не пользовавшійся для дѣйствія на нихъ и произведенія эффекта даже своимъ богатымъ даромъ слова,—это до нѣкоторой степени можетъ составлять загадку и считаться тайною его души.

Проявленія общественнаго сочувствія, по случаю его смерти и погребенія, вызвали много горячихъ словъ о рѣдкихъ качествахъ почившаго архипастыря и вліяніи его на общество Въ свою очередь и мы не можемъ не посвятить памяти усопшаго іерарха нѣсколькихъ строкъ на страницахъ нашего спеціальнаго изданія, и это не по движенію только личнаго нашего чувства къ незабвенному нашему ректору и профессору, но и потому, что многіе годы долгой жизни его принадлежатъ югу Россіи и въ частности Кіеву. Уроженецъ и воспитанникъ рязанскій, онъ свое высшее образованіе получилъ въ академіи кіевской, въ стѣнахъ которой, считая и годы ученія, пробылъ ровно 20 лѣтъ.

Посвящая наше слово свѣтлому имени высокопр. Димитрія, мы не станемъ говорить ни о его происхожденіи и первоначальномъ образованіи, ни о его долгой академической и архіерейской службѣ, ни еще менѣе о полученныхъ имъ по службѣ отличіяхъ. Мы отмѣтимъ лишь тѣ черты въ его личности и тѣ факты изъ его жизни, которые выдвигаютъ его далеко изъ ряда нашихъ знаменитостей вообще и въ частности іерархическихъ.

Начнемъ съ того, что молодой студентъ Климентъ, въ монашествѣ Димитрій, Муретовъ чрезъ два года по окончаніи курса въ

академіи становится ординарнымъ профессоромъ по самой главной и первой богословской каѳедрѣ энциклопедіи богословскихъ наукъ, имѣя у себя экстраординарнымъ профессоромъ инспектора академіи архимандрита Григорія (впослѣдствіи калужскаго епископа), чрезъ другіе два года занимаетъ его административный постъ, а еще чрезъ два года становится во главѣ высшаго учебнаго заведенія, въ должности ректора академіи. Кто и гдѣ можетъ указать примѣръ подобнаго, невѣроятно быстраго возвышенія? И это не въ придворной или военной сферѣ, гдѣ, помимо дарованій и заслугъ, карьера создается иногда какою нибудь случайностію—связями, протекціею, бойкостію рѣчи, даже внѣшностію и ловкостію въ танцахъ, но происходитъ это въ заурядной училищной сферѣ, гдѣ даже особо привилегированное монашество тянуло подъ часъ служебную лямку десятками годовъ. Притомъ академія не стояла тогда такъ одиноко, какъ теперь, на подобіе заѣзжаго двора; ей подчинялись и такъ сказать органически связывались съ нею до полутора десятка духовныхъ семинарій и до полусотни духовныхъ-же уѣздныхъ училищъ. Итакъ архимандритъ Димитрій, спустя шесть лѣтъ отъ окончанія курса въ академіи, былъ не только ректоромъ оной, но вмѣстѣ начальникомъ обширнаго духовно-учебнаго округа, имѣвшимъ подъ собою до 500 подчиненныхъ. Только необыкновенныя дарованія молодаго и никому неизвѣстнаго монаха Димитрія могли создать ему столь необычайно быструю карьеру; ни родство, ни кумовство, ни даже дѣйствовавшее тогда землячество не имѣли тутъ мѣста. Знаменитый въ то время ректоръ кіевской академіи, Иннокентій Борисовъ оцѣнилъ дарованія Димитрія и сдавъ ему свою первенствующую богословскую каѳедру, пожелалъ въ лицѣ его поставить себѣ преемника, менѣе блестящаго, чѣмъ былъ самъ, но болѣе его глубокаго мыслителя, уступавшаго ему въ смѣлости и оригинальности воззрѣній, но превосходившаго его широтою и основательностію сужденій.

Шестнадцать самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ преосв. Димитрій кіевской академіи и оставилъ на ней неизгладимые слѣды своего сильнаго и разносторонняго вліянія; изъ нихъ четырнадцать лѣтъ посвящены имъ главнымъ образомъ разработкѣ богословской науки. Съ свѣтлымъ, воспріимчивымъ умомъ, при необъятной памяти, непрерывными усидчивыми занятіями молодой богословъ достигъ

самой широкой эрудиціи въ избранной имъ научной области, овладѣлъ вполнѣ источниками христіанскаго вѣроученія и всѣми соприкосновенными имъ отраслями знаній и пришелъ къ счастливой мысли примѣненія къ богословской наукѣ историческаго метода. Это было тогда совершенною новостію не только въ богословской наукѣ, но и въ другихъ научныхъ сферахъ; но оно дало его изложенію стройную систему, незыблемую прочность, живость и прелесть новизны. Да, онъ создалъ у насъ богословскую науку, но не въ смыслѣ освобожденія оной отъ схоластическихъ оковъ, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ замѣтки о немъ въ одной изъ одесскихъ газетъ, а въ смыслѣ установленія стройной системы и правильнаго метода. Какіе слѣды схоластики могли остаться послѣ смѣлаго новатора Иннокентія? Но его новаторство не было объсновано строгонаучнымъ образомъ и его богословствованіе винили въ неологизмѣ; преемникъ его по каѳедрѣ, Димитрій, подвелъ крѣпкій фундаментъ и снялъ съ науки опасный для нея упрекъ. Сравнивая работу этихъ двухъ выдающихся богослововъ, можно сказать, что первый лишь смѣлыми шагами намѣтилъ путь къ зрѣлому богословствованію, а второй разчистилъ этотъ путь и сдѣлалъ его столько-же вѣрнымъ, какъ и безопаснымъ.

Но не въ одной вѣрной постановкѣ и обработкѣ богословской науки состояла заслуга арх. Димитрія для нашей академіи; онъ имѣлъ рѣдкія, неоцѣнимыя преимущества, какъ профессоръ вообще, и ими-то приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей и производилъ на нихъ неотразимое вліяніе. Преимущества эти заключались въ самой серьезной подготовкѣ его къ каждой лекціи, ясномъ и опредѣленномъ представленіи имъ ея содержанія и объема, въ ясномъ-же и солидномъ изложеніи, безукоризненно чистой и даже изящной рѣчи и превосходной дикціи. Мы слушали послѣдній читанный имъ курсъ, который даже не былъ вполнѣ оконченъ имъ, за послѣдовавшимъ назначеніемъ его въ епископа тульскаго. Онъ былъ тогда во цвѣтѣ силъ и развитія, во всеоружіи учености, и не ослабѣлъ ни на іоту въ живости и сочувствіи къ своему дѣлу. Мы живо помнимъ эту высокую, могучую и привлекательную фигуру съ роскошной, какъ смоль черной, бородой. Ровно въ десять часовъ, мѣрнымъ какъ размахи памятника шагомъ, проходилъ онъ изъ своей квартиры, съ другаго конца двора, въ давно знакомую ему аудиторію.

Подойдя спокойною и ровною поступью къ каѳедрѣ и прослушавъ молитву, онъ не всходилъ на каѳедру, не садился за столъ, но сдѣлавъ легкій въ обѣ стороны поклонъ, разъ или два молча проходилъ по классу, а за тѣмъ раздавалось его классическое: *„ну-съ, мы теперь подходимъ...*, или: *хотя*, либо: *съ другой стороны...* и лилась живымъ, все болѣе и болѣе усиливающимся и расширяющимся потокомъ полная ума и знанія рѣчь. Привычнымъ мѣрнымъ шагомъ движется колоссальная фигура лектора въ задъ и впередъ между двухъ рядовъ превратившихся въ слухъ студентовъ; сильный, густой басъ его, съ замѣтною сдержанностію, раздается въ видѣ непрерывнаго, то ослабѣвающаго, то усиливающагося рокота или гула, котораго однако каждый звукъ явственно слышится на всей линіи движенія и на неизмѣнныхъ поворотахъ. Ни на минуту не остановится дивный лекторъ, ни на одномъ словѣ не запнется и не поправится, и никакой у него неточности, ни обмолвки, но самымъ тщательнымъ образомъ обработанная рѣчь. Порой поднимается его голосъ и вы слышите отборныя, блестящія фразы, и снова затѣмъ льется ровная, гладкая, какъ ширь тихаго залива, рѣчь. Въ рукахъ у него ни книжки, ии тетрадки, ни какого-либо клочка бумаги, а между тѣмъ лекція переполнена подъ часъ ссылками, цитатами, выдающимися свидѣтельствами, и все это, отъ словъ до цифръ страницъ, приводится съ поразительною точностію по памяти. А лекціи тогда были двухъ-часовыя; и такъ отъ звонка до звонка, три и четыре раза въ недѣлю, а въ иные курсы и каждый день. Присоедините къ этому многочисленныя и разнообразныя занятія знаменитаго профессора по званію ректора академіи и начальника округа, по должности члена консисторіи, редактора журнала и настоятеля монастыря, прибавьте нѣкоторыя знакомства и частыя служенія, особливо съ митрополитомъ и иногда съ длинными и накладными обѣдами, и тогда ясно будетъ, какой необычайный талантъ и какая масса труда требовались для тѣхъ лекцій, которыя мы по далекой памяти очертили. Признаемся, во всю нашу жизнь мы не слышали ничего совершеннѣе этихъ чтеній. Намъ памятны въ особенности восхитительная аналогія, которую проводилъ высокоталантливый нашъ профессоръ между ветхозавѣтными пророчествами о евреяхъ и ихъ исторической судьбою, современнымъ соціальнымъ положеніемъ, нравственными и физическими чертами, равно та естествен-

ность, простота и психологическая вѣроятность, съ которыми объяснялъ онъ мистико-аллегорическое ученіе о мытарствахъ. Тамъ видна была тонкая кисть художника, здѣсь глубокій анализъ психолога и вмѣстѣ глубоко вѣрующаго человѣка.

Но изъ всей груды умственныхъ сокровищъ, которыя разсыпалъ нынѣ усопшій іерархъ въ своей аудиторіи, въ теченіи 16-ти лѣтъ, не осталось ни одной строчки записанной его рукою. Въ каждомъ курсѣ академическомъ въ числѣ студентовъ было два-три самоучки-стенографы, которые записывали каждую лекцію Димитрія въ классѣ, дополняли, сводили и редактировали записи дома и такимъ образомъ имѣли по чемъ готовиться къ экзамену. Каждый курсъ имѣлъ по этому особыя списки лекцій Димитрія, которыхъ онъ однако никогда не видѣлъ и которые потомъ неизвѣстно куда дѣвались. Лишь въ X курсѣ студентомъ Н. Оглоблинымъ (впослѣдствіи ключаремъ кіево-софійскаго собора) составлена была самая полная и точная запись всѣхъ лекцій Димитрія, которая, по разсмотрѣніи ея самимъ лекторомъ, перешла къ товарищу Оглоблина, извѣстному потомъ митрополиту Макарію Булгакову и разработана имъ самостоятельно въ составившее ему извѣстность „Введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ“.

Полную цѣну чтеніямъ арх. Димитрія мы узнали лишь тогда, когда на стулѣ, на которомъ онъ никогда не садился, возсѣлъ маленькій ростомъ, слабый здоровьемъ и голосомъ, рыжеволосый и въ добавокъ пришепётывавшій докторъ богословія, арх. Антоній Амфитеатровъ и разложивъ по столу книги и тетради, началъ трактатъ о таинствахъ, прерываясь, поправляясь и заглядывая попеременно то въ книги, то въ тетрадь. Это былъ отличный администраторъ, прекрасный человѣкъ, не дюжиннаго даже ума и знаній, но слушать его послѣ Димитрія не было ни малѣйшей охоты, и явился онъ точно для того, чтобы оттѣнить собою исполинское обаяніе проф. Димитрія.

Въ свою очередь безсмертный профессоръ не обладалъ талантами администратора и организатора и если такъ долго держалъ на извѣстной высотѣ и академію и другія зависѣвшія отъ него учрежденія, то единственно необъятною силою своего нравственнаго авторитета, своею безконечною добротою и любовію, которыми онъ безъ словъ и училъ, и наставлялъ, и приказывалъ, и наказывалъ,

и обязывалъ, и привязывалъ всѣхъ къ себѣ. Въ бытность свою инспекторомъ академіи онъ какъ-то въ поздній вечеръ нашелъ на академическомъ дворѣ подгулявшаго гдѣ-то и совсѣмъ свалившагося съ ногъ студента. Молча, поднялъ онъ его съ земли, взялъ подъ руку, привелъ въ номеръ и пропустивъ въ слегка приотворенную имъ-же дверь, быстро скрылся. Проспавшись, виновный радъ былъ сквозь землю провалиться, а своеобразный цензоръ студенческихъ нравовъ такъ и не звалъ его къ себѣ. Въ послѣдніе годы ректорства Димитрія сочиненъ былъ извѣстный акаѳистъ *кукурузѣ*, не вызвавшій, конечно, никакого преслѣдованія съ его стороны, равно случился знаменитый бунтъ студентовъ изъ-за поданной въ столовой рыбы *тарани* съ холодной подливой изъ гречневой крупы. Когда наши старшіе явились къ ректору съ своимъ мышинымъ протестомъ, онъ, выслушавъ съ обычнымъ спокойствіемъ ихъ рѣчь и даже ссылку на высочайшій указъ, воспрещавшій якобы употребленіе *тарани*, сказалъ всегдашнее свое „хорошо-съ“, поклонился и удалился во внутренніе покои, а на другой день въ столовой явилось нормальное росписаніе блюдъ, отъ котораго мы, избалованные отчасти тѣмъ-же добрымъ ректоромъ (*тарань* явилась какъ-то случайно), желали избавиться еще болѣе, чѣмъ отъ ненавистной *тарани*, въ чемъ и успѣли проявленными нами терпѣніемъ и послушаніемъ...

Проводы Димитрія изъ академіи, по назначеніи его епископомъ тульскимъ, были въ высокой степени трогательны и ничего подобнаго имъ не приходилось уже намъ встрѣчать когда либо въ жизни. Въ этотъ день не было у насъ ученія и мы помянули его по *студенчески*... Не было, кажется, шалости, ребячества, которыя не прощались-бы теперь ради великаго имени нашего учителя. Обнимались, цѣловались, прощали другъ другу обиды, клялись служить наукѣ, любить другъ друга..., гурьбой ходили въ квартиру Димитрія, садились на его мебель, глядѣли на опустѣлыя отъ книгъ шкафы, шли въ аудиторію и снова возвращались въ 5 № тушить скорбь въ винѣ. Поднимался шумъ, гамъ разгоряченныхъ головъ. Вдругъ кто-то изъ студентовъ вскакиваетъ на столъ и высоко поднимаетъ портретъ Димитрія. Всѣ, какъ одинъ, преклонились передъ нимъ и послышалось глухое рыданье...

Въ архіерейскомъ званіи преосвященный Димитрій пробылъ тотъ срокъ, какимъ приблизительно исчисляется срокъ жизни Іисуса

Христа,—тридцать три съ половиною года, и былъ живымъ воплощеніемъ Его ученія о пастырѣ *добромъ*. Изъ Тулы (1851—1857) онъ переведенъ въ Одессу, отсюда въ Ярославль, оттуда, по собственному желанію, перешелъ въ Житоміръ и наконецъ опять возвратился въ Одессу. Съ принятіемъ епископскаго сана, славный доселѣ богословъ профессоръ, совсѣмъ оставилъ науку, чтобы она не мѣшала ему, какъ нѣкоторымъ другимъ, въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Вся жизнь его отселѣ посвящена богослуженію, проповѣди, управленію и самой широкой благотворительности. Его благоговѣйное служеніе производило глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и невольно влекло къ молитвѣ; его проповѣдь исполнена была высокой христіанской мудрости и назиданія, согрѣта была всегда теплымъ христіанскимъ чувствомъ, дышала высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ и чужда была вовсе модныхъ словъ и фразъ легкаго, игриваго изложенія, нѣкотораго какъ-бы фельетонизма, которые, къ глубокому прискорбію вѣрующихъ, проторгаются теперь и на церковную каѳедру; его благотворительность не знала границъ и въ соединеніи съ кротостію, добротою и смиреніемъ, создала ему ту феноменальную популярность, которая сказалась въ особенности теперь при его погребеніи и предъ которою становятся въ тупикъ газетчики, не находящіе словъ для выраженія удивленія къ личности почившаго архипастыря. А онъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только буквально выполнялъ заповѣдь Христа Спасителя: *просящему у тебя дай и хотящему у тебя заяти не отврати.*

Чтобы наглядно представить, какъ онъ выполнялъ эту заподѣдь, приведемъ два слѣдующіе, едва-ли кому извѣстные случая. Еще въ бытность арх. Димитрія ректоромъ академіи мы видѣли, какъ приходили къ нему и выходили отъ него, особливо по субботамъ, десятки не простыхъ только уличныхъ нищихъ, но и другихъ бѣдныхъ людей. Все большое его содержаніе уходило на нихъ и нерѣдко, не имѣя чего дать, онъ бралъ деньги въ займы у своихъ келейниковъ. Разъ приходитъ къ нему какой-то военный и назвавшись полковникомъ, проситъ въ займы 1,000 р., заявляя, что отъ этого зависитъ судьба его и его семьи. Не входя ни въ какіе расспросы, добрый архимандритъ прошелъ молча въ кабинетъ, вынесъ оттуда толстый свертокъ и подавая просителю, сказалъ: „извините, полковникъ; ей, нѣтъ у меня такой суммы, а вотъ, сколько наш-

лось, прошу принять". Въ сверткѣ было 600 р., но ни ихъ, ни полковника онъ ужъ больше не видалъ.

Другой случай.—Въ Тулѣ къ преосвященному Димитрію приходитъ какъ-то бѣдная мѣщанка и проситъ у него въ займы *два* рубля. Пошарилъ онъ въ карманахъ,—пусто, въ столахъ тоже; пошелъ къ келейнику, къ другому, во всемъ архіерейскомъ домѣ не нашлось *двухъ* рублей. Спрашиваетъ онъ мѣщанку: „да на что тебѣ, матушка, два рубля?" думая, нельзя-ли какъ-нибудь иначе ей помочь. „Да вотъ, отецъ ты мой, говоритъ она ему, мужъ у меня померъ. Горе мое горькое! Гробъ-отъ кой-какъ сколотили, яму роютъ тожъ, да вотъ попъ за похоронъ два цѣлковыхъ запросилъ, и иначе, говоритъ, и хоронить не стану. Я его просить, а онъ насупротивъ: да у меня говоритъ, мать моя, у самого семеро ребятишекъ, тоже хлѣбушка просятъ... Займи!—Да гдѣ занять-то? Вотъ и пошла къ тебѣ. Коровушку-то какъ продамъ, всѣхъ одѣлять буду, и тебя не забуду... Право слово!" „Право, матушка, теперь денегъ у меня не случилось, отвѣчалъ ей пастырь добрый; да ты однако не безпокойся, иди домой, я самъ буду хоронить твоего мужа". И тотъ часъ послалъ сказать священнику, что самъ будетъ на выносъ, служеніе и отпѣванье. Пріѣхалъ, поднялъ покойника отъ лачуги и въ церковь проводилъ; служилъ всенощную, на другой день обѣдню, сказалъ поразительное своею умилительностію слово, и совершивъ отпѣванье, проводилъ гробъ на кладбище и пригласилъ собравшихся во множествѣ священниковъ къ себѣ на поминальный обѣдъ. Во все время владыка не проронилъ слова о случаѣ, по которому отпѣвалъ бѣдняка; только по окончаніи обѣда, отпуская сослужившихъ ему іереевъ, онъ подошелъ къ приходскому и кротко подалъ ему два рубля. Тотъ радъ былъ сквозь землю провалиться, но владыка всунулъ ему въ руку два рубля, кротко говоря: „видите-ли, я служилъ по доброй моей волѣ, а вы вѣдь тѣмъ живете; жалованья вамъ не даютъ, откуда-же взять?"

Къ этимъ двумъ случаямъ прибавимъ третій, свѣжо переданный въ одесскихъ газетахъ, переполненныхъ подробностями невиданнаго и неслыханнаго сочувствія, какое проявляли всѣ классы и всѣ національности одесскаго населенія, провожая въ могилу скончавшагося своего архипастыря.—Въ недавнее уже время приходитъ къ нему какая-то вдова и проситъ пособія. „Право, не случилось

теперь у меня денегъ, отвѣчаетъ высокопреосвященный Димитрій; не зайдете-ли какъ-нибудь послѣ?" Въ это время подаютъ ему пакетъ съ деньгами, отъ какого-то семейства, въ которомъ онъ не давно хоронилъ, и онъ не вскрывая пакета, отдаетъ его вдовѣ съ словами: „а вотъ Богъ на ваше счастье посылаетъ". Вдова выходитъ и вскрываетъ пакетъ; въ немъ оказалось 300 р. Пораженная суммой, о которой ей въ голову не приходило, она возращается къ архіепископу, объявляетъ случившееся и отдаетъ обратно пакетъ, заявляя, что такой суммы она не смѣетъ взять. „Ну, что-жъ? отвѣчаетъ онъ ей. Это значитъ Господь на ваше счастіе послалъ. Возьмите!" и съ этими словами оставляетъ растерявшуюся вдову.

Довольно... Это-ли не „гуманнѣйшій человѣкъ нашего времени", какъ неумѣло назвалъ его какой-то мѣстный газетчикъ? Это-ли не величайшій изъ святителей земли русской, достойный занять мѣсто въ народной памяти на ряду съ именами св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго? Двадцать пять лѣтъ назадъ богомольная Тула продержала его весь прощальный съ нею день въ соборѣ и близъ собора, ловя его послѣднее благословеніе, и не давъ ему подкрѣпить себя въ путь хотя глоткомъ чаю, провезла его на своихъ хребтахъ нѣсколько верстъ за городъ. Нѣсколько лѣтъ спустя разноплеменная и коммерческая Одесса молила оставить ей дорогаго святителя и, когда мольба ея не была услышана, силилась какъ-бы удержать или догнать его на желѣзнодорожномъ поѣздѣ. Теперь все ея фешенебельное, черство-коммерческое, или чиновное, и простое вѣрующее, и даже не вѣрующее во Христа еврейское населеніе проводило въ могилу гробъ его съ неслыханными чествованіями и горячими слезами. По истинѣ великъ святитель, къ гробу котораго по пути погребальной процессіи неслись вопли народные: „не оставь насъ, святой угодникъ!" и который даже въ игривомъ фельетонистѣ вызвалъ такія сердечныя слова: „Звѣзда померкла... Но и этого мало: померкло солнце, которое насъ живило, согрѣвало и питало. Перестало биться величайшее сердце, какое когда-либо было въ человѣчествѣ". По истинѣ великъ тотъ христіанскій пастырь, который своею жизнію способенъ вызвать такія чрезвычайныя признанія! Его смерть и погребеніе явились всенароднымъ торжествомъ христіанскаго принципа: *любите другъ друга!*

Да живетъ этотъ дивный святитель въ памяти народной и да живетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполненный имъ до конца завѣтъ Христовъ о любви къ ближнимъ!

Ѳ. Л—въ.

КОЛЯДКА И ВИРША.

I.

По саду, саду
Павличко ходивъ,
Ой дай, Боже!
По саду, саду
Павличко ходивъ,
Святый вечіръ!
По саду ходивъ,
Коника водивъ.
Ой дай, Боже!
По саду... и такъ далѣе
Святый вечіръ!
Коника водивъ,
Съ коникомъ говоривъ:
Ой дай, Боже!
Коника...
Святый вечіръ!
„Ой, коню, коню!
Я тебе продамъ".
Ой дай, Боже!
„Ой, коню...
Святый вечіръ!
—„Молодый Павличко,
Не продавай!
Ой дай, Боже!
—„Молодый Павличко...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу
Черезъ тихий Дунай,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу,
Ни копитця не замочу,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Ни копитця не замочу,
Ни стремена, ни стрілочка.
Ой дай, Боже!
—„Ни копитця...
Святый вечіръ!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!"—
Ой дай, Боже!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!"—

II.

Я маленький пахоликъ
Родивсь у вівторокъ,
У середу рано
Мене до школы здано;
Я йду, плачу,
Стежки не бачу,
Двери відчиняю,
Съ празничкомъ поздоровляю.

С. Нова Водолага, валк. у., харьк. г.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ СОФІИ ОСТРОЖСКОЙ.

Чтобы въ короткихъ словахъ характеризовать лице, портретъ котораго мы прилагаемъ, достаточно было-бы сказать, что это жена князя Константина Константиновича Острожскаго. Потомокъ знатнѣйшей отрасли великокняжескаго дома Владиміра св., сынъ знаменитаго гетмана литовскаго, самъ еще въ юные годы прославившій себя воинскими и гражданскими доблестями, образованнѣйшій человѣкъ своего времени—онъ долженъ былъ имѣть и жену соотвѣтственныхъ достоинствъ. И какъ ни скудны источники, изъ которыхъ можно было извлечь хотя мелкія черты для опредѣленія личности княгини Софіи Острожской, мы не можемъ не сказать, что она была вполнѣ достойна славнаго своего мужа по своимъ, родовымъ и личнымъ, душевнымъ и физическимъ, качествамъ.

Родъ графовъ Тарновскихъ въ извѣстныхъ польскихъ гербовникахъ Нѣсецкаго и Папроцкаго считается столь-же почти древнимъ и знатнымъ, какъ и родъ князей Острожскихъ. Отецъ Софіи Острожской, Янъ Тарновскій былъ каштеляномъ краковскимъ и маршаломъ короннымъ, а братъ ея, тогоже имени, каштеляномъ войницкимъ, сама-же Софія единственною наслѣдницею обширныхъ родовыхъ имѣній въ Галиціи—Тарнова, Горличина, Преворска, Вевюрки и др. Не другое что, какъ высокія внѣшнія и внутреннія качества Софіи и душевное влеченіе могли побудить князя Константина избрать себѣ жену-польку, когда въ то время было еще такъ много знатныхъ русскихъ княжескихъ и иныхъ родовъ, а выказанная имъ въ послѣдствіи такъ блистательно ревность по вѣрѣ отцевъ и желаніе удержать въ ней своихъ дѣтей могли ставить ему въ этомъ дѣлѣ самую серьезную преграду. Кто знаетъ, не предшествовало-ли браку согласіе Софьи быть одной вѣры съ мужемъ; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы она оставалась католичкою и чтобы въ острожскомъ замкѣ былъ костелъ, а ее окружали-бы католическіе патеры. Извѣстно, какъ сурово отнесся Константинъ къ старшему сыну своему Янушу, когда тотъ, живя въ молодые годы при королевскомъ дворѣ, принялъ католичество, и какъ боялся онъ, чтобы таже судьба не постигла и другихъ его сыновей. Трудно допустить, чтобы онъ мирился въ католичествомъ въ лицѣ своей жены, или въ виду ея такъ строго и ревниво оберегалъ православіе своихъ дѣтей. Если въ эпитафіи

на надгробномъ памятникѣ Софіи, устроенномъ самимъ Константиномъ, послѣ перечисленія всѣхъ ея добродѣтелей, и значится, что она прожила въ вѣрѣ католической (in fide catholica), то мы не можемъ понимать этого слова иначе, какъ въ его первоначальномъ собственномъ смыслѣ—правовѣрный или православный, ибо иначе оно не гарманировало-бы и съ высоко хвалебнымъ тономъ эпитафіи и съ всегдашнимъ религіознымъ настроеніемъ князя Константина. Какъ бы однако ни было, но допуская даже, что Софія и по выходѣ въ замужество оставалась въ католичествѣ, мы еще менѣе сказать можемъ, чтобы она была проникнута сколько нибудь религіознымъ фанатизмомъ того вѣка и внесла какую либо рознь въ семью своимъ иновѣріемъ. Если они сошлись въ толерантности, которую въ другихъ случаяхъ проявлялъ и самъ князь Константинъ, то это только свидѣтельствуетъ о ея высокомъ умѣ и развитіи.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ грабянка Софія Тарновская стала невѣстой и женой князя Константина Острожскаго, объ этомъ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній. Изъ упомянутой уже эпитафіи узнаемъ, что Софія умерла 36-ти лѣтъ отъ роду, спустя четыре недѣли послѣ рожденія сына Александра, 1-го іюля 1570 г., и погребена въ фамильномъ склепѣ, въ родовомъ Тарновѣ. Братъ ея умеръ тремя годами и тремя мѣсяцами раньше ея и всѣ обширныя имѣнія гр. Тарновскихъ слились съ имѣніями князей Острожскихъ. Кромѣ извѣстныхъ уже сыновей, у ней были двѣ дочери: Екатерина, вышедшая за троцкаго каштеляна Радзивила и умершая, какъ и мать, послѣ родовъ въ 1579 г., и Елисавета, бывшая въ замужествѣ за Кишкою, старостою жмудскимъ, а потомъ ставшая женою того-же Радзивила.

Латинская эпитафія [1]) Софьѣ Острожской, приводимая у Папроцкаго и составленная по меньшей мѣрѣ съ вѣдома и согласія убитаго горемъ мужа „возлюбленнѣйшей супруги", даетъ ей такую характеристику: „урожденная изъ фамиліи знаменитыхъ гражданскими и военными доблестями графовъ Тарновскихъ, прекраснѣйшая нравомъ и лицемъ, а прежде всего величіемъ духа, мудростію, благородствомъ, ласковостію, любовію къ Богу и милосердіемъ къ людямъ, и другими драгоцѣннѣйшими и по истинѣ геро-

[1]) Herby Rycerstwa polsk. Paprockiego. Krakow. 1858., стр. 485—86.

ческими добродѣтелями преукрашенная". Источникъ этотъ мало имѣлъ-бы для насъ значенія въ опредѣленіи личности княгини Софіи, если-бы въ самомъ изображеніи ея, какъ оно дошло до насъ, не видны были ясные слѣды ума, сосредоточенности, благородства, изящества, мужества и красоты. Много и то значитъ для ея свѣтлой памяти, что въ актахъ того времени, гдѣ такъ много самыхъ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ непривлекательнымъ образомъ фигурируютъ знатнѣйшія женщины княжескихъ и графскихъ фамилій, нигдѣ не проскользнуло какой либо темной чертой и даже вовсе не примѣшалось къ нимъ чистое имя княгини Софіи Острожской. Безъ сомнѣнія, кромѣ счастія супружескаго, она внесла въ домъ своего мужа все, что лучшаго и изящнѣйшаго выработала тогдашняя польско-русская и европейская культура.

Прилагаемый портретъ княгини Острожской имѣетъ, конечно, гораздо большее значеніе археологическое, нежели историческое. Здѣсь въ самомъ полномъ видѣ самый дорогой и самый изящный головной и весь остальной нарядъ южно-русской женщины—княгини XVI в., о которомъ мы доселѣ ни какого представленія не имѣли. Предоставля археологамъ разобрать и изслѣдовать всѣ эти „златоглавы, среброглавы" и другія части наряда, мы замѣтимъ только, что въ сходствѣ портрета, заимствованнаго изъ той-же галлереи князей Вишневецкихъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, Видѣвъ подлинникъ его, принадлежащій теперь А. М. Лазаревскому, мы пожалѣли о томъ, что снятая прежде очистки портрета фотографія не могла схватить замѣчательно тонкой и стройной фигуры княгини, какая явственно видна на подлинникѣ портрета.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Б.

*) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

Н.

О.

Т.

Ѳ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

Ноябрь, 1883 г.

Декабрь, 1883 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

(Галицко-рускія изданія).

Новѣйшіи сочиненія, выйшовшû зъ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыи.

Афоризмы Ивана А. Федоровича съ портретомъ автора, 8-цѣ, стор. 206. 1 зр.

Новіи пѣсни Дмитра Третяка (другій накладъ дополненый и исправленый) въ малой 8-цѣ, стор. 48. 10 кр.

Проповѣди церковніи Ник. М. Верещинского, томъ II, въ 4-цѣ, стор. 224. 1 зр.

Кромѣ того препоручаемъ до читаня популярнû давнѣйшû изданія:

Геновефа, найкрасша и найжалобнѣйша повѣсть, въ 16-цѣ, стор. 123. 30 кр.

Луць Заливайко, съ 19 обр., въ 16-цѣ, стор. 46., 15 кр.

Церкви русскіи въ Галичинѣ и Буковинѣ съ 84 хор. образками, въ 8-цѣ, стор. 184., 1 зр. 50 к.

Коляды или Пѣсни на Рождество Христово, съ додаткомъ благожеланій для колядниковъ, въ 16-цѣ, стор. 80., 10 кр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной, домъ Боборыкиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А: МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ“, ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія“, рядъ разсказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно“ (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ“; И. СЕВЕРИНА, „Врали“, комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи“, картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ“, ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ“, (центры умственной жизни;) А. СИМОНОВОЙ „Чья возметъ“ повѣсть, А. КРУГЛОВА „Разсказы изъ народнаго быта“; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда“, большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка“, разсказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ“, поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ“, историч. романъ“; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки“ изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ“, изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза“, очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе“, ром. съ илюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія — отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «**Церковно-Общественнаго Вѣстника**»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневснаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсапова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ*.

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить програму.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не обращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской

ческія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»:** гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ,** въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С,-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ",

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „*ВОЛЫНЬ*" будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новоыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объвввленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородныхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ходящихъ книгъ; XII. Статьи по текущей русской журналистикѣ; XIII. Письма изъ-за границы; XIV. Письма изъ провинціи, въ формѣ особыхъ статей; XV. Сообщенія изъ губерній въ видѣ фактическихъ текущихъ извѣстій; XVI. Судебная лѣтопись, въ формѣ обработанныхъ разсказовъ изъ уголовной хроники; XVII. Замѣтки полемическаго характера; XVIII. Фельетонъ. XIX. Разныя разности. Факты, сообщенія, выдающіяся происшествія, слухи и т. п. XX. Объявленія.

Въ составъ *«Журнала Романовъ* и *Повѣстей»* входятъ романы и повѣсти какъ русскіе, такъ и переводные. Въ каждой книжкѣ помѣщается отъ 3 до 4 произведеній, которыя втеченіе года составляютъ отъ *двѣнадцати* до *четырнадцати* большихъ романовъ и повѣстей.

Цѣна обоихъ изданій вмѣстѣ, то есть *«Недѣли»* съ приложеніемъ *«Журнала Романовъ* и *Повѣстей»*, 8 рублей въ годъ, съ доставкой пересылкой.

Подписка на 1884 годъ открыта.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи *«Недѣли»* у Владимірской церкви, Ямская, 6.

Редакторъ-издатель *П. А. Гайдебуровъ.*

„РУССКІЙ АРХИВЪ,"

1884 Г. (22-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Русскій Архивъ историческій сборникъ, преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1884 году *шесть разъ* въ годъ: въ генварѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ крупнаго и вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ издается уже третье десятилѣтіе, и потому не нуждается въ зазывахъ и многообѣщающихъ посулахъ. Онъ остается вѣренъ основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнопрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣйствительности. На его знамени можно бы написать старинную поговорку: «не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ». Разумѣется, при такомъ отношеніи къ дѣлу немыслимо пристрастное освѣщеніе историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности. Историческое изданіе, своимъ содержаніемъ удовлетворяющее не одну минутному любопытству и цѣнное не только для нашего времени, но и для временъ будущихъ, ведется въ такомъ видѣ, чтобы читатели могли немедленно отыскивать прочтенное и наводить нужныя справки; для того при каждой книгѣ Русскаго Архива имѣются особые указатели, а нынѣ печатается общая предметная роспись за первыя двадцать лѣтъ (1863—1882), посредствомъ которой легко обозримо и сподручно все исторіографическое богатство нашего сборника.

Къ «Русскому Архиву» 1883 года приложены: I. Переписка Кристина съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «*Наблюдателя*». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Радакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ.

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ «**Свѣтъ и Тѣни**»—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ «**Мірской Толкъ**», обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками каррикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ каррикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала «**Свѣтъ и Тѣни**» начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа «**Бѣлая невольница**» *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ всторическая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты,* подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова.*

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ **«Библіотекѣ Мірскаго Толка»** редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 гбда.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство", съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени" и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Өедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.